

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

ЭКСТРЕМИЗМ – НОВЫЕ ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сборник материалов международной научной конференции

Барнаул
2022

ББК 67я431

Э 417 Экстремизм – новые вызовы региональной безопасности : электронный сборник материалов международной научной конференции / под ред. Д.Л. Проказина. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – 83 с.

Научное электронное издание

В сборнике представлены статьи специалистов в области противодействия экстремизму Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Китайской Народной Республики. Авторы рассматривают различные аспекты проблематики противостояния экстремизму на уровне международного и регионального взаимодействия.

Сборник в целом посвящен различным аспектам проблемы противодействия экстремизму и терроризму в рамках контактных территорий евразийского пространства, особенностям деятельности террористических и экстремистских организаций, проявляющих активность на территории нашей страны и в сопредельных государствах Центральной Азии, а также проблеме профилактики террористических и экстремистских проявлений заинтересованными силовыми, государственными и образовательными структурами.

ISBN 978-5-94552-493-4

Текстовое (символьное) электронное издание. Объем 1,9 Мб.
Дата подписания к использованию: 25.05.2022.

Системные требования:

PC, Intel 1 ГГц; 512 Мб опер. памяти; 30 Мб свобод. диск. пространства;
DVD-привод; ОС Windows 7 и выше, ПО для чтения pdf-файлов.

Адрес: 656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49.

ISBN 978-5-94552-493-4

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2022

Научное издание

Экстремизм – новые вызовы региональной безопасности

Сборник материалов международной научной конференции

Под редакцией Д.Л. Проказина

Редактор	Ю.С. Жолобова
Корректурa, компьютерная верстка	М.В. Егерь
Дизайн обложки	Е.О. Ифутиной

Дата подписания к использованию:
06.05.2022

Объем издания: 1,9 Мб
Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (DVD)
Тираж: 10 дисков

ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49

СОДЕРЖАНИЕ

Азаров В.В., Высоцкий К.Г. Актуальные проблемы взаимодействия органов местного самоуправления с силовыми структурами в вопросах проявления экстремистской деятельности	7
Бобков А.И. Аксиологический смысл концепта «религиозный экстремизм»	9
Ботвин И.В. Особенности уголовной политики в сфере противодействия новым экстремистским проявлениям	13
Бутенко А.К., Моисеев С.В. Особенности выявления и нейтрализации приверженцев деструктивной субкультуры «Колумбайн» в образовательных организациях	16
Гамзина А.В. Необходимость принятия в рамках закона «Об оперативно-розыскной деятельности» ограничений распространения сведений о личности преступников, виновных в массовых расстрелах в учебных заведениях	18
Глазунов Д.А. Деятельность прокурорского надзора Синьцзяна в сфере борьбы с терроризмом в 2020 г. (по материалам доклада о работе народной прокуратуры СУАР) ..	20
Григорьев В.В. Терроризм и религиозный экстремизм на современном этапе	22
Ермакова О.В. Вопросы признания преступлений экстремистскими	27
Каландаров М.М. Некоторые аспекты государственно-правовых мер противодействия экстремизму в Республике Узбекистан	28
Королев Г.В., Фризен П.Д. О действиях муниципалитетов при установлении уровней террористической опасности	31
Кузьменкова С.В., Артюх Е.А. Предупреждение и пресечение экстремистской деятельности при исполнении наказания в исправительных учреждениях открытого типа Республики Беларусь	35
Мухитдинов А.А. Принимаемые профилактические меры среди осужденных лиц за преступления экстремистского и террористического характера в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан	37
Поликарпов И.А. Сепаратизм как вызов современной цивилизации: исторический аспект	41
Раджабова М.А. Экстремизм и уголовная ответственность	43
Сапрыкина Т.П. Уязвимость транспортной безопасности на примере Сибирского федерального округа	47
Сочивко О.И., Плоткин Д.М., Мисник И.В. Проблема аутоагрессии и самоповреждающего поведения	50
Стародубцева М.А. Сеть Интернет как средство распространения террористической идеологии	53
Сюй Ли. Контрмеры по предотвращению и противодействию проникновения экстремистского мышления в университеты Синьцзяна	56
Федорова Л.А. Расследование преступлений экстремистской направленности на современном этапе	59
Хайдарзода М.П. Уголовно-правовой анализ преступлений экстремистской направленности по уголовному законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации	62

Христова Н.А. <u>Использование результатов лингвистических экспертиз при квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности</u> ..	67
Цао Фей. <u>О борьбе с терроризмом в административном законодательстве</u>	69
Шидемов А.Г. <u>Экстремизм: состояние борьбы с ним в современном мире</u>	73
Ширшов А.Г., Живаев Д.Д. <u>Противодействие Росгвардии современным формам и методам террористической и экстремистской деятельности</u>	77
Югай Л.Ю. <u>Биометрические технологии как инструмент в борьбе с терроризмом и экстремизмом</u>	81

CONTENTS

Azarov V., Visockiy K. <u>Current Problems of Interaction of Local Self-Government Bodies with Enforcement Structures in Issues of Extremist Activity</u>	7
Bobkov A. <u>Axiological Meaning of the Concept “Religious Extremism”</u>	9
Botvin I. <u>Features of Criminal Policy in the Field of Countering New Extremist Manifestations</u>	13
Butenko A., Moiseev S. <u>Peculiarities of Identifying and Neutralizing Adherents of the Destructive Subculture “Columbine” in Educational Organizations</u>	16
Gamzina A. <u>The Need to Adopt Restrictions on the Dissemination of Information about the Personality of Criminals Guilty of Mass Shootings in Educational Institutions Within the Framework of the Law “On Operational Search Activities”</u>	18
Glazunov D. <u>Activities of the Prosecutor’s Oversight of Xinjiang in the Field of Combating Terrorism in 2020 (by the Materials of the Report on the Work of the People’s Prosecution of the XUAR)</u>	20
Grigoriev V. <u>Terrorism and Religious Extremism at the Present Stage</u>	22
Ermakova O. <u>Issues of Recognizing Crimes as Extremism</u>	27
Kalandarov M. <u>Some Aspects of State Legal Measures to Counter Extremism in the Republic of Uzbekistan</u>	28
Korolev G., Frizen P. <u>About Actions of Municipalities in Establishing Terrorist Risk Levels</u> ..	31
Kuzmenkova S., Artyukh E. <u>Prevention and Suppression of Extremist Activity during the Execution of Punishment in Open Correctional Institutions of the Republic of Belarus</u>	35
Mukhitdinov A. <u>Preventive Measures Taken among Persons Convinced for Crimes of Extremism and Terrorism in the Institutions of the Criminal-Executive System of the Republic of Kazakhstan</u>	37
Polikarpov I. <u>Separatism as a Challenge to Modern Civilization: a Historical Aspect</u>	41
Rajabova M. <u>Extremism and Criminal Liability</u>	43
Saprykina T. <u>Transport Security Vulnerability on the Example of the Siberian Federal District</u>	47
Sochivko O., Plotkin D., Misnik I. <u>The Problem of Autoaggression and Self-Prevailing Behavior</u>	50
Starodubtseva M. <u>The Internet as a Mean of Terrorist Ideology Distribution</u>	53

Xu Li. <u>Countermeasures to Prevent and Counter the Penetration of Extremist Thinking to Universities of Xinjiang</u>	56
Fedorova L. <u>Investigation of Extremism Crimes at the Present Stage</u>	59
Khaidarzoda M. <u>Criminal Legal Analysis of Extremism Crimes in Accordance with the Criminal Legislation of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation</u>	62
Khristova N. <u>Using of the Results of Linguistic Examinations in the Qualification of Public Calls to Carry Out Extremist Activities</u>	67
Cao Fei. <u>About Combating Terrorism in Administrative Legislation</u>	69
Shidemov A. <u>Extremism: the State of the Fight against It in the Modern World</u>	73
Shirshov A., Zhivaev D. <u>Counteraction of the Rosguardia to Modern Forms and Methods of Terrorism and Extremist Activities</u>	77
Yugay L. <u>Biometric Technologies as a Tool in the Fight against Terrorism and Extremism</u>	81

Азаров Валерий Владимирович

Старший преподаватель кафедры тактики
служебно-боевого применения подразделений
Новосибирский военный ордена Жукова институт
имени генерала армии И.К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации

Azarov Valery

Novosibirsk military Institute
named after general of the Army I.K. Yakovlev
of National Guard Troops of the Russian Federation

Высоцкий Константин Геннадьевич

Преподаватель кафедры тактики
служебно-боевого применения подразделений
Новосибирский военный ордена Жукова институт
имени генерала армии И.К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации

Visockiy Konstantin

Novosibirsk military Institute
named after general of the Army I.K. Yakovlev
of National Guard Troops of the Russian Federation

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ С СИЛОВЫМИ СТРУКТУРАМИ В ВОПРОСАХ ПРОЯВЛЕНИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**CURRENT PROBLEMS OF INTERACTION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES
WITH ENFORCEMENT STRUCTURES IN ISSUES OF EXTREMIST ACTIVITY**

Войска национальной гвардии Российской Федерации являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина.

Одной из основных задач, возложенных на подразделения войск национальной гвардии, является участие совместно с органами внутренних дел в пресечении актов терроризма и экстремистской деятельности на территории Российской Федерации [1, 3].

Участие войск национальной гвардии в борьбе с экстремизмом заключается в действиях войск национальной гвардии по проведению комплекса мероприятий в целях предотвращения и пресечения экстремистских проявлений как общественно опасных и противоправных деяний,

совершаемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, а также деяний, способствующих возникновению или обострению межнациональных, межконфессиональных и региональных конфликтов.

Служебно-боевыми задачами войск национальной гвардии при выполнении задач по борьбе с экстремизмом являются [1, 2, 3, 4]:

1) участие в пресечении экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций и физических лиц при проведении публичных мероприятий;

2) участие в пресечении массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма;

3) участие в пресечении деятельности экстремистских организаций.

Привлечение войск национальной гвардии к выполнению задач по борьбе с экстремизмом осуществляется по обращениям органов федеральной службы безопасности, территориальных органов МВД России и органов местного самоуправления.

Одним из основных принципов выполнения вышеуказанных задач является согласованное по месту, времени и задачам взаимодействие силовых структур с органами местного самоуправления.

Проблема согласования действий разных по предназначению сил в интересах решения общей задачи в истории всегда являлась предметом пристального внимания теоретиков. Не обошла она и тех случаев, когда стоял вопрос о применении войск национальной гвардии при выполнении задач по борьбе с экстремизмом.

Неоднократно были высказаны предложения о том, что целесообразно вывести подразделения войск национальной гвардии по борьбе с экстремизмом из состава войск в отдельное структурное ведомство прямого подчинения органам государственной власти.

При этом все действия осуществлялись бы под единым четким руководством, с одного пункта управления, по единым каналам и средствам связи.

Однако глубокое изучение специфики служебно-боевой деятельности войск с ее принципами, формами и способами выполнения задач по предназначению заставили отказаться от этой идеи, настолько они специфичные.

Вместе с тем необходимо отметить, что нормативными актами, определяющими содержание служебно-боевой деятельности войск, закреплено, что ни одну из возложенных задач войска не выполняют самостоятельно [1]. Поэтому вопросы взаимодействия для войск являются не менее актуальными, чем для других органов, формирований, а «поддержание непрерывного взаимодействия» является одним из основных принципов их служебно-боевой деятельности.

Вопросы взаимодействия, его организация и поддержание не являются новыми. Казалось бы, теоретическая основа существует, важность вза-

имодействия все понимают, понимают и то, что от качества её организации зависит результат выполнения задачи.

И в то же время зачастую проваленные операции, а часто и понесенные потери войск объясняются одной причиной – отсутствие взаимодействия или его плохая организация.

Одной из причин этого является нерешенность вопросов юридического урегулирования подчиненности при решении совместных задач, а также отсутствие представления о предназначении каждой из структур в общей группировке войск.

Следует отметить, что на уровне ведомственных нормативных актов уже сделан крупный шаг.

Сегодня проблемные вопросы взаимодействия войск с формированиями и органами местного самоуправления продолжают иметь место. В основе некоторых из них лежат две основные субъективные причины. Во-первых, это нежелание отдельных начальников брать на себя ответственность за принятие решения. Во-вторых, это имеющее место «соперничество» в реализации оперативной информации. Зачастую эти два фактора подрывают основные принципы взаимодействия и ведут к срыву выполнения задач по борьбе с экстремизмом.

К другим причинам, не способствующим качественной организации взаимодействия, следует отнести [1, 2, 3]:

- несоответствие нормативно-правовой базы обеспечения совместного применения ведомственных силовых структур;
- отсутствие единых систем управления и всестороннего обеспечения войск и органов;
- отсутствие согласованного централизованного планирования применения войск и органов для решения совместных и самостоятельных задач.

Таким образом, взаимоотношения разноместных командных инстанций должны строиться на понимании своей роли и ответственности при решении общей задачи. А в условиях борьбы с экстремизмом – наиболее опасной угрозой национальной безопасности государства – они играют особую роль.

Литература

1. О войсках национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Бобков Александр Иванович

Профессор кафедры философии
и социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат философских наук, доцент
Восточно-Сибирский институт МВД России

Bobkov Alexander

Candidate of Philosophical Sciences, assistant-professor
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КОНЦЕПТА «РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ»

AXIOLOGICAL MEANING OF THE CONCEPT "RELIGIOUS EXTREMISM"

Религиоведческая безграмотность есть факт нашей жизни, проистекающий из того, что жизнь в расколдованном мире есть жизнь с низкой религиозной культурой. Это жизнь в фазе пошлости (И.А. Ильин). Когда такая эпоха наступает, то концепты, выражающие возвышенное, превращаются в концепты, выражающие слишком приземленное. Иными словами, когда они выражали схваченную истину вещи, ее суть, то они были концептами, рождающими дальнейшее мышление и возвышение того, что не унижает предшествующее состояние невозвышения. Когда же концепт и истина вещи начинают разводиться, расчленяться или различаться, то исчезает и истинный смысл вещи, и сила концепта. Исчезает ли при этом вещь? Вопрос наиболее сложный, но вот строгость выявления и определения ее сущности исчезает точно. Вольное обращение с концептом ведет как раз к тому, что истина, как истинная вещь, во имя коей необходимо пожертвовать, сама обращается в жертву.

С концептами религиозной философии приходится обходиться наиболее осторожно в силу того, что массовая информированность ведет людей из фазы нового религиозного варварства в фазу религиозного декаданса. Новая эра заставляет как можно быстрее миновать фазу религиозной философской культуры. Именно эта фаза раскрывает религиозный смысл философии и философский смысл религии. Объединяет все три фазы только одно – они ищут жертвы. Они стремятся принести в жертву проклятую часть (Ж. Батай), которая, по их мнению, и есть смысл религиозного опыта. Однако следует заметить, что если в условиях нового религиозного варварства в жертву приносится небиологическое выражение человеческой идентичности, то в фазе нового религиозного декаданса в жертву прино-

сится уже религиозная культура мышления. И только в фазе религиозной культуры в жертву приносится новый человеческий инстинкт выживания за счет другого, с одной стороны, и идея избранности – с другой. Иначе говоря, в жертву приносится, с одной стороны, бессубъектная масса, а с другой стороны – Я без самости (Ф.И. Гиренок). Это и есть религиозный экстремизм по сути. Его можно определить как жертву одновременно бездуховным квази «МЫ», толпой и бездуховным «Я», оставшимся в одиночестве из-за предельного увлечения избранностью, вплоть до отказа от самости. Допуская, что и то и другое состояние не есть результат действия религиозного экстремизма, а как раз результат отсутствия этого явления в современном обществе, мы должны быть уверены в том, что причиной является нечто на него похожее, но не тождественное ему.

Рассмотрим простой пример. Если А и А* считать равными, то это совсем не значит, что они одинаковы или тождественны. Если математически они равны, то даже в этом случае у них нет качественной тождественности. Они могут быть даже очень похожи, и незначительное несовпадение для неискушенного в логике субъекта кажется вполне безобидным, но только никак в случае религиозного экстремизма. Здесь неполнота одного и переполненность другого ставит все с ног на голову.

Итак, начнем рассматривать пристально концепт «религиозный экстремизм». Существуют несколько дискурсов этого концепта: исторический, философский, социологический, феноменологический, психологический, юридический и политический. Между историческим, философским, феноменологическим, социологическим и психологическим дискурсами есть некое диалек-

тическое взаимодействие. Оно должно быть и в политико-правовом поле, однако здесь как раз и происходит превращение смысла религиозного экстремизма в его противоположность.

Если определять этимологически суть концепта «религиозный экстремизм», то мы должны дословно перевести как предикат «религиозный», так и понятие «экстремизм». Начнем с экстремизма: его происхождение идет от латинского слова «*exter (exterus), era, erum (compar. exterior, ius; superl. extremus, a, um) [ex]* 1) находящийся вне, наружный, внешний (*vis Lcr*); 2) иноземный, чужеземный, иностранный (*nationes C, Cs etc.; gentes, civitates C*)» [1].

Иными словами, экстремизм есть нечто внешнее по отношению к чему-либо. Если в религиозном контексте – внешнее по отношению к религии или внешнее со стороны религии. В общем экстремизм есть нечто преодолевающее границы или находящееся вне их. Конечно, дословный анализ ведет нас к осознанию того, что религиозный экстремизм стремится шагнуть за границы. Он трансгрессивен. Однако о каких границах идет речь?

Вот здесь нам необходимо обратиться к этимологии слова «религия»¹. Если обратиться к научному религиозно-философскому дискурсу, то этимология слова И.Н. Яблоковым рассматривается очень подробно.

Во-первых, И.Н. Яблоков отмечает, что религия этимологически партикулярна, а не универсальна. Он дает важное методологическое замечание, которое изначально направлено на снижение политико-правового элемента в понимании рассматриваемого нами феномена. Он, в частности, отмечает, что «общего индоевропейского слова для именования явления, которое обозначается латинским *religio*, не существует» [4, с. 18].

Во-вторых, И.Н. Яблоков полагает, что этимология слова «религия» восходит к двум разным социально-историческим эпохам в истории Рима. Первая эпоха этимологии слова «религия» связана с осознанием уникальности наличия священных текстов в Римской республике, а вторая – уже с попыткой обретения государственной религии в Римской империи, когда становящаяся христианская философия, выросшая из античной философии эпохи эллинизма, отбивалась от дискурса дословности античной философской традиции. Этот важный

методологический момент у И.Н. Яблокова выглядит следующим образом: «Что же касается латинского термина, то на основе многочисленных сравнительно-языковедческих исследований предлагается несколько вариантов этимологии – определения первоначального значения слова. Наиболее признаваемыми являются варианты римского мыслителя Цицерона (106-43 гг. до н.э.) и христианского апологета Лактанция (ок. 250 г. – после 325 г.)» [4, с. 18-19].

Сталкиваясь с политическим экстремизмом в эпоху кризиса Римской республики, Цицерон стремился к достижению максимальной интеграции путем обращения к сакральным текстам без политического подтекста. В этом и был его религиозный экстремизм. Ведь эти тексты и были уникальным содержанием римской идентичности того времени. «Цицерон производил указанный термин от латинского *relegere* – идти назад, возвращаться, снова читать, обдумывать, собирать, созерцать, бояться и характеризовал религию как богобоязненность, страх и почитание богов, тщательное обдумывание всего того, что имеет отношение к этому почитанию», – отмечает И.Н. Яблоков [4, с. 18-19].

Иначе дело обстояло у Лактанция. Он уже видел уход религии из политики через религиозный опыт христианства. Он видел мистическое начало в эллинистической философии, а поэтому его религиозный экстремизм заключался в том, чтобы сакрализация власти состоялась через мистическое единение человека с Богом. «Лактанций полагал, что слово *religio* происходит от латинского глагола *religare* – вязать, связывать, привязывать, сковывать – и применительно к религии означает связывание, узы, соединяющие нас с Богом в служении ему и повиновении через благочестие. Предложенная Лактанцием этимология закрепились в христианской культуре» [4, с. 18-19].

Почему столь подробно нам необходимо остановиться на данной этимологии? Причина кроется в том, что дословное понимание концепта «религиозный экстремизм» совершенно обесценивает его политико-правовое применение. Ведь дословно «религиозный экстремизм» (по Цицерону) обозначает обдуманное целостное созерцание иного. Иного в данном случае как трансцендентного. Если дословно, то религиозный экстремизм есть осторожное созерцание трансцендентного или «находящегося вне», сверхчувственного. В конечном итоге мы имеем дело с возникновением религиозной традиции этнокультурной идентичности на основе самобытного религиозного опыта.

¹ Если подходить с богословских позиций, то митрополит Иларион (Алфеев) отмечает: «Слово “*религия*” имеет латинское происхождение: *religio* в переводе на русский буквально означает “совестливость, добросовестность, благочестие, благоговение, набожность”» [5].

Более того, едва ли не у Цицерона мы впервые сталкиваемся с религиозным смыслом философии. Философии, создающей религию и создающейся религией. Иными словами, вписав впервые религию в этнокультурную идентичность, положив ее в основание некой более совершенной государственности, чем греческий полис, Рим пришел к выводу о том, что только религиозная философия через этнические сакральные тексты создает нового субъекта истории – народ. Не случайно, по мнению митрополита Илариона (Алфеева), И.А. Ильин отмечал, что «ценность толкования Цицерона – в акценте на весьма важной стороне религиозности: обостренном чувстве ответственности, в том числе и коллективной, – ответственности за свою связь с миром духовным. Приобщение к сакральному заставляет человека осознать собственное недостоинство и несовершенство» [5].

Однако не следует забывать о том, что латинский и греческий язык не являются столь сакральными языками, как, скажем, арамейский или санскрит. Вообще религиозное развитие Рима страдает заимствованием богов и синкретизмом¹. Однако и здесь есть некая специфика термина «религия», она заключается в том, что «...самое важное различие, если вообще, в принципе отличать понятие мифа от понятия религии, а довольно многие исследователи считают, что проводить грань между этими понятиями в принципе не надо, что миф – это некоторая примитивная религия, первая стадия религиозного мышления. Собственно, римляне задали нам одну из категорий, которая действительно в известной мере проводит грань между мифом и религией. Это категория *наличия или отсутствия этики*» [3].

Отсюда следует момент того, что религиозный так или иначе все-таки связан, с одной стороны, с прорывом нуминозного, а с другой – с социально-политическим дискурсом. Если говорить о сакральном (нуминозном), то следует отметить, что «одним из главных отличий себя от греков римляне считали именно религию – слово, которое, по мнению одних из них, означало некую *связь* людей с богами» [3].

С другой стороны, важным замечанием Н.П. Гринцера является то, что «иными словами,

оказывается, что все то, что мы называем религией в античности, чрезвычайно тесно встроено со всеми своими плюсами и минусами в систему социально-политических взаимоотношений» [3].

Отсюда следует вывод о том, что социально-политический подтекст предиката «религиозный» соседствует с подтекстом этнокультурной идентичности мистического характера. Вместе с тем здесь можно усмотреть конфликт между письменным и речевым поиском истины. Если для греков истина была в слове, «мифе», то для римлян она в тексте. Поэтому, скорее всего, латинская монополия на сакральные тексты и ведет к тому, что мы все больше полагаемся на дословное следование судьбе религии в латинском письменном наследии, а не греческом философском слове. Отсюда вполне возможно и то, что выбор между религиозным и квазирелигиозным весьма затруднителен. Неосторожное совмещение политики и религии ведет к тому, что вторая убирает у себя возможность отказа от поиска социального врага, с одной стороны, и технологию его ненасильственного переубеждения – с другой.

В контексте этимологии Лактанция «религиозный экстремизм» обозначает поиск связи с Богом вне границ этой связи. Здесь экстремиста не устраивает то, что принято считать наличием связи с Богом. По его воззрению, в этих границах ее нет. Границы поставлены не так, и запреты на поиск иной связи с Богом на самом деле есть вообще уход от Бога. Однако здесь следует отдать дань русской философии, полагавшей, что народ с Богом не есть масса без Бога (Ф.М. Достоевский). Управление массой возможно как раз тогда, когда ритуалы интеграции народа и элиты сменены на ритуалы превращения народа в массу и отделения элиты от нее в силу того, что объектное состояние социальности его легитимирует.

Причиной появления такого вида экстремизма является деление верующих в условиях «рутинизации харизмы» (М. Вебер) на избранных и неизбранных². Без этого деления

¹ Как отмечает Н.П. Гринцер, «если греки отождествляют своих богов на местах, так скажем, привозят своих к чужим, то у римлян существовала замечательная процедура *evokasio*, эта процедура *вызова божества в Рим*. Когда в определенный храм (сначала выясняется, в каком храме божество наиболее сильное) отправляется посольство, которое как бы вручает некоторое *постановление* о том, что божество охотно переезжает из своего места обитания в Рим» [3].

² Как справедливо отмечал М. Вебер, «органическая же прагматика спасения должна, в свою очередь, рассматривать аристократизм избранных, присущий мирской аскезе с ее рациональной конкретизацией образа жизни, как крайнее проявление отсутствия любви и братства, а учение мистиков – как сублимированное, в сущности же небратское наслаждение собственной харизмой, в котором расплывчатый акосмизм любви служит только эгоистическим средством спасения. Ведь оба эти учения отвергают социальный мир, рассматривая его в конечном счете как абсолютную бессмыслицу или считая во всяком случае, что помыслы Божии, устремленные к миру, совершенно непостижимы» [2, с. 323].

невозможно постичь сам смысл феномена религиозного экстремизма. «Рутинизация харизмы» происходит в результате того, что священная иерархия начинает брать на вооружение не религиозно-мировоззренческие, а политико-правовые аспекты организации религиозной жизни с запретами религиозного опыта и инакомыслия в интерсубъективной реальности.

Отсюда уход многих либо в мистику, либо в аскетизм как реальные практики религиозного экстремизма. Если обратиться к их различию, то М. Вебер полагал, что «...противоположность в самом неприятии мира между активным аскетизмом, то есть угодной Богу деятельностью в качестве орудия Божия, и созерцательным обладанием спасением, свойственным мистике, где речь идет не о том, чтобы действовать, а о том, чтобы иметь, и где человек является не орудием, а сосудом божественной воли, деятельность же в миру должна представляться угрозой совершенно иррациональному и внемирскому состоянию, заключающемуся в ощущении своей спасенности» [2, с. 309-310].

В контексте религиозного неприятия мира религиозный экстремизм выглядит как уход и от избранности, дающей право на насилие. Однако Вебер полагает, что насилие в данном случае не должно быть устранено в силу того, что католико-протестантский этос как раз по отношению к насилию экономическому и политическому занимает активную позицию признания. Отсюда вывод о том, что рациональная политика и экономика избранности ведет к тому, что рутинизированная харизма устраивает квазирелигиозный Запад. Если принимать за идеальный тип западную религиозность как наследование римской религии, то и религиозный экстремизм политико-правового дискурса является вполне легитимным. Квазирелигиозность, как политизация и экономизация религии, есть вообще квазирелигиозный экстремизм чистого вида. Рациональное государство полагается в данном случае итогом и высшей ценностью любого религиозного развития. Однако именно эта ценность и есть отнюдь неидеальный тип государства для религии. Религиозный экстремизм как раз отвергает государственную рациональность, ведущую к социальному самоубийству или концу социального, как результата социотворения на основе религиозного экстремизма. Как отмечает М. Вебер, «полная “уверенность в своей правоте” противостоящих друг другу групп или носителей власти, типичная именно для рационального государства (в отличие от непосредственного природного героизма), должна казаться в каждой

последовательной религиозной рационализации жалким подражанием этике и привнесением имени Божия в политическую насильственную борьбу, по сравнению с которым полное исключение требований этики из политической жизни представляется более чистым и честным. Политика является для такой религиозности тем более чуждой братской любви, чем она “объективнее”, расчетливее и свободнее от страстей, чувств, гнева и любви» [2, с. 319].

Таким образом, мы должны понять, что религиозный экстремизм в его дословном значении не хочет допустить вообще политико-экономический дискурс рационального характера к созданию общества. Для него всякая рационализация бытия делает неуместным возможность возрождения духовных традиций и ценностей, с одной стороны, или их сотворение – с другой. Общество без идеалов вполне устраивает тех, кто хочет текучей современности и индивидуализированного общества. Общество, свободное от ценностей, или общество суррогата, нуждается в том, чтобы религиозный экстремизм как идеальное выражение процесса созерцания или сотворения одухотворенной этнокультурной субъектности не был воспринят иррационально. Он должен быть отождествлен с рациональной квазирелигиозностью. В противном случае необходимо признать, что религиозный экстремизм наиболее желателен в силу его противодействия в качестве идеала политико-экономическому квазирелигиозному экстремизму.

Отличие религиозного экстремизма от квазирелигиозного заключается в том, что первый полагает политико-экономический дискурс рационального характера концом религиозной культуры и наступлением цивилизационного варварства. Второй же, наоборот, полагает отказ этнокультурной субъектности единственным условием для реализации социального смысла религии. Важно отметить, что такое переворачивание религиозной культуры стало возможным в силу того, что последняя по времени возникновения мировая религия ислам шла как раз от политико-правового дискурса к аскетически-мистическому, и вполне возможно, что через богословскую систему Аристотеля она проникла в католический мир. Отсюда и понимание религиозного экстремизма в политико-правовом дискурсе.

Ценность религиозного экстремизма заключается в том, что он стремится к тому, чтобы человек не изменял мир социального путем несправедливого политического или экономического принуждения, а в том, чтобы мир вокруг него изменился путем преображения себя. Тогда и проблема учреждающего насилия для него будет решена путем предельной честности

пророческого религиозного опыта, а не массового апокалиптического страха (С.Н. Булгаков). Тогда и только тогда мы уберем, наконец, латинское прочтение концепта «религиозный экстремизм» только в политико-правовом дискурсе, который

напрочь снижает ценность данного концепта в методологическом анализе религиозных ценностей и их роли в созидании общественного идеала (П.И. Новгородцев).

Литература

1. Большой латинско-русский словарь. URL: <https://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=16840> (дата обращения: 11.03.2022).
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Гринцер Н.П. Феномен религии в античном мире. URL: <https://polit.ru/article/2013/09/23/grintser/> (дата обращения: 14.03.2022).
4. История религии: учебник. В 2 т. / В.В. Винокуров, А.П. Забияко, З.Г. Лапина и др.; под общ. ред. И.Н. Яблокова. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Высш. шк., 2004. 464 с.
5. Митрополит Иларион (Алфеев). История религии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iarion_Alfeev/istorija-religij/1 (дата обращения: 11.03.2022).

Ботвин Илья Викторович

Начальник кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России

Botvin Ilya

Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НОВЫМ ЭКСТРЕМИСТСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ

FEATURES OF CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING NEW EXTREMIST MANIFESTATIONS

Современная уголовная политика государства стратегически призвана регулировать активно модернизирующиеся общественные отношения, охранять интересы личности, общества и государства от реальных и потенциальных угроз. Ни одно научное исследование последних лет не лишено тезиса о том, что в условиях цифровой трансформации и переформатизации уголовное законодательство должно оперативно реагировать на все изменения, создавая правовые барьеры от новых посягательств. Думается, что на всем протяжении действия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ) научное сообщество не критиковало действия законодателя так, как сейчас.

Такая тенденция не обошла и сферу борьбы с экстремистскими проявлениями новой эпохи. Сам экстремизм как феномен (являясь относи-

тельно недавним для уголовной политики России) уже стал привычным для общества, законодателя и правоприменителя, однако новые модификации и способы его совершения заставляют правоведов серьезно задуматься над вопросом, способно ли уголовное право противодействовать «колумбайну», скулшутингу, буллингу, треш-стриму?

Следует отметить, что в России зарегистрировано уже более 20 случаев вооруженного нападения на территории образовательной организаций одним или несколькими лицами с целью массового убийства неопределенного круга лиц. При этом больше всего настораживает и даже пугает популярность так называемых стрелков, наличие у них последователей и людей, которые открыто одобряют их действия в социальных сетях.

К примеру, после скулшутинга в г. Казань 11.05.2021 был проведен анализ социальной сети «ВКонтакте», который показал, что в первые 3 часа после трагедии создано более 20 аккаунтов под псевдонимом подозреваемого с его фото и данными. Точно такая же активность возникла и после «колумбайна» в Пермском государственном университете. Кумиром подростков в настоящие дни является блогер Mellstroy (А. Бурима), регулярно устраивающий треш-стримы с большим количеством девушек, транслируя в режиме реального времени их избиение, употребление наркотиков, склонение к занятию сексом в прямом эфире, публичными призывами к насилию, садизму, с демонстрацией доходов от подобного контента.

Сложно не согласиться с тем фактом, что именно сеть Интернет популяризирует экстремистские проявления по большей части среди подростков и молодежи, создавая из преступников звезд современности, а возможность заработать делает такое пагубное увлечение вдвойне заманчивым.

Справедливо возникает вопрос, попадают ли рассмотренные деяния под действие УК РФ и как они могут быть оценены с точки зрения закона?

Анализ правоприменительной практики показал существенные отличия в оценке рассматриваемых преступных деяний злоумышленников. Так, подобные деяния оценивались как убийство (покушение на убийство), хулиганство, публичные призывы к экстремистской деятельности и даже террористический акт. Вместе с тем в научной литературе не утихает полемика относительно закрепления специальной нормы для последователей «колумбайна» и треш-стримеров [3, с. 202-210; 4, с. 62-76]; можно встретить и ряд законодательных инициатив на этот счет, что, по мнению инициаторов, является единственно верным путем в решении назревшей проблемы [2, 5].

Существующая уголовная политика идет по пути конкретизации общественных отношений, которые должны защищаться уголовным правом. Выработался законодательный тренд по скорейшему реагированию на возникающие криминальные случаи, получившие серьезный общественный резонанс, путем создания новых норм. Провозглашена идея о пробельности действующего уголовного законодательства по отношению к преступным деяниям и последствиям, возникающим в эпоху четвертой промышленной революции (цифровизации).

Однако сложно не согласиться с тем, что масштабность, территориальная распространенность и резонанс общественности не являются основаниями криминализации деяний [1, с. 139-143].

«Колумбайн», скулшутинг, треш-стрим и другие современные проявления являются ни чем иным, как привычными экстремистскими посягательствами. С появлением автомобилей и противоугонных систем законодатель не поторопился предусмотреть ответственность за угон либо хищение автомобиля с использованием технологий взлома его охранной системы, хотя данная тенденция вполне бы сегодня вписывалась в порядок действий законотворцев.

Следуя существующей сегодня тенденции, при появлении и распространении новых преступных проявлений (массовых оскорблений учителей, половых преступлений в школах, хулиганств учащихся и др.) законодатель должен незамедлительно (что, в свою очередь, приводит к принятию хаотичных, неоправданно дифференцированных решений) решать вопрос о расширении УК РФ нормой, предусматривающей ответственность за искомое посягательство.

Представляется, что перечисленные и рассмотренные преступные проявления вполне укладываются в существующие уголовно-правовые парадигмы и могут оцениваться по существующим нормам. Несомненно, если существует законодательный пробел и мы имеем дело с абсолютно новым, ранее неизвестным преступным деянием, то необходимо включать законодательный механизм регулирования данной ситуации, разрабатывать, обосновывать и вводить новый уголовно-правовой запрет. Но в исследуемой ситуации такого пробела, на наш взгляд, нет.

Уголовная политика должна идти по пути унификации правоприменительной практики, что позволит выработать единый подход в оценке тех или иных преступных деяний по существующим сегодня нормам УК РФ. К примеру, при треш-стриме – это жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ), истязания (ст. 117 УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) и другие (с указанием квалифицирующего признака «в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)» при его наличии), а при экстремистских проявлениях квалификация должна наступать по ст. 105, 119, 213, 280, 282 УК РФ и др.

Кроме того, видится особо необходимой работа по устранению дефицита разъяснений Верховного Суда Российской Федерации для формирования единой отечественной судебной практики в сфере «новых» экстремистских проявлений. Так, законодатель более 10 раз в год (2020 г. – 14 раз; 2021 г. – 16 раз; за 4 месяца 2022 г. – 6 раз) различными федеральными законами вносит комплексные изменения сразу в несколько глав УК РФ, а Пленум Верховного Суда дает

разъяснения о судебной практике по уголовным делам даже не каждый год.

Перечисленное позволит развернуть вектор уголовной политики со стороны сверхконкретизации и гиперопределенности уголовно-правовых

норм в сторону поиска трактовок действующего (достаточно гибкого) универсального уголовного закона не только в сфере борьбы с экстремизмом, но и других преступных проявлений современности.

Литература

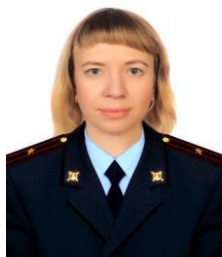
1. Абызов Р.М., Фризен П.Д., Ботвин И.В. Проблемы комплексного анализа региональной преступности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. № 4. С. 139-143.

2. В Совфеде предложили наказывать за треш-стримы лишением свободы до шести лет // Официальный сайт «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2021/01/21/v-sovfede-predlozhili-nakazyvat-za-tresh-strimy-lisheniem-svobody.html> (дата обращения: 01.03.2022).

3. Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 202-210.

4. Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica. 2021. Т. 74. № 11. С. 62-76.

5. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1254708-7> (дата обращения: 01.03.2022).

Butenko Anna

Candidate of Philosophical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Бутенко Анна Константиновна

Старший преподаватель кафедры теории и истории
права и государства,
кандидат философских наук
Барнаульский юридический институт МВД России

Moiseev Sergey

Candidate of Historical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Моисеев Сергей Владимирович

Доцент кафедры теории и истории права и государства,
кандидат исторических наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРИВЕРЖЕНЦЕВ ДЕСТРУКТИВНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ «КОЛУМБАЙН» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

PECULIARITIES OF IDENTIFYING AND NEUTRALIZING ADHERENTS OF THE DESTRUCTIVE SUBCULTURE “COLUMBINE” IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

В настоящее время разработанность проблемы противодействия молодежному деструктивному движению «колумбайн» (скулшутинг) в рамках российского сегмента сети находится на недостаточно высоком уровне [1]. Это связано, прежде всего, со сложностью всестороннего анализа этого феномена, многофакторностью его содержания и проведения квалификации действий массшутеров. Так, возникает необходимость в изучении составляющих элементов «колумбайна» с учетом состояния и специфики поведения несовершеннолетних в отечественных образовательных организациях.

В представленной статье ставится вопрос о необходимости поиска вариантов выявления и нейтрализации приверженцев «колумбайна» в отечественных образовательных организациях, в т.ч. и на региональном уровне, в условиях нарастающих кризисных стадий проявлений этого деструктивного процесса.

Конфликтогенность в среде обучающихся в современных образовательных организациях

имеет значительный уровень распространения [3]. Об этом свидетельствуют многочисленные факты агрессивного буллинга и кибербуллинга в школах, колледжах и институтах. В обществе имеется большое количество причин, по которым члены молодежных коллективов испытывают друг к другу неприязнь, – разница в материальном положении, этнические различия, религиозные особенности, приверженность разным мировоззренческим парадигмам [2]. В целом, воздействие указанных факторов стимулирует прогрессирование конфликтности, что находит отражение в проявлениях массовой или индивидуальной агрессии в молодежной среде. Однако обращает на себя внимание тот факт, что далеко не все случаи агрессии воплощаются через скулшутинг, но имевшие место являлись, по сути, подготовленными акциями по реализации модели поведения, предложенной в Интернете тем или иным «колумбайн»-сообществом. Таким образом, возникает вопрос «образца действий», который можно использовать в ситуациях реального или в

большей степени вымышленного конфликта, а стрельба «по живым мишеням» воспринимается исполнителем в виде некоего подвига, ставящего его над «биомассой». Другим характерным элементом воздействия «колумбайна» на молодежную интернет-аудиторию является его «инфекционное» содержание. Как известно, сам инцидент в школе «Колумбайн» (США) стал точкой отсчета для последующих трагических событий, произошедших в разных странах. Шутеры стремились копировать не только модель поведения в ходе подготовки и проведения задуманной акции, но и внешний облик, одежду, манеру общения, привычки Дилана Клиболда и Эрика Харриса, иногда при этом осовременивая их образы. Третьим фактором, стимулирующим распространение «колумбайна» в молодежной среде, является позиционирование его как некоего модного субкультурного направления, приверженцы которого образуют группу «избранных» с присвоением себе права на совершение убийства.

Решение проблемы носит комплексный характер, и в настоящее время ведется только поиск возможных вариантов воздействия на сложившуюся ситуацию, уменьшения угроз, стабилизации положения в образовательных организациях.

В профилактической деятельности, направленной на выявление потенциальных шутеров в образовательной организации, из набора методов, используемых специалистами, необходимо выбрать наиболее эффективный с учетом условий данного учебного заведения. Имеет смысл выделять из группы риска лиц, позиционирующих себя в качестве «иных», дистанцирующихся от массы. При этом установить, кто именно является таковым, достаточно сложно. Трудность заключается в том, что проанализировать с максимальной достоверностью личностные характеристики и особенности поведения обучающегося с учетом условий той или иной ситуации практически невозможно. Как показывает история трагических событий, связанных с «колумбайнерами» в России, шутеры не являлись радикалами и не позиционировали себя в качестве «гаврошей». Общей для «стрелков» чертой являлась скрытость своих намерений от близких, большей части окружающих ровесников и педагогов.

Для достижения результата необходимо проведение наблюдений за предполагаемыми участниками «колумбайна» и последующего анализа

их действий. При этом следует обращать внимание на наличие продолжающихся конфликтов в среде обучающихся, а также между учащимися и педагогами. По возможности не привлекая внимания, стоит проанализировать причины и мотивы изменившегося поведения предполагаемого шутера. Намеренные или случайные высказывания, фразы, повторяющиеся рисунки, связанные с темой насилия или смерти, могут обозначить направленность будущих действий наблюдаемого.

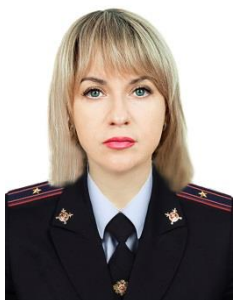
В условиях развивающегося конфликта специалист должен оперативно отреагировать на озвучивание или трансляцию посредством различных мессенджей угроз в адрес конкретных людей, групп или сообществ. При этом необходимо учитывать, что намерение в причинении вреда может быть прямым и скрытым. Угроза является источником информации, который может содержать определенные данные о планируемом месте, времени и дате совершения нападения, а также в отношении кого будет реализовано обещание о физическом воздействии. Если в заявленных угрозах будут выявлены детали предполагаемого акта, то уже есть сигнал о переходе действий шутера к предпоследнему этапу подготовки к нападению и необходимости принимать активные меры по нейтрализации «колумбайнера».

На наш взгляд, последний аспект является наиболее важным для пресечения деятельности адептов «колумбайна», т.к. он является наиболее информативным. Исходя из анализа событий, связанных с нападениями в образовательных организациях, можно сделать вывод о том, что все шутеры предупреждали о своих предстоящих действиях в сети либо при контактах с лицами из близкого круга. Таким образом, они стремились привлечь внимание общества к себе, приобрести определенную популярность, и необходимо свидетельствовать, что это им удалось. Но именно на этом уровне действий шутера возможно максимальное противодействие со стороны специалистов для недопущения трагических последствий.

Предложенный вариант разрешения обозначенной проблемы не является универсальным алгоритмом действий специалиста образовательной организации в условиях вероятной угрозы со стороны адепта «колумбайна», но как элемент комплекса выявления и нейтрализации потенциальных шутеров вполне может быть эффективно применен.

Литература

1. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skulshuting-v-rossii-chto-imeet-znachenie> (дата обращения: 19.01.2022).
2. Плотников В.В., Самойлов С.Ф. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-skulshutinga-kolumbayna-v-rossiyskoy-nauke> (дата обращения: 06.02.2022).
3. Хронология стрельбы в российских учебных заведениях. URL: <https://tass.ru/info/12452757> (дата обращения: 08.02.2022).

Gamzina Anastasia

The Department of district police officers and juvenile police of Department № 7 of Intermunicipal Department of the MIA of Russia «Krasnoyarsk»

Гамзина Анастасия Валерьевна

Старший инспектор по делам несовершеннолетних отдела
участковых уполномоченных полиции
и по делам несовершеннолетних
отдела полиции № 7 Межмуниципального управления
МВД России «Красноярское»

**НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИНЯТИЯ В РАМКАХ ЗАКОНА «ОБ ОПЕРАТИВНО-
РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» ОГРАНИЧЕНИЙ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
СВЕДЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, ВИНОВНЫХ В МАССОВЫХ
РАССТРЕЛАХ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ**

**THE NEED TO ADOPT RESTRICTIONS ON THE DISSEMINATION OF INFORMATION
ABOUT THE PERSONALITY OF CRIMINALS GUILTY
OF MASS SHOOTINGS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS WITHIN THE
FRAMEWORK OF THE LAW “ABOUT OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES”**

В нашей стране произошла целая череда нападений на учебные заведения. Есть весьма веские основания предполагать, что данные трагедии имели в своей основе «колумбайн»-эффект, а именно повторение и подражание анти-героям, желание любой ценой вписать свое имя в историю, пусть даже такими кровавыми методами, возвращенные на нестабильном эмоциональном состоянии и чувстве обиды на общество.

Рассмотрим определение значения данного словосочетания. «Колумбайн»-эффект или, кратко, «колумбайн» – что это такое? Под этим принято называть инциденты вооруженных нападений внутри образовательных организаций на обучающихся и (или) педагогов, а также иной персонал школы [3, с. 38].

«Колумбайн»-эффект как таковой произошел от террористического акта, произошедшего в школе «Колумбайн» (англ. Columbine High School massacre) – спланированного нападения Харриса и Клиболда, двух учащихся старших классов указанной школы, расположенной в Соединённых Штатах Америки (далее – США), штате Колорадо, на учеников и персонал этой школы, совершённое 20 апреля 1999 г. с применением стрелкового оружия и самодельных взрывных устройств. Нападавшие убили 13 и ранили ещё 23 человека, после чего покончили с собой [2].

Кровавая бойня в американской школе породила целую субкультуру «колумбайн». Многочисленные сообщества организовались в соци-

альных сетях на просторах Интернета. Похожие преступления с ужасающим постоянством происходят по всему миру.

Как нами уже упоминалось, нашу страну также не обошла печальная статистика. Массовое убийство в Керченском политехническом колледже в октябре 2018 г. [1], расстрел учеников Казанской гимназии в мае 2021 г. [4], убийства в Пермском государственном университете [6] – таков далеко не полный скорбный список преступлений такого рода.

На наш взгляд, данный шаг является только одним из первых в цепочке необходимых действий. Однако, если подобную пропагандистскую функцию выполняют интернет-сообщества, то вполне логично предположить, что в не меньшей, а, возможно, и большей степени популяризацию подобных преступлений выполняют средства массовой информации (далее – СМИ) и, в первую очередь, телевидение. Зачастую в погоне за сенсацией, подробно освещая такого рода события, они невольно «прославляют» террориста (как было сказано ранее, уже – террориста), выступают в качестве катализатора.

На законодательном уровне запретить или существенно уменьшить полноту освещения СМИ подобных событий, лишить террористов славы «героев» – вот одна из задач государства.

В данном аспекте нам видится необходимым обратиться к положительному опыту других

стран. Существуют ли положительные примеры, подтверждающие наше предположение?

На наш взгляд, подобные положительные примеры, правда, относящиеся к другому деструктивному социальному явлению, а именно к суициду, существуют. Речь идет об Австрии.

В этой стране в 80-е гг. XX в. чрезвычайно выросло количество самоубийств в метро. В 1987 г. Венский центр кризисной помощи совместно с сотрудниками венского метрополитена приняли решение больше не освещать факты «смерти на рельсах» или, по крайней мере, не делать из них сенсации, уделяя данным происшествиям минимум внимания. Уже через месяц количество самоубийств в метро снизилось на 80% [5, с. 591].

Мы считаем обоснованной возможность транспонировать успешный опыт Австрии на отечественные реалии, применив его в случае с массовыми убийствами в учебных заведениях.

Необходимо в рамках оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) наделить субъекты

ОРД правом засекречивать личность последователей «колумбайна». Его личные данные (фамилия, имя, отчество, этапы биографии) не должны быть освещены в СМИ.

Таким образом, уничтожается один из основных факторов, движущий преступниками, так сказать, первопричина их поступков – желание быть великими, или желание славы.

В данном видении ситуации мы исходим из того, что даже одна человеческая жизнь является крайне важной в масштабах страны, что полностью согласуется с концепцией национальной безопасности России.

Таким образом, подводя итог, мы предлагаем следующие практические шаги:

1) подготовить законодательную базу для запрета для СМИ освещать события по типу «колумбайна»;

2) непосредственно в ближайшем временном отрезке в рамках ОРД наделить его субъекты правом засекречивать личные данные виновников «колумбайна».

Литература

1. Массовое убийство в керченском колледже // Российская газета. URL: <https://rg.ru/sujet/6093/> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Массовое убийство в школе «Колумбайн». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовое_убийство_в_школе_«Колумбайн» (дата обращения: 05.02.2022).
3. Пучнин А.В., Пучнина М.Ю. Идеология «Колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 38-43.
4. Стрельба в гимназии в Казани – трагедия, которая потрясла всех. URL: https://1tv.ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2021-05-16/406565-strelba_v_gimnazii_v_kazani_tragediya_kotoraya_potryasla_vseh (дата обращения: 04.02.2022).
5. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Освещение суицидальной тематики в средствах массовой информации в свете правовых ограничений и социальной значимости проблемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 4. С. 588-606.
6. Трагедия в пермском университете потрясла всю страну. URL: https://1tv.ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2021-09-26/413691-tragediya_v_permskom_universitete_potryasla_vsyu_stranu (дата обращения: 02.02.2022).

Glazunov Dmitry

Candidate of Historical Sciences

Institute of History and International Relations

Altai State University

Глазунов Дмитрий Александрович

Доцент кафедры востоковедения,

кандидат исторических наук

Институт истории и международных отношений

Алтайского государственного университета

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА СИНЬЦЗЯНА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В 2020 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКЛАДА О РАБОТЕ НАРОДНОЙ ПРОКУРАТУРЫ СУАР)

ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OVERSIGHT OF XINJIANG IN THE FIELD OF COMBATING TERRORISM IN 2020 (BY THE MATERIALS OF THE REPORT ON THE WORK OF THE PEOPLE'S PROSECUTION OF THE XUAR)

Главный прокурор Синьцзяна, исходя из своего функционала, обязан ежегодно отчитываться о проделанной работе не только перед главным прокурором КНР, но, прежде всего, перед депутатами Собрания народных представителей (далее – СНП) автономного района. Доклад о работе народной прокуратуры был зачитан прокурором Синьцзяна 3 февраля 2021 г. перед 4-й сессией 13-го созыва СНП СУАР [1]. Этот документ состоит из трех частей: основная работа, планы на будущий год и комментарии.

В рамках анализа стоит уделить внимание профессиональной характеристике главного прокурора Синьцзяна Ли Юнцзюня, который руководит прокурорским надзором СУАР с 2018 г. Он выходец из провинции Хэбэй, профессиональный юрист, в рядах прокуратуры служил с 1987 г. С 2002 г. Ли Юнцзюнь переходит в партийные структуры и работает в политико-юридическом комитете КПК провинции Хэбэй вплоть до 2018 г. Важно подчеркнуть, что с 2016 г. он стал главой политико-юридического комитета и вошел в узкий круг руководства Хэбэй [2].

Результаты службы органов прокуратуры в 2020 г. в докладе представлены в шести группах:

1. Общественно важные дела.
2. Меры по поддержанию безопасности и стабильности.
3. Уголовное и гражданское судопроизводство.
4. Работа по жалобам населения.
5. Реформа правосудия.

6. Надзорное производство.

В целом, если судить по докладу, то для СУАР в отчетному году проблема терроризма была менее актуальной по сравнению с прошлыми годами. В категорию общественно важных дел попало участие в профилактике и борьбе с ковидной эпидемией, преследование нарушений социалистического рыночного строя экономики, вспомоществование в борьбе с бедностью (перераспределение средств в пользу бедных слоев населения).

Например, работники прокуратуры приняли участие в 6590 антиковидных мероприятиях, таких как общественные работы, осмотры и контроль за людьми и транспортными средствами, наблюдение за соблюдением карантина и т.д. «Ковидные» уголовные дела получили приоритетный характер. Прокурорский надзор СУАР вынужден был вмешаться в расследование 92 уголовных дел, связанных с эпидемией, таких как воспрепятствование профилактике и лечению инфекции и противодействие общественным делам. В итоге «око государства» санкционировало арест 58 человек в 51 деле и привлекло к ответственности 105 человек по 88 соответствующим делам.

В этой категории дел, пожалуй, можно выделить только переводы документов и изучение совместно с Синьцзянским университетом, Синьцзянским финансово-экономическим университетом и другими вузами проблем, связанных с деятельностью прокуратуры и системой

антитеррористического законодательства государств Центральной Азии.

Вторая категория является для нас целевой. Попутно отметим, что с точки зрения китайской прокуратуры в эту категорию входили такие дела, как умышленное убийство, изнасилование, грабеж, коррупция, организованная преступность и терроризм. В целом по этой категории дел в общей сложности 22 386 человек были арестованы за различные преступления и 48 258 человек были привлечены к ответственности.

Прокуратура, судя по отчету, основной фронт в деле борьбы с терроризмом перенесла в Интернет: «...уделяла большое внимание глубокому анализу скрытых “движущих сил”, поэтому строго наказывала тех, кто распространял заведомо ложную и вредную информацию и слухи в виртуальном пространстве».

Интерес для нас представляет и активное использование для данной категории дел «Закона об исправлении нарушителей мерами общественно-

го воздействия». Сам закон был принят 28 декабря 2019 г., но его роль в уголовно-исправительном судопроизводстве постоянно растет. Прокурор в своем докладе подчеркнул, что надзор за общественным исправлением был усилен и в результате 1651 человек исправились, что в 11,6 раза больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Таким образом, в 2020 г. общественный резонанс по террористическим делам был невысоким. Причины этого требуют системного изучения. Видимо, антитеррористическая система, которая выстраивалась долгие годы, принесла свои плоды. Не стоит сбрасывать со счетов и своеобразную систему, которая сложилась в результате мобилизации общества из-за ковидной пандемии. Отдельно следует сказать, что правоохранительная система стала бороться и со скрытыми угрозами, делая акцент на борьбу с правонарушениями в интернет-пространстве.

Литература

1. Доклад прокурора Синьцзяна за 2020 г. URL: http://www.xj.jcy.gov.cn/jwgk/gzbg/202105/t20210526_3255656.shtml (дата обращения: 16.03.2022).
2. Биография Ли Юнцзюня. URL: <https://baike.baidu.com/item/李永君/20189313?fr=aladdin> (дата обращения: 16.03.2022).
3. Закон об исправлении нарушителей мерами общественного воздействия. URL: <https://baike.baidu.com/item/中华人民共和国社区矫正法/19422667?fromtitle=社区矫正法&fromid=15468407&fr=aladdin> (дата обращения: 16.03.2022).

Grigoriev Vitaliy

Master of Juridical Sciences

Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan named after Makan Yesbulatov

Григорьев Виталий Владимирович

магистр юридических наук

Алматинская академия МВД Республики Казахстан

имени Макана Есбулатова

ТЕРРОРИЗМ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

TERRORISM AND RELIGIOUS EXTREMISM AT THE PRESENT STAGE

Одним из неизбежных и безусловных факторов естественной деятельности каждого государства считается сохранение общественного уклада. Силловые структуры прилагают максимум стараний в бескомпромиссной борьбе с законодательно наказуемыми видами правонарушений: террористическими акциями, поддержкой террористических действий, проявлениями радикального экстремизма, массовыми бесчинствами и пр. Тем не менее на современном этапе показатели нарушений общественного порядка по-прежнему высоки. При этом терроризм и религиозный экстремизм являются одними из самых грозных преступлений против общественного порядка, а их последствия представляют собой серьезные проблемы, которые существуют в современном мире. Данные преступления не обошли стороной как высокоразвитые страны, так и страны, находящиеся в начале пути своего становления и развития. Реальность такова, что радикализм, в частности религиозный экстремизм и терроризм, все сильнее угрожают спокойствию многих государств, влекут за собой крупные политические, экономические и моральные потери. В связи с их активным проявлением за последнее время погибли тысячи людей, материальные потери составляют миллиарды долларов.

Статистика наглядно иллюстрирует, что число пострадавших ежегодно растет. Проблема эффективного противодействия терроризму и религиозному экстремизму не является региональной, конфессиональной либо основанной на иных критериях действительности. Как показывают последние события, в мире нет безопасных мест, стран, регионов. Сегодня, когда государство и общество в целом должны эффективно противостоять терроризму и религиозному экстремизму, материально-правовая база далека от совершен-

ства, и потому необходим научный юридический подход к изучению терроризма и религиозного экстремизма как явлений, подрывающих национальную безопасность Республики Казахстан и мира в целом. Жертвами терроризма и религиозного экстремизма может стать любая страна, любой человек. Терроризм и религиозный экстремизм трансформировались в системную угрозу существования многих стран, в будущем – всей Земли.

Терроризм любого вида есть одно из самых опасных международных преступлений, ставших в последние годы весьма распространенным в мире. Его акты всегда приносят массу человеческих жертв, сопровождаются большим материальным ущербом, а также социальным расслоением и душевным расстройством общества.

Губительная функция терроризма выражается в проникновении в жизнь общества насильственных методов разрешения конфликтных ситуаций, порождении атмосферы страха и повышенной тревожности. В современных условиях, когда человечество обладает оружием массового поражения (биологическим, ядерным, химическим), характеризующимся громадной уничтожающей силой, общественная опасность терроризма крайне высока [8].

Изучение статистических сведений показывает тенденцию во всем мире к росту числа проявлений различных видов и форм террора, а также проявлений радикального экстремизма. Террористическая и экстремистская деятельность на данном этапе отличается большим объемом, отсутствием явных национальных границ, существованием контактов и тесного сотрудничества с международными экстремистскими и террористическими ячейками, сильной управленческой структурой, состоящей из командного и опера-

тивного сегментов, секторов разведки и контрразведки, материального обеспечения, боевых отрядов прикрытия, строгой конспирацией и детальным подбором работников, существованием агентуры в государственных органах и силовых структурах, изрядным техническим снабжением, зачастую превышающим снабжение служб государственных органов; существованием обширной сети тайных укрытий, законспирированных учебных баз и полигонов. Отметим, что радикальный экстремизм и международный терроризм, владея современными возможностями ведения информационной борьбы, навязывают населению собственные понятия и восприятие окружающей обстановки, качественно и успешно разрешают поставленные задачи по вербовке в свои подразделения юношей и девушек, не упоминая уже о «профи» – наемниках.

На современном этапе религиозный экстремизм и терроризм – это массивные системы с отвечающим их объему обеспечением. Религиозный экстремизм, а с ним и терроризм, трансформировались в достаточно выигрышный бизнес обширного диапазона с существенным «рынком труда» (наймитов и др.) и приложением средств (поставка оружия, наркопреступления и иное).

«Террор», согласно толковому словарю С.И. Ожегова, – «устрашение своих противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения» [6], а терроризм – это практика террора. Действия террористов не всегда соединены с убийством, но всегда подразумевают принуждение, силу, угрозу и пр.

Действие терроризма, как правило, устремлено к значительному кругу лиц, жителям городов или областей либо к реальным чиновникам, властным органам, которые обладают правом принятия управленческих, организационных и прочих решений [3]. Данные действия могут быть обращены к общественным, религиозным, политическим деятелям, известным работникам культуры; в ожидании нужной реакции они также могут быть обращены и к бизнесменам и даже участникам иных криминальных организаций.

Терроризм и идущий с ним бок о бок религиозный экстремизм наносят ущерб здоровью и жизни людей, их имуществу, законным интересам и правам, расшатывая привычную жизнь социума. Физические страдания, причинение тяжких телесных повреждений, смерть – все это сопровождает насилие. Помимо этого, имеют место быть и психологическое воздействие, и психическое давление, что всегда типично в случае требования выкупа. Средства, используемые радикалами для своей победы, – шантаж, угрозы, нагнетание атмосферы испуга, боязни за свою жизнь и членов своей семьи. Разорение, разграбление, уничтожение ценностей, имущества радикалами

также можно причислить к терроризму [9]. Акт терроризма может быть совершен единственным лицом против одного или нескольких человек, а также против тех или иных объектов. В случае, когда преступник работает один, часто ответственность за данный теракт берет на себя какая-нибудь террористическая запрещенная организация. Способы реализации определяются через указание законодателем на наиболее типичные (взрыв и поджог) и далее на обобщенную характеристику-осуществление других действий, которые влекут опасность наступления смерти лица, причинения существенного имущественного ущерба, также наступления других тяжких последствий [7]. Иначе говоря, законодатель, с одной стороны, отмечает ключевое типичное свойство этих действий – их общественный характер, а с другой – обязательное свойство взрыва, поджога и иных подобных действий: их действительную возможность повлечь указанные в законе последствия [4]. Более детально коснемся жертв в радикализме. Как было упомянуто выше, терроризм и религиозный экстремизм сегодня, несомненно, являются формой насилия, рассчитанной на широкое восприятие. Очевидно, террористическое и экстремистское насилие используется террористами/экстремистами не напрямую против своих оппонентов, а опосредованно, путем уничтожения имущества и жизни третьих лиц, в основном не вовлеченных в существующий конфликт между радикалами и их оппонентами. Исходя из этого, можно вычленить три базовых типа жертв:

– лица, физически причастные к совершению террористического акта, – это непосредственные жертвы [5]. Например, заложники, причастные к репрессиям против преступников сотрудники правоохранительных органов, члены семей и близкие знакомые непосредственных жертв. Они могли пострадать как от физического, так и психологического шока или травмы;

– лица, которые ощущают чувство солидарности и принадлежности к жертвам, которые сами осознают, что являются потенциальными жертвами, – это косвенные жертвы (родственники и друзья прямых жертв, испытывающие скорбь в связи со смертью или травмой близкого человека, свидетели, врачи и пр.);

– местное население – это третья группа жертв. Именно они, по итогу, являются мишенью террористов. Насилие направлено на создание атмосферы террора. Отчаяние вынуждает людей идти на уступки и подталкивает их к выбору, который не является их собственным.

Цель экстремизма и терроризма есть сознание всего социума, поэтому терроризм и экстремизм – это не только крайние средства политической борьбы, но и возможность морально-

психологического влияния на сознание масс. Мы наблюдаем, что терроризму старательно придается исламский характер. Причин придания исламу имиджа террористической религии несколько. Большинство углеводородных запасов мира находятся в мусульманских странах: Ирак, Иран и Ближний Восток в целом. Поддержание постоянной нестабильности на Ближнем Востоке является эффективным фактором, сдерживающим развитие стран региона. Ведь при справедливом распределении нефтяных прибылей Ближний Восток выйдет из-под контроля крупных нефтяных корпораций.

Обзор независимых СМИ дает главную характеристику жизни в регионе: социальная несправедливость, бедность, отсутствие государственной идеологии. Самое главное – предоставленность граждан самим себе.

Наиболее хорошо суть изложил Perkins John в книге «Confessions of an Economic Hit Man» – все эти миллиарды людей на планете – потенциальные террористы. Не потому, что они верят в коммунизм или анархизм или изначально злы, но просто оттого, что они пребывают в отчаянии [10].

Более точно детализировал М. Сейджман – ко времени присоединения к джихаду 78% вырваны из своих культурных и социальных корней, находились в состоянии одиночества и культурной дезориентации. Трудно переоценить влияние этого фактора на процесс радикализации [11].

Резюмируя ситуацию с кадрами для террористических и экстремистских структур, наблюдаем, что во всех странах Центральной Азии сложилась благоприятная обстановка для вербовки членов подобных организаций. Большие пустынные и степные территории благоприятствуют созданию тренировочных лагерей для любых террористических и экстремистских союзов. На сегодняшний день у терроризма есть общая черта – все организаторы террористических организаций преследуют материальную выгоду. Бескорыстный терроризм есть выдумки бизнесменов от террора, чтобы не делиться прибылями. Современная террористическая тактика основывается на активном участии лиц, проходивших специальную диверсионную подготовку под руководством правительственных инструкторов. Ценный момент в предупреждении данных явлений – это установление и нейтрализация источников, которые благоприятствуют реализации активности террористической экстремистской деятельности. Реализация указанных установок сопряжена не только с необходимостью исключения новых проявлений радикализма вслед за уже свершившимися террористическими экстремистскими акциями. Установление и нейтрализация всего, что благоприятствует активизации экстремиз-

ма/терроризма на ранних стадиях, есть значимая профилактическая мера, которая поможет не допустить наступления самих террористических и экстремистских акций либо уменьшить их последствия. Именно поэтому установление причин данных явлений – первоочередная задача всех уполномоченных органов. Причины, факторы, условия, содействующие осуществлению радикальной деятельности, весьма разнообразны: политическая нестабильность, межэтническое напряжение, проявление коррупции, недолжная скоординированность действий компетентных органов, недосмотр и небрежность должностных лиц и многое другое. В связи с этим архиважно вовремя выявить и устранить слабые элементы их самых различных видов в механизме обеспечения жизнеспособности социума и государства с целью создания неблагоприятной обстановки для проявлений экстремизма и терроризма, создать твердую броню от них. Важную роль при этом играют общепринятые принципы и нормы международного права, осуждающие экстремистские и террористические акции, направленные на спасение конкретного лица в частности и страны в целом.

То, что высшими ценностями «являются человек, его жизнь, права и свободы» [2], а также признание за человеком прав на личную неприкосновенность, свободу и жизнь устанавливают обязанность государства по предоставлению безопасной жизнедеятельности народа, нормальному функционированию государственных и общественных институтов. Преступления против общественной безопасности, к которым относятся рассматриваемые явления, объективно смертельны для массового круга общественных отношений (сохранности личности, естественной деятельности предприятий, фирм, организаций и иных гражданских институтов). При совершении злодеяний против общественной безопасности вред причиняется нуждам не конкретного человека, а коллективно значимым нуждам, защищенным условиям жизни всего общества. Современный радикализм в любом виде все более приобретает безнациональный характер – налицо тесная координация с зарубежными радикальными группировками, а также откровенное участие иноземных лиц в запрещенной деятельности за пределами своей родины.

На сегодняшний день религиозный экстремизм и терроризм характеризуются широким размахом. Террористические и экстремистские группировки активно пользуются в собственных интересах достижениями научной и технической мысли. Радикализм выискивает обновленные, более яростные и глубокие способы устрашения. Боевики переступили принципиальные границы, применили методы массового уничтожения. Речь

не идет об окончательной ликвидации терроризма и экстремизма на планете, учитывая все его различные интерпретации. Просвещенному сообществу нужно противодействовать распространению данных явлений, своевременно выявляя потенциальные угрозы. Первоначально государственные органы должны быть нацелены на проведение профилактических мер, связанных с выявлением угроз внутри республики; факторов, расшатывающих нормальный ход политического развития в стране. И эффективность схватки с религиозным экстремизмом и терроризмом будет зависеть от качественной составляющей тех мер, которые предпринимает государство для защиты от этих угроз.

Действенность предпринимаемых мер во многом зависит от беспристрастности и своевременности выявления изменений в сущности, структуре и тактике религиозного экстремизма и терроризма, от емкости анализа этих изменений и предполагаемого их дальнейшего развития. Изучение положений уголовного закона по рассматриваемым правонарушениям однозначно подводит нас к выводу о существовании пробелов, слабости и неточности уголовного законодательства, регулирующего вопросы наказания за террористические деяния.

Дамоклов меч террористической атаки уже не только очевиден, но и ощутим, и большинство казахстанцев осознают, что в подобных условиях необходимы реальные меры, могущие сохранить жизнь, свободы, здоровье и добро народа, национальные интересы.

Возможно, назрела необходимость поднять: возмещение вреда, вызванного терактом; социальную реабилитацию пострадавших сторон; социальную защиту и компенсации лицам, принимающим участие в схватке с терроризмом; достойную компенсацию помогающим в этой схватке и иные весомые меры в борьбе с таким преступлением, как терроризм.

На наш взгляд, в настоящее время, особенно с учетом кризиса, вызванного продолжающейся пандемией, основная проблема – это совместная деятельность государств над контролем и борьбой с терроризмом, с религиозным экстремизмом на широкой правовой основе. Важнейшим правовым началом, заключенным в конвенционный механизм антитеррористического сотрудничества, является принцип *aut dedere aut judicare* («либо выдай, либо суди»). Он призван обеспечить неотвратимость наказания за совершение актов терроризма и тем самым обеспечить более высокий уровень правоприменительных мер с акцентом на обязательном преследовании и наказании за посягательства террористического характера в отечественной (внутригосударственной) и мировой (межгосударственной) плоско-

стях. Полагаем, что теоретическое решение этой проблемы возможно при условии учета специфики предмета и метода как международного, так и национального (внутригосударственного) права. Задача весьма актуальна, ибо нет пока универсальных методов борьбы с общечеловеческой угрозой – международным терроризмом. Правовые, международно-правовые, а также политические документы контртеррористической направленности заложили основы для создания и функционирования институциональных антитеррористических органов и организаций, к которым относятся органы государства (МВД РК, КНБ РК и др.), международные межправительственные организации и их главные органы (ООН, Совет безопасности ООН и др.). А также основы для органов целенаправленной антитеррористической деятельности учреждений, созданных институтами власти (государством, международными организациями, основными субъектами международного права), институциональных систем (Контртеррористический комитет СБ ООН, Антитеррористический центр СНГ и др.).

Примером единодушия стран мира было основание после 11 сентября 2001 г. контртеррористической коалиции. В настоящее время согласно законам государства или международным договорам, или решениям международных организаций и международных органов создаются специализированные институциональные контртеррористические системы разных масштабов и уровней. Проблема международного радикализма особо остро стоит в Центральной Азии в силу значительной активизации экстремистских организаций исламского толка в Средней Азии, затяжных военных конфликтов, прихода к власти талибов в Афганистане и др. Актуальность проблемы противодействия терроризму и религиозному экстремизму, представляющие реальную угрозу международной и региональной безопасности, диктует насущную необходимость дальнейшей координации действий и укрепления взаимопомощи в битве с этими явлениями со стороны всего многонационального общества. На сегодняшний день в пределах ООН, ШОС, СНГ и ряда других международных структур в основном сформированы правовые и координационные начала подобного взаимодействия. Сознвая роль международных и региональных структур безопасности в реализации глобальной антитеррористической стратегии, Казахстан последовательно реализует установки Главы государства о расширении международного участия в сфере противодействия терроризму и религиозному экстремизму. Борьба с данными явлениями крайне актуальна, особенно в последние годы, когда возросло число фактов совершения терактов, нетерпимых экстремистских проявлений и политических пут-

чей в мире. Современность обязывает провести ревизию в имеющихся парадигмах разрешения задач противодействия преступности в целом и терроризму, религиозному экстремизму в частности, причем в самых различных их видах (политический, исламский, этнический, буддистский, христианский, иудаистский, сатанинский и ряд других). Помимо этого, в серьезном совершенствовании нуждается система сбора, обработки и обмена оперативно значимой информацией [2].

Противодействие им представляет собой один из первостепенных векторов в обеспечении глобальной защиты нашей страны. В то же время приходится констатировать, что правоохранительные и специальные службы испытывают острый дефицит обученных кадров, финансирования. Не секрет, что их систематически лихорадит от перманентного реформирования и сокращения, многие профессионалы оказались ненужными, возникали ситуации, когда пришедших на смену молодых выпускников обучать было некому. Все перечисленное – питательная среда для дестабилизации, массовых беспорядков и любой террористической и экстремистской деятельности. Дополнительными причинами, способствующими возникновению религиозного экстремизма, можно назвать повсеместное нарушение социальной справедливости, коррупцию, низкий жизненный уровень населения страны, а также деятельность зарубежных миссионеров, отсутствие правовых

аспектов урегулирования межрелигиозных конфликтов в Казахстане, не всегда должное реагирование действующих властей. Немаловажным фактором приобщения граждан к экстремистским формам вероучения является религиозная безграмотность народа. На данном этапе терроризм и религиозный экстремизм в одинаковой степени угрожают социальной, государственной и межгосударственной безопасности и представляют собой тщательно продуманную форму давления на государственные структуры со стороны мировых радикальных организаций в целях расшатывания механизмов управления. Преодолеть такого типа угрозы посредством одномоментных действий нереально. Нужна продуманная, длительная, согласованная программа интернационального сотрудничества. Только координируя совместные усилия, можно осуществлять противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности.

Подытоживая вышеизложенное, можно утверждать, что в борьбе против терроризма и религиозного экстремизма необходимо комплексное решение, которое соединит в себе действия и политического, и правового, и экономического, и социального характера. Это долгосрочная программа, осуществление которой обусловлено различными факторами, однако очевидно, что действенные и плодотворные меры были востребованы еще вчера.

Литература

1. Аташов Ы.С., Елеусинов А.А. Система государственных органов и общественных формирований в предупреждении терроризма как особо опасного проявления экстремизма // Ученые труды Алматинской академии МВД Республики Казахстан. 2018. № 1 (50). С. 27-31.
2. Конституция Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 24.11.2021).
3. Международно-правовые вопросы обеспечения региональной безопасности в области борьбы с терроризмом. URL: <https://www.allpravo.ru/diploma/doc36p0/instrum6440/item6442.html> (дата обращения: 22.11.2021).
4. Методы, виды террористической деятельности и тенденции развития современного терроризма. URL: https://www.yarregion.ru/Pages/terrorizm_vid.aspx (дата обращения: 22.11.2021).
5. Обзор дел о терроризме. Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Digest_of_Terrorist_Cases/Russian.pdf (дата обращения: 23.11.2021).
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31697> (дата обращения: 22.11.2021).
7. О противодействии терроризму: закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-І. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013957&pos=2;-44#pos=2;-44 (дата обращения: 22.11.2021).
8. Полный курс уголовного права. Т. IV. URL: books.google.co.uk/books?id=P58EDAAAQBAJ&pg=PT53&lpg=PT53&dq= (дата обращения: 12.11.2021).
9. Радиков И.В. Терроризм как международная угроза. URL: https://spbu.ru/sites/default/files/terrorizm_kak_mezhdunarodnaya_ugroza.pdf (дата обращения: 22.11.2021).
10. Perkins John. Confessions of an Economic Hit Man. URL: <https://booksonline.com.ua/review.php?book=148369> (дата обращения: 23.11.2021).
11. Sageman Marc. Understanding Terror Networks. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. URL: https://www.erudit.org/fr/revues/jcs/2007-v27-n1-jcs27_1/jcs27_1br08.pdf (дата обращения: 24.11.2021).

Ермакова Ольга Владимировна

Доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России

Ermakova Olga

Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКИМИ

ISSUES OF RECOGNIZING CRIMES AS EXTREMISM

Перечень «экстремистских» преступлений в уголовном законе прямо не определен, поскольку отсутствует соответствующий раздел или глава, аккумулирующая виды таких деяний. При этом примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ содержит достаточно обширную формулировку преступлений экстремистской направленности, под которую подпадают преступления, совершаемые по мотивам ненависти политической, идеологической, расовой и т.д. [3, с. 51-52].

В этой части вызывает удивление, почему такое примечание содержится именно в данной статье, которая не находится в начале гл. 29 УК РФ. Такое решение представляется неудачным, поскольку создает иллюзию того, что только после ст. 282.1 УК РФ будут располагаться преступления экстремистской направленности. Хотя и располагающиеся до этого составы (например, ст. 280 УК РФ) также по прямому указанию в названии статьи относятся к числу экстремистских. В связи с чем предлагаем перенести примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ в отдельную статью по аналогии с понятием преступлений против военной службы (ст. 331 УК РФ), расположив ее в начале гл. 29 УК РФ.

Само по себе закрепление «экстремистских» преступлений в рамках гл. 29 УК РФ является обоснованным, что объясняется нарушением данными деяниями именно безопасности государства, нормального его функционирования. Однако отсутствие какого-либо перечня таких преступлений вызывает вопросы отнесения того или иного деяния к числу экстремистских [1, с. 23-24].

К числу преступлений экстремистской направленности наука уголовного права предлагает относить составы, предусматривающие ответственность за нарушение территориальной

целостности РФ [2, с. 21]. Данная позиция имеет право на существование, поэтому, если мотив изменения границ территории РФ признать политическим, то, в принципе, возможно их причисление к числу экстремистских.

Нельзя не обратить внимание на составы, введенные в УК РФ Федеральным законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ (ст. 207.3, 280.3, 284.2). Очевидно, что законодатель только 2 состава расположил в гл. 29 УК РФ. Подобное решение вызывает вопросы, поскольку и ложная информация об использовании Вооруженных Сил РФ, и действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил, нарушают основы конституционного строя и безопасность государства. Поэтому, на наш взгляд, объединение введенных составов в рамках гл. 29 УК РФ выглядит более оправданным.

Возможно, на решение законодателя повлияло указание на заведомость ложного сообщения в ст. 207-207.2 УК РФ. Однако, учитывая связь данной информации с политическими отношениями, целесообразно отнести публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ к числу экстремистских.

Однако подобные рассуждения, направленные на поиск признаков, позволяющих идентифицировать отдельно взятое преступление из гл. 29 УК РФ, и понятия, закрепленного в примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ, всегда вызывают дискуссии в науке уголовного права, а отсутствие единообразия в толковании влечет проблемы в правоприменительной деятельности.

Иначе говоря, из текста закона остается неясным, каждое преступление, расположенное в гл. 29 УК РФ, следует признать экстремистским или же только отдельные из них.

В этой ситуации оптимальным видится несколько вариантов решения поставленного вопроса:

1. Учитывая, что экстремистским можно признать только преступление, совершаемое по мотивам ненависти (национальной, религиозной, расовой, идеологической, политической), следует вводить данный признак в число обязательных для данных деяний и прямо его закреплять в нормах Особенной части.

В свою очередь, анализ гл. 29 УК РФ показывает, что только 2 состава преступления (ст. 280, 282 УК РФ) содержат прямое указание на мотив. Такое положение создает сложности в реализации предписаний закона и способствует

вынесению спорных (неоднозначных по квалификации) решений.

2. Закрепление перечня преступлений экстремистской направленности в самом понятии (примечание 1 к ст. 282.1 УК РФ).

Таким образом, несмотря на повышенное внимание общественности и законодателя к преступлениям экстремистской направленности, их регламентацию в рамках уголовного закона нельзя признать удовлетворительной. В частности, в рамках разделов и глав отсутствует указание на соответствующий объект, само понятие преступлений экстремистской направленности располагается в центре гл. 29 УК РФ и не содержит ясности в перечне данных деяний.

Литература

1. Ботвин И.В. Неопределенность уголовно-правового регулирования борьбы с экстремизмом // Проблемы противодействия экстремизму и терроризму: региональный формат: междунар. сб. науч. ст. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021.

2. Ермакова О.В. Квалификация следователем составов преступлений экстремистской направленности (ст. 280, 282, 282.1-282.2 УК РФ) на стадии возбуждения уголовного дела: учебное пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014.

3. Ермакова О.В. Составы нарушения территориальной целостности РФ: недостатки конструкций // Проблемы противодействия экстремизму и терроризму: региональный формат: междунар. сб. науч. ст. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021.

Каландаров Максуд Махмудович

Доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент
Академия МВД Республики Узбекистан

Kalandarov Maksud

Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

SOME ASPECTS OF STATE LEGAL MEASURES TO COUNTER EXTREMISM IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

В современной жизнедеятельности любого государства существуют так называемые глобальные проблемы, которых раньше не было совсем, либо они были не такими серьезными. Одной из глобальных проблем современности является экстремизм, который опасен сам по себе, кроме того, он является питательной средой для терроризма [1, с. 5].

Сегодня экстремизм не имеет ни родины, ни языка, ни пола, ни национальности, ни религии, а конкретнее, границ существования, представляя реальную угрозу национальной безопасности абсолютно любого государства, в частности и Узбекистана.

В настоящее время экстремизм и терроризм остаются одними из главных угроз международ-

ной безопасности, в т.ч. в Центральном-Азиатском регионе. В связи с этим в настоящее время противодействие вызовам и угрозам экстремизма и терроризма является одной из первоочередных задач Республики Узбекистан.

Имеющийся опыт Узбекистана по противодействию экстремизму и терроризму, а также ретроспективный и сравнительный анализ ситуации в области борьбы с этими угрозами показывают, что экстремистская и террористическая деятельность осуществляется, в основном, под прикрытием националистических (национальных), социальных, религиозных и других радикальных политических идей [2].

Узбекистан на протяжении последних пяти лет, основываясь на Конституции Республики Узбекистан, общепризнанных принципах, нормах международного права и международных договоров, осуществил ряд безотлагательных государственно-правовых мер противодействия экстремизму и терроризму. В частности, Узбекистан поддержал Глобальную антитеррористическую стратегию ООН, ратифицировал 14 международных конвенций и протоколов по борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом.

На основе ратифицированных международных документов были приняты законы «О борьбе с терроризмом», «О противодействии экстремизму», «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансирования терроризма и финансирования распространения оружия массового уничтожения» и «О свободе совести и религиозных организациях» [4].

В настоящее время нормы этих законодательных актов полностью оправдали свою эффективность в реализации борьбы с экстремизмом и терроризмом, соблюдая международные стандарты о правах граждан на свободу совести и вероисповедания.

Вместе с этим было сформировано среди населения, особенно у молодежи, чувство нетерпимости к деструктивным идеям экстремизма и терроризма, обеспечена социально-правовая защищенность, высокий уровень знаний, в частности, понимание сути истинных ценностей национального самосознания и идеи мирного сосуществования религиозных конфессий.

Для осуществления этих задач были созданы и активно действуют Центр исламской цивилизации в Узбекистане, Международная исламская академия Узбекистана, международные научно-исследовательские центры Имама Бухари, Имама ат-Термизи, Мотуриди, которые вносят существенный вклад в дело просвещения народа, искоренения идей экстремизма и терроризма на базе более сильной, аргументированной и научно обоснованной идеологии.

Активно продолжается работа государственных и общественных институтов, направленная на социальную и религиозную реабилитацию граждан, попавших под влияние деструктивных идеологий на религиозной почве.

За последние 4 года более 2 тысяч лиц, отбывавших наказание за причастность к экстремизму и терроризму в виде лишения свободы, чистосердечно раскаявшихся в содеянном и твердо вставших на путь исправления, были помилованы, и свыше 1,5 тысяч лиц освобождены из мест лишения свободы.

За период с 2017 по 2018 г. сняты с учета правоохранительных органов более 20 тысяч лиц, считавшихся приверженцами радикальных религиозных течений или попавших под их влияние [2].

Как известно, 5 июня 2021 г. в рамках 47-й сессии Совета по правам человека ООН при участии представителей Узбекистана было проведено онлайн-мероприятие на тему «Реабилитация и реинтеграция женщин и детей, репатрированных из Сирии и Ирака». На семинаре было отмечено, что в лагерях «Аль-Хол» и «Рож» содержатся почти 70 тысяч человек – граждан из 57 стран, в основном женщин и детей.

Необходимо особо отметить, что с 2019 г. Узбекистан провел пять операций «Мехр» (Милосердие) для репатриации из Сирии, Ирака и Афганистана женщин и детей. Из конфликтных регионов был вывезен 531 человек, находившийся в сложной ситуации. Мировое сообщество высоко оценило действия Узбекистана по репатриации и реинтеграции своих граждан из конфликтных зон, в т.ч. из Сирии и Ирака. Международным сообществом было признано, что таких стран, как Узбекистан, проявивших активность в этом вопросе, было очень мало [4].

Но вместе с этим Узбекистан в настоящее время, не останавливаясь на достигнутом в этом направлении, продолжает активную работу, определяя последующие стратегические направления противодействия этим вызовам и угрозам.

Необходимо отметить, что шестым приоритетным направлением «Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022-2026 годы» назван «Подход к глобальным проблемам исходя из национальных интересов». Особенно важное значение имеет Цель № 82 этого направления, в которой предусматриваются следующие направления в формировании эффективных механизмов противодействия экстремизму и терроризму:

- осуществление эффективной государственной политики по противодействию экстремизму и терроризму, позволяющей обеспечивать права и свободы граждан;
- совершенствование превентивных механизмов, направленных на предупреждение фак-

торов, способствующих экстремизму и терроризму, улучшение социально-духовной атмосферы, предотвращение воздействия чуждых идей и устранение проблем лиц, оказавшихся под их влиянием, путем проведения системной работы;

- формирование у населения, особенно молодежи, твердого и устойчивого иммунитета против идеологии терроризма и экстремизма;

- совершенствование международно-правовых основ противодействия экстремизму и терроризму, а также расширение договорно-правовых основ сотрудничества с зарубежными государствами, региональными и международными организациями в сфере противодействия экстремизму и терроризму;

- укрепление кадрового потенциала и ресурсов дипломатических представительств и консульских учреждений, Агентства внешней трудовой миграции, а также других ведомств, занимающихся гражданами, отъезжающими за рубеж на длительное время и проживающими за рубежом;

- обмен информацией и опытом с зарубежными государствами и международными организациями в сфере противодействия экстремизму, терроризму и их финансированию;

- активное участие в международных и региональных организациях, деятельность которых направлена на противодействие экстремизму и терроризму;

- координация совместных усилий по реализации Глобальной антитеррористической стратегии ООН в Центральной Азии в рамках совместного плана действий;

- расширение роли Узбекистана в реализации международных инициатив, способствующих обмену информацией и развитию сотрудничества в рамках совместной работы по противодействию экстремизму и терроризму в Центральной Азии;

- ускорение инициатив в деле привлечения внимания мирового сообщества и региональных организаций к обеспечению мира и согласия в Афганистане, привлечение данной страны к процессам регионального сотрудничества, в т.ч. противодействию экстремизму и терроризму [3].

Особенно нужно подчеркнуть, что Узбекистан впервые утвердил абсолютно новую Нацио-

нальную стратегию Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021-2026 гг., которая утверждена Указом Президента Республики Узбекистан от 1 июля 2021 г. № УП-6255.

В главе 2 этой национальной стратегии четко определены следующие приоритетные направления деятельности государственных органов по противодействию экстремизму и терроризму:

- пропаганда идей патриотизма, традиционных ценностей и толерантности в противодействии распространению идеологии экстремизма и терроризма;

- предупреждение распространения среди несовершеннолетних и молодежи экстремистских идей;

- защита прав женщин и усиление их роли в противодействии экстремизму и терроризму;

- защита граждан, длительное время пребывающих за рубежом, от воздействия идей экстремизма и терроризма;

- противодействие использованию всемирной информационной сети Интернет в экстремистских и террористических целях;

- участие институтов гражданского общества и средств массовой информации в противодействии экстремизму и терроризму;

- совершенствование мер правового преследования и привлечения к ответственности за экстремистские и террористические действия, а также их финансирование;

- совершенствование нормативно-правовой базы в сфере противодействия экстремизму и терроризму;

- международное и региональное сотрудничество [2].

Таким образом, государственно-правовые меры противодействия экстремизму в Узбекистане, основываясь на Конституции Республики Узбекистан, общепризнанных принципах, нормах международного права и международных договоров, осуществляются всеми дозволенными средствами как на мировом, региональном, так и на национальном уровне.

Литература

1. Миронова Ю.С. Противодействие экстремизму в современном мире. Екатеринбург, 2017.
2. Об Утверждении Национальной Стратегии Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021-2026 годы: Указ Президента Республики Узбекистан от 1 июля 2021 г. № УП-6255. URL: <https://lex.uz/uz/docs/5491628> (дата обращения: 25.03.2022).
3. О стратегии развития Нового Узбекистана на 2022-2026 годы: Указ Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 г. № УП-60. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077?query#5842911> (дата обращения: 25.03.2022).
4. Саидов А. Обеспечение прав человека в условиях борьбы с терроризмом. URL: https://parliament.gov.uz/ru/events/opinion/37278/?sphrase_id=7971397 (дата обращения: 25.03.2022).

Korolev Gennady

Public Relations and Security Committee
of the Barnaul City Administration

Королев Геннадий Васильевич

Председатель комитета общественных связей
и безопасности администрации г. Барнаула

Frizen Petr

Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Public Chamber of Barnaul

Фризен Петр Дмитриевич

Профессор кафедры теории и истории права и государства,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель председателя Общественной палаты г. Барнаула,
член Алтайского регионального отделения общероссийской
общественной организации «Ассоциация юристов России»

О ДЕЙСТВИЯХ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ УРОВНЕЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ

ABOUT ACTIONS OF MUNICIPALITIES IN ESTABLISHING TERRORIST RISK LEVELS

В условиях проведения специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины вопросы обеспечения внутри самой России приобретают особую актуальность. Одним из индикаторов, свидетельствующих о попытках неких сил внести раскол в духовное единение российского сообщества, посеять недоверие и элементы страха, являются участвовавшие случаи ложных сообщений о минировании важных объектов, в т.ч. в Барнауле. Одновременно мы обязаны расценивать это и как попытки усыпить бдительность. Иными словами, опасность может быть совсем рядом.

Согласно докладу председателя Национального антитеррористического комитета Александра Бортникова, в прошлом году силами спецслужб Российской Федерации было раскрыто 61 преступление террористической направленности.

Антитеррористическая деятельность муниципалитета многосторонняя – это пропагандистская, организационно-плановая, материально-техническая и организационная сферы, в которую входит специальная подготовка персонала.

Муниципальные служащие Барнаула должны знать Инструкцию по первоочередным действиям при поступлении сигнала о террористической угрозе, утвержденную постановлением администрации города от 05.06.2019 № 913. Её взяли за основу все муниципалитеты края. В системе самоподготовки рекомендуем вернуться к ней.

В общих чертах мы понимаем, что гипотетически опасность существует всегда, теперь разберемся, каковы должны быть действия при ее проявлении.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» устанавливает, что в целях своевременного информирования населения о возникновении угрозы террористического акта (ТА) и организации деятельности по противодействию его совершению могут устанавливаться **уровни** террористической опасности.

Указом Президента Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 851 предусмотрена возможность установления следующих уровней:

1. Повышенный («синий») – при наличии требующей подтверждения информации о реальной возможности совершения террористического акта;

2. Высокий («желтый») – при наличии подтвержденной информации о реальной возможности совершения террористического акта;

3. Критический («красный») – при наличии информации о совершенном террористическом акте либо о совершении действий, создающих непосредственную угрозу террористического акта.

Решение об установлении, изменении или отмене «синего» и «желтого» уровней принимает председатель антитеррористической комиссии (далее – АТК) региона – губернатор АК по согласованию с руководителем УФСБ России по АК. Об этом руководитель региона незамедлительно информирует председателя Национального антитеррористического комитета (далее – НАК).

Решение об установлении, изменении или отмене «красного» уровня с определением территории, границ и мер реагирования на основании представления председателя АТК региона принимает председатель НАК.

Кроме того, при наличии соответствующей информации председатель НАК и без получения представления региона может принять решение об установлении любого из уровней. Надо понимать, что «желтый» уровень может устанавливаться сразу без установления «синего», а «красный» – экстренно, без предварительного установления «синего» и «желтого», – всё зависит от характера информации и фактических обстоятельств.

На уровне муниципалитета также существует антитеррористическая комиссия, которой руководит глава города Барнаула В.Г. Франк, в её состав входят заместители главы администрации города, главы администраций районов и ряд руководителей структурных подразделений.

Постановлением администрации города Барнаула от 29 мая 2019 г. № 851 заранее утвержден и доведен до исполнителей план действий АТК города при установлении уровней террористической опасности на территории (объектах) муниципального образования.

Указанный ниже алгоритм является своеобразной теоретической тренировкой по реализации названного плана действий, поскольку муниципальные служащие, как и сотрудники правоохранительных органов, должны быть подготовленными к действиям в случае наступления террористических угроз, владеть необходимыми знаниями и навыками первоочередных действий.

ОБЪЯВЛЕН «СИНИЙ» (ПОВЫШЕННЫЙ) УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ (пошаговый алгоритм действий)

1. Глава города Барнаула или лицо, исполняющее его обязанности, уясняет полученное решение об объявлении уровня опасности и незамедлительно по телефону докладывает губернатору Алтайского края о сложившейся обстановке. Здесь важен фактор *своевременности прохождения информации* от дежурных служб и должностных лиц до главы города.

2. Глава города организует изучение поступившей информации об угрозе совершения террористического акта, постоянно взаимодействуя с руководством УМВД России и других правоохранительных органов. При этом доклады подчиненных главе города *должны быть оптимально краткими и достоверными, не содержать предположений и вымыслов.*

3. По команде главы города ЕДДС осуществляется *экстренный сбор* членов АТК для проведения внепланового заседания АТК города в кабинете № 427 здания по ул. Гоголя, 48 (контактный список хранится в конверте в приемной главы города и у диспетчера ЕДДС).

В зависимости от имеющейся информации на сбор также вызываются специалисты соответствующей отрасли (объекта). До собравшихся доводится информация об установлении «синего» уровня опасности, вводится в действие план АТК города при установлении уровней опасности, проводится дополнительный инструктаж представителей правоохранительных органов и персонала потенциальных объектов террористических посягательств о повышении бдительности и усилении охраны, пропускного режима. Одновременно *оформляется решение* внепланового заседания АТК города, которое доводится до исполнителей и организуется его исполнение.

4. Силами правоохранительных органов (УМВД, Росгвардии, линейного управления МВД) на данном этапе в общественных местах с массовым пребыванием граждан, на транспортных магистралях и вокзалах выставляются усиленные патрули, в т.ч. с привлечением специалистов кинологической службы. При этом учитываются массовые культурные, спортивные и политические мероприятия текущего дня, может быть принято решение об их приостановке.

5. По команде главы города ЕДДС комитет информационной политики совместно с полицией осуществляют *оповещение* населения об установлении *повышенного* уровня

террористической опасности, действиях граждан и правилах поведения в условиях угрозы совершения ТА (типовой текст объявления хранится в конверте у диспетчера ЕДДС).

6. По команде главы города диспетчеры ЕДДС и иные сотрудники МКУ «Управление по делам ГОЧС г. Барнаула» информируют о террористической угрозе руководителей потенциально опасных объектов, расположенных на территории города Барнаула.

7. Проводятся проверки и осмотры объектов инфраструктуры, теплопроводов, газопроводов, энергетических систем на предмет выявления закладок ВУ.

8. По команде главы города МКУ «Управление по делам ГОЧС г. Барнаула» производит *уточнение расчетов сил и средств групп, предназначенных для ликвидации последствий ТА, их готовности к выполнению поставленных задач.*

ОБЪЯВЛЕН «ЖЁЛТЫЙ» (ВЫСОКИЙ) УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ

1. В этом случае глава города Барнаула или лицо, исполняющее его обязанности, *также вначале уясняет* полученное решение об объявлении уровня опасности и незамедлительно по телефону докладывает губернатору Алтайского края о сложившейся обстановке.

2. Следующими этапами должны быть меры, *принимаемые при установлении повышенного («синего») уровня опасности, если они не были выполнены до этого (изучение информации, сбор АТК, вызов специалистов, усиление бдительности и охраны, дополнительные патрули полиции, оповещение населения, информирование руководителей объектов, проверки объектов жизнеобеспечения, уточнение расчетов сил и средств).*

3. Затем следует этап *контроля УМВД* за соблюдением гражданами, а также должностными лицами порядка регистрации (прописки) граждан РФ и иностранцами – режима пребывания и регистрации, транзитного проезда.

4. МКУ «Управление по делам ГОЧС г. Барнаула» переводит силы и средства, предназначенные для ликвидации последствий ТА и эвакуации населения, *в режим повышенной готовности.* Уточняются расчеты технических средств и специального оборудования для проведения спасательных работ.

5. Эвакуационная комиссия *уточняет расчеты по эвакуации, размещению и жизнеобеспечению населения из возможных районов контртеррористической операции (КТО), выбор подготовленных пунктов временного размещения людей (ПВР).*

6. МКУ «Управление по делам ГОЧС г. Барнаула», линейное управление МВД, руководители организаций *проводят проверки потенциальных объектов террористических посягательств, отрабатывают действия персонала по минимизации последствий ТА, усилению пропускного режима.*

7. МКУ «Управление по делам ГОЧС г. Барнаула» во взаимодействии с Минздравом Алтайского края принимает меры по *переводу медицинских учреждений в режим повышенной готовности, оценивает их возможности по оказанию помощи возможным жертвам ТА.*

ОБЪЯВЛЕН «КРАСНЫЙ» (КРИТИЧЕСКИЙ) УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ

1. Глава города по докладам служб незамедлительно уясняет характер совершаемого (совершенного) ТА, оценивает возможные последствия развития ситуации, докладывает о сложившейся обстановке губернатору Алтайского края. *Быстроту, четкость, умение предвидеть главные опасности* должны проявить в этот момент подчиненные, от которых информация стечётся к главе города.

2. Так же, как при «синем» и «желтом» уровнях, выполняются организационные мероприятия, если они не были выполнены до этого.

3. Руководители объектов, полиция усиливают *охрану объектов террористических посягательств* (в соответствии с перечнем потенциальных объектов посягательств и мест с массовым пребыванием).

4. Глава города незамедлительно *проводит заседание АТК* по обеспечению безопасности в городе, *переводит всех членов АТК на особый режим работы,* ставятся задачи исходя из обстановки.

5. Начальник УМВД – *в условиях ТА он же руководитель ОГ* – немедленно приводит в *состояние готовности группировки сил и средств* для проведения специальных мероприятий, ликвидации последствий ТА, эвакуации населения, развертывания ПВР.

6. МКУ «Управление по делам ГОЧС г. Барнаула» оказывает содействие в размещении эвакуируемого населения в ПВР, его регистрации, питании, медобслуживании и другом обеспечении.

7. МКУ «Управление по делам ГОЧС г. Барнаула» совместно с комитетом информационной политики и по согласованию с пресс-службой УФСБ осуществляет *информирование населения о складывающейся обстановке, возникающих угрозах и аварийно-спасательных работах в районе совершения ТА.*

8. МКУ «Управление по делам ГОЧС г. Барнаула» вплоть до отмены уровня опасности организует:

- совместно с комитетом по образованию – *ограничение занятий*;

- совместно с руководителями организаций – *ограничение режима их работы*;

- совместно с комитетом ЖКХ – *материально-техническое обеспечение аварийно-спасательных работ*.

9. По завершении КТО происходят следующие действия:

- заместитель главы по социальной политике организует *уточнение списков пострадавших*, оказание мер социальной поддержки пострадавшему населению;

- другие заместители главы города и главы администраций районов уточняют *объемы оказания помощи* пострадавшему населению, возмещения вреда пострадавшим, раненым, семьям погибших, ущерба объектам;

- МКУ «Управление по делам ГОЧС г. Барнаула» и комитет информационной политики по согласованию с пресс-службой УФСБ незамедлительно *информируют население об отмене уровня террористической опасности*.

В завершение несколько тезисов о личной антитеррористической защищенности:

Обращайте внимание на подозрительных людей и предметы.

Не берите от незнакомцев пакеты и сумки.

Не вступайте в подозрительные организации.

Избегайте больших скоплений людей, не присоединяйтесь к толпе, как бы ни хотелось посмотреть на происходящие события.

Случайно узнав о готовящемся ТА, немедленно сообщите об этом в правоохранительные органы.

Получив сообщение об эвакуации, возьмите с собой документы, деньги и ценности, закройте квартиру от возможных мародеров.

При взрыве или стрельбе нужно немедленно падать на землю, лучше под прикрытие бордюра, авто, и накрыть голову руками.

В случае взрыва в помещении не пользуйтесь лифтом.

При задымлении органы дыхания нужно защитить смоченным носовым платком (тканью, полотенцем).

Старайтесь не поддаваться панике, паникующий человек делает ошибки, которые могут стоить жизни.

Если попадете в заложники, не ведите себя вызывающе, смиренно переносите лишения и оскорбления, не опускайтесь до истерик и не пытайтесь совершить подвиг – ваш главный подвиг будет сохранить свою жизнь.

Не смотрите в глаза преступникам – эта «дуэль» может вызвать вспышку гнева у противника и закончиться для вас печально.

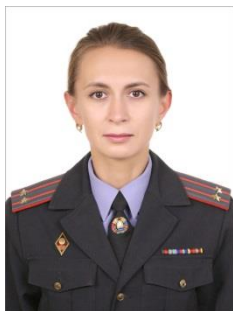
Лучше запомните приметы и черты преступников, имена, клички, если они прозвучат.

Если случится быть раненым в заложниках – не двигайтесь, этим вы сократите потерю крови.

При активизации сил безопасности не проявляйте любопытства, не делайте резких движений.

Увидев сотрудников безопасности, не кидайтесь к ним в объятия, вас могут принять за преступников, а погибать от рук своих – вдвойне драматично.

В трудную минуту помните, что есть российские спецслужбы, которые обязательно придут на помощь.

Кузьменкова Светлана Валерьевна
Доцент кафедры информационного права
факультета криминальной милиции,
кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Беларусь

Kuzmenkova Svetlana

Candidate of Juridical Sciences

The Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

Артюх Екатерина Андреевна
Курсант уголовно-исполнительного факультета
Академия МВД Республики Беларусь

Artyukh Ekaterina

The Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРЕСЕЧЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОТКРЫТОГО ТИПА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

PREVENTION AND SUPPRESSION OF EXTREMIST ACTIVITY DURING THE EXECUTION OF PUNISHMENT IN OPEN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Проблемы, касающиеся экстремистской деятельности, с каждым днем приобретают все большую актуальность как в Республике Беларусь, так и в зарубежных странах. В настоящее время экстремистская деятельность создает реальную угрозу жизнедеятельности государства, посягает на конституционные права и свободы граждан, общественную безопасность.

По своей сущности, экстремизм – это приверженность к крайним взглядам. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О противодействии экстремизму», под экстремизмом (экстремистской деятельностью) понимается деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства либо политических партий, других общественных объединений, религиозных и иных организаций по планированию, организации, подготовке и соверше-

нию действий, направленных на: насильственное изменение конституционного строя и (или) территориальной целостности Республики Беларусь; захват или удержание государственной власти неконституционным путем; создание организации для осуществления экстремистской деятельности, экстремистской организации, экстремистской группы; создание незаконного вооруженного формирования; осуществление террористической деятельности; разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни; организацию и осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по

признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; пропаганду и публичное демонстрирование, изготовление и распространение нацистской символики или атрибутики; распространение экстремистских материалов, а равно на изготовление, издание, хранение или перевозку в целях распространения таких материалов, и других указанных в Законе действий [3].

На сегодняшний день четко прослеживается динамика развития экстремистской деятельности: переход от хулиганских проявлений к массовым противоправным акциям. Как правило, вовлечению в рассматриваемый вид деятельности в большей степени подвержено молодое поколение в возрасте от 14 лет до 31 года.

Необходимо отметить, что вместе с развитием и повсеместным распространением экстремизма на территории Республики Беларусь расширяется и усиливается противодействие данному виду деятельности. На наш взгляд, можно выделить два основных направления борьбы с экстремизмом – предупреждение и пресечение. Предупреждение предусматривает применение мер воспитательного и пропагандистского характера. Пресечение, в свою очередь, направлено на привлечение лица, совершившего проступок, к ответственности.

Законодательство Республики Беларусь за последний год претерпело существенные изменения в вопросе привлечения к ответственности лиц, участвующих (прямо или косвенно) в экстремистской деятельности. Так, например, были внесены изменения в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) [5], Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь (далее – УИК) [4], Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [1], Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» [3].

Сравнив и проанализировав отдельные редакции указанных выше нормативных правовых актов, можно говорить о том, что на сегодняшний день перечень субъектов противодействия экстремизму значительно шире; в новой редакции

КоАП Республики Беларусь появились новые составы административных правонарушений, ужесточилась ответственность за ряд действий из «оппозиционных» статей; действующий в настоящее время УК Республики Беларусь предусматривает ответственность за оскорбление не только представителя власти, но и его близких, а также за распространение ложных сведений о Республике Беларусь; также уголовную ответственность теперь влечет не только создание экстремистского формирования, но и участие в нем.

На наш взгляд, при противодействии экстремизму также следует уделить большое внимание лицам, отбывающим наказание за рассматриваемый вид преступления в исправительных учреждениях открытого типа (далее – ИУОТ). Для этого предлагаем проанализировать основные нормативные правовые акты, регламентирующие исполнение и отбывание наказания: УИК Республики Беларусь [4], Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений открытого типа (далее – ПВР ИУОТ) [2].

Так, анализ ПВР ИУОТ показал, что перечень запрещенных предметов, закрепленный в приложении 1 к ПВР ИУОТ, представлен не в полной мере. Например, п. 12 приложения 1 запрещает приобретать, хранить и использовать порнографические материалы, печатные издания, содержащих пропаганду войны, насилия, жестокости и геноцида. Принимая во внимание ситуацию, складывающуюся в Республике Беларусь на сегодняшний день, считаем целесообразным дополнить приложение 1 к ПВР ИУОТ пунктом 13, имеющим следующее содержание: «материалы, содержащие незарегистрированную экстремистскую символику, а также материалы, носящие провокационный характер, пропагандирующие войну, насилие, жестокость и геноцид».

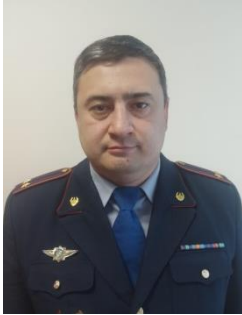
Также считаем необходимым усилить воспитательную работу, проводимую с данной категорией осужденных, – увеличить количество воспитательных мероприятий, затрагивающих тему противодействия экстремистской деятельности.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс – Беларусь».
2. Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений открытого типа [Электронный ресурс]: постановление МВД Республики Беларусь от 13 января 2017 г. № 15 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь.
3. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс]: закон Республики Беларусь 4 января 2007 г. № 203-З: в ред. Закона Республики Беларусь от 14.05.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс – Беларусь».

4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь 11 января 2000 г. № 365-З: с изм. и доп. от 26 мая 2021 г. № 112-З [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс – Беларусь».

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь 9 июля 1999 г. № 275-З [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс – Беларусь».

Мухитдинов Азиз Ахматжанович

Докторант 1 курса факультета
послевузовского образования (Факультет № 3)
Алматинская академия МВД Республики Казахстан
имени Макана Есбулатова

Mukhitdinov Aziz

Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan named after Makan Yesbulatov

**ПРИНИМАЕМЫЕ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ ЛИЦ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО
ХАРАКТЕРА В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**PREVENTIVE MEASURES TAKEN AMONG PERSONS CONVINCED FOR CRIMES
OF EXTREMISM AND TERRORISM IN THE INSTITUTIONS
OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

После прошедших в Казахстане всем известных январских событий, 11 января 2022 г. президент Касым-Жомарт Токаев, выступая на заседании Мажилиса парламента Республики Казахстан, отметил, что необходимо «реализовать комплекс системных мер по противодействию религиозному экстремизму. Ни в коем случае не допустить его сращивания с криминалом, особенно в учреждениях уголовно-исполнительной системы» [1].

Из полученных источников Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан,

на сегодняшний день в местах лишения свободы более 800 человек по приговору суда отбывают наказание по статьям экстремизма и терроризма. В Республике Казахстан растёт количество осуждённых по статьям, связанным с экстремизмом. В уголовном законодательстве Казахстана содержится ряд статей, в которых определены составы преступлений за экстремизм и терроризм, а также ст. 174, которая предусматривает ответственность за «разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни» [7].

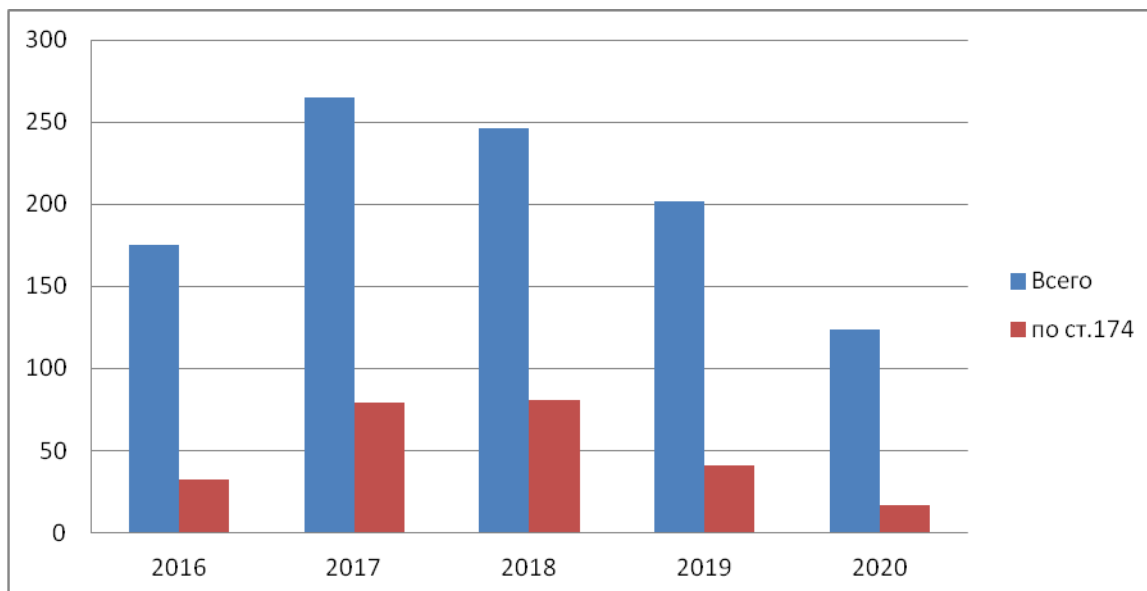

Рис. 1. Количество осуждённых за преступления, связанные с терроризмом и экстремизмом [5].

Эти показатели свидетельствуют о необходимости проведения комплекса профилактических мер по противодействию экстремизму как среди осужденных за экстремистские преступления с целью выявления угроз, исходящих от субъектов, склонных к осуществлению, приготовлению и совершению преступлений этой категории, так и в отношении остальных осужденных, подверженных влиянию заключенных за экстремистские преступления.

Современная реальность диктует все больше задач для отечественной пенитенциарной системы, одной из которых является динамика значительного увеличения числа лиц, осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность, которые по приговору суда отбывают наказания в местах заключения. Эти осужденные лица не просто отбывают свои сроки в местах лишения свободы, некоторые из них пытаются распространять экстремистскую идеологию там, вербуя все больше и больше приверженцев [10, с. 321].

В марте 2018 г. постановлением Правительства Республики Казахстан была утверждена пятилетняя Государственная программа на 2018-2022 гг., которая включает в себя совершенствование мер профилактики религиозного экстремизма и терроризма, направленных на формирование в обществе нулевой терпимости к радикальным проявлениям и иммунитета к радикальной идеологии, в т.ч. и в среде осужденных лиц, которая будет достигаться путем:

- совершенствования деятельности подразделений по организации теологической реабилитационной работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы и организации с осужденными лицами, содержащимися в учреждениях уголовно-исполнительной системы, информаци-

онно-разъяснительной, в т.ч. с привлечением религиозных объединений, направленной на формирование иммунитета к радикальной идеологии;

- организации и проведения целевых оперативно-розыскных и профилактических мероприятий в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

- обеспечения функционирования единой республиканской «Горячей линии – 114» по оказанию населению консультативной помощи в сфере религиозных отношений, центра социальной реабилитации и адаптации лиц, пострадавших от радикальной идеологии, а также создания в регионах его представительств для работы с осужденными лицами и их близким окружением;

- формирования криминалистических учетов осужденных лиц (дактилоскопический, генетический и фотоучеты) [3];

В системе уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) в структуре служб воспитательной работы среди осужденных созданы специализированные группы по организации теологической реабилитационной работы среди осужденных, сформированные из числа психологов и специалистов-теологов [4].

Основной функцией данного подразделения является проведение индивидуального, системного идеологического и контрпропагандистского воздействия на радикально настроенных осужденных с целью их переориентации на умеренные религиозные позиции.

МВД совместно с заинтересованными государственными органами на постоянной основе проводится системная работа, направленная на разъяснение осужденным и следственно-арестованным традиционных религиозных уче-

ний и социальной опасности экстремистских и террористических идей [2, с. 87].

В целом, проводимая профилактическая и воспитательная работа в совокупности с режимными мероприятиями позволили исключить формирование радикальных групп осужденных в пенитенциарной системе и минимизировать возможности пропаганды радикальной идеологии.

Для более эффективной работы в процессе превентивной политики экстремизма среди осужденных в местах лишения свободы огромную роль играет подготовка оперативно-режимных служб исправительных учреждений (далее – ИУ).

«Индивидуально-профилактические мероприятия сотрудников оперативных служб осуществляются путем организации и проведения действий по выявлению, учету осужденных, подлежащих индивидуальному воздействию, и разработки реализации индивидуально-воспитательных, лечебных, оперативно-розыскных, уголовно-правовых мер в отношении подучетных лиц в целях склонения их от отказа от совершения преступления, реабилитации и дальнейшей ресоциализации» [9, с. 2].

Данные мероприятия должны сочетаться с определенными мерами по обезвреживанию преступного влияния со стороны их окружения и криминальных связей извне.

Необходимо отметить, что оперативная работа в ИУ имеет определенную специфику, которая основана на организационных и правовых ограничениях при привлечении к негласному сотрудничеству заключенных лиц, частой сменяемости субъектов, ограничивающей возможности обучения определенной работы, что в итоге влияет на качество поступающей информации. Как правило, оперативно-розыскные мероприятия проводятся конфиденциально, но с использованием гласных методик.

В работе с лицами, отбывающими наказание за экстремистские и террористические преступления, следует, в первую очередь, проводить оперативно-розыскные мероприятия как гласного, так и негласного характера.

Все осуществляемые оперативно-розыскные мероприятия сотрудников УИС должны быть нацелены на извлечение нижеуказанной информации:

- о лицах, которые не причастны к совершенным преступлениям, однако содействуют его осуществлению;

- лиц, имеющих умысел, планирующих и подготавливающих экстремистские и террористические преступления;

- лиц, которые были осуждены за схожие преступления;

- лицах, проявляющих интерес к запрещенной литературе и другим незаконным источникам.

Обязательно необходимо собрать и проанализировать информацию, полученную из разных источников, – от родных, знакомых и друзей осужденного лица, это могут быть письма, личная переписка, телефонные разговоры и т.д.

С целью проведения продуктивной профилактики нужно также:

- использовать определенных субъектов, которые в процессе осуществляемых профилактических мер отказались от своей экстремистской идеологии;

- организовать работу с лицами, отбывающими наказание, которые являются «авторитетами» (уважаемыми лицами), с целью оказания влияния на осужденных лиц через них и близких родственников;

- задействовать подготовленных к данной работе религиоведов и теологов;

Оперативный сотрудник должен обладать хотя бы базовыми знаниями в области религиоведения (*знать нетрадиционные религиозные течения, запрещенные религиозные организации, а также знать основы ислама, суры из Корана и хадисы Пророка*).

Также полагаем, что необходимо иметь знания в области психологии. Сотрудникам уголовно-исполнительной системы необходимо строить индивидуальную работу с осужденным за преступления, связанные с терроризмом и экстремизмом, в зависимости от специфики проявлений терроризма и самого субъекта, а также использовать как гласные, так и негласные методы работы для выяснения истинной реакции объекта на затрагиваемые вопросы.

В соответствии с п. 1 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан основными средствами исправления осужденных являются:

- 1) режим отбывания наказания;
- 2) воспитательное воздействие;
- 3) поддержание позитивных социальных связей;
- 4) общественно полезный труд;
- 5) получение начального, основного среднего, общего среднего, технического и профессионального образования;
- 6) общественное воздействие [6].

В качестве основного средства исправления осужденных, указанных в данной статье, следует уделить внимание образованию и поддержанию позитивных социально-общественных связей для лиц, отбывающих наказание за преступления экстремистской и террористической направленности. Повышение образования всех категорий осужденных (педагогического, психологического,

религиозного) в местах лишения свободы позволяет создать определенные ценности и полезные навыки. Для нейтрализации отрицательной микросреды, которая воздействует на осужденного, необходимо повышать нравственно-правовое воспитание и интеллектуальный уровень субъекта, который создает благоприятную атмосферу. На основе этого с осужденными должна проводиться работа по развитию критического мышления. Это не значит, что нужно критиковать, но нужно искать ошибки в словах лидеров деструктивных или экстремистских групп.

В настоящее время имеется ряд актуальных проблем, которые рекомендуется решить:

1. Организовывать курсы повышения квалификации сотрудников УИС, а также психологов и теологов с целью проведения ими в дальнейшем диагностических мероприятий, направленных на выявление психологических и религиозных взглядов осужденных лиц по экстремистским и террористическим статьям.

2. Необходимо на постоянной основе организовывать научные мероприятия (конференции, семинарские совещания и круглые столы) между участниками рабочих групп по противодействию экстремизму и терроризму.

3. Улучшать и совершенствовать систему контроля по исполнению комплексных планов и программ по противодействию идеологии экстремизма и терроризма. При этом особое внимание необходимо уделить положениям государственной программы Республики Казахстан по противодействию экстремизму и терроризму на 2018-2022 гг.

4. Отработать вопрос по организации работы с авторитетами и старшинами экстремистских и радикальных религиозных общин, которые признают неверность своих взглядов.

5. Рассмотреть вопрос использования на практике содержания осужденных экстремистов по прогрессивной системе отбывания наказания. Провести анализ: условия содержания осужденных экстремистов улучшаются или ухудшаются в зависимости от их поведения, отношения к отбываемому наказанию и дерадикализации. Наиболее эффективной, на наш взгляд, является ирландская прогрессивная система, которая характеризуется наличием «переходных тюрем» с полусвободным режимом. Данная система предусматривает определенные стадии на пути движения осужденного к освобождению, определенный постепенитенциарный контроль. Рассматриваемые «переходные тюрьмы» представляют собой своеобразный «фильтр между тюрьмой и обществом». Практика применения этой системы исполнения заключения уже подтвердила свою эффективность [8, с. 67].

Резюмируя все вышеизложенное, можно указать, что сотрудниками ОВД, совместно с другими государственными органами и общественными организациями при правильном и продуктивном подходе по проведению специальной и индивидуальной профилактической работы по нейтрализации распространения радикальных экстремистских идей в условиях исполнения наказания будут способствовать исправлению личности осужденного и уменьшению численности экстремистов в учреждениях УИС.

Литература

1. Выступление главы государства К.К. Токаева на заседании мажилиса парламента Республики Казахстан. Уроки «Трагического января»: Единство общества – гарантия независимости. 11 января 2022 г. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-zasedanii-mazhilisa-parlamenta-respubliki-kazahstan-1104414> (дата обращения: 15.03.2022).

2. Мухитдинов А.А. Организация профилактики религиозного экстремизма органами внутренних дел. Магистерский проект. Алматы: Алматинская академия МВД Республики Казахстан, 2020. 162 с.

3. Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 гг. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124> (дата обращения: 15.03.2022).

4. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 31 января 2017 г. «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность». URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvarya-2017-g (дата обращения: 15.03.2022).

5. Статистические отчеты Комитета по правовой статистике и специальному учету Генеральной прокуратуры РК. URL: <https://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat> (дата обращения: 15.03.2022).

6. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-VЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 15.03.2022).

7. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-VЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 15.03.2022).

8. Усманов И., Зиннуров Ф. «Зеленая» зона: реальность или провокация (практика противодействия радикализации осужденных в местах лишения свободы в Республике Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1 (35). С. 62-69.

9. Юзупчук В.И. Особенности профилактической работы среди осужденных за преступления террористического и экстремистского характера // Профилактика распространения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России: мат-лы междунар. науч.-практ. конф-ции. М., 2014. С. 1-6.

10. Kazberov P.N. Approbation of the psycho-correction program of work with convicted terrorists. 2020 published by european publisher. P. 320-327. URL: https://www.researchgate.net/publication/343890375_Approbation_Of_The_Psycho-Correction_Program_Of_Work_With_Convicted_Terrorists (дата обращения: 15.03.2022).

Поликарпов Иван Алексеевич

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат исторических наук
Академия управления МВД России

Polikarpov Ivan

Candidate of Historical Sciences

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

СЕПАРАТИЗМ КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

SEPARATISM AS A CHALLENGE TO MODERN CIVILIZATION: A HISTORICAL ASPECT

В современном политическом векторе мирового сообщества вопросы сепаратизма, национализма, экстремизма, терроризма, проблемы национальных меньшинств становятся все более актуальными. Сегодня в мире насчитывается около двухсот признанных государств (под признанными государствами подразумеваются государства, являющиеся членами Организации Объединенных Наций и признанные большинством мировых государств) [5], из которых менее пятой части являются этнически однородными. После окончания Второй мировой войны в 1945 г. мир был разделен государствами-победителями. В некоторых случаях границы устанавливались без учета особенности местности, где проживали национальные меньшинства. В результате часть того или иного народа должна была жить в одном государстве с другим народом. Не всегда такое совместное проживание было мирным.

Исследователи выделяют три основных этапа этнических конфликтов [4, с. 86-92]. Первый этап начался после окончания Первой мировой войны и распада колониальных государств, в т.ч. Авст-

ро-Венгерской и Османской империй, на территории которых появились новые государства. Вторым этапом наступил после Второй мировой войны, складывания биполярной мировой системы. Третий этап связан с развалом СССР и началом глобального изменения политического климата.

На третьем этапе происходит построение архитектуры мировой безопасности, благодаря которой каждое государство и каждый народ решает, какую роль они будут играть в будущем. Эти решения оказывают значительное влияние на стабильность любого государства, т.к. этнические меньшинства, как правило, имеют различные мнения о приоритетах внешнеполитического курса. В качестве примера можно привести Каталонию, которая не оставляет надежду на отделение от Испании, обвиняя последнюю в препятствовании развитию региона.

Проблема национальной идентичности становится неотъемлемой частью процесса формирования границ в XXI в. Поэтому большинство государств могут столкнуться с проблемами национального движения в связи с активизацией

этнических меньшинств. А национализм выступает катализатором сепаратизма, который является движущей силой таких процессов. Сепаратистские движения подпитываются фактом национальной идентичности, поэтому мнения экспертов о том, что в эпоху глобализации исчезнут государственные границы, а проблемы национализма останутся в прошлом, сегодня являются несостоятельными. Национализм вновь становится определяющим элементом политических процессов, происходящих в том или ином регионе планеты. В Европе радикализация политической системы связана с миграционным кризисом, который ЕС решить не в состоянии. Результатом явилось такое событие, как Brexit, – выход Великобритании как одного из основополагающих государств Европы из Евросоюза. Потенциальными государствами на выход из ЕС являются Венгрия, Греция, Нидерланды, Польша, Франция.

Сепаратизм также можно рассматривать как определенную форму политической оппозиции, предметом которой является этническая единица, составляющая меньшинство населения. Сепаратистское движение может начаться при двух условиях: дискриминация этнического меньшинства и наличие активной национальной политической элиты. Одной из форм дискриминации является культурная дискриминация. Ее суть состоит в том, что культура титульной нации представляется как современная, перспективная, динамично развивающаяся, а культура этнического меньшинства является примитивной, устаревшей.

Основной причиной сепаратистских движений исследователи называют экономический дисбаланс и разные политические взгляды элит [1]. Анализ национальных движений в XX в. показывает, что неудовлетворенность экономическим положением является первой причиной, по которой регионы с этническим меньшинством начинают бунтовать. Второй причиной является слабость, неэффективность центрального правительства, его невозможность обеспечить социальную политику внутри государства. Также

необходимо подчеркнуть, что нестабильная международная атмосфера и негативная геополитическая ситуация в регионе создают определенную угрозу появления сепаратистских движений [3].

Вместе с тем ряд исследователей рассматривают сепаратизм не только как сугубо отрицательное явление, но и находят в нем положительные моменты. Помимо фактического разрушения государства, сепаратистские движения приводят к образованию новых государств, которые в отдельных случаях могут быть более успешными и развитыми. Например, распад Чехословакии привел к образованию демократическим путем двух европейских государств – Словакии и Чехии. Противоположную ситуацию можно наблюдать в Сирийской Арабской Республике. Гражданская война началась в Сирии в 2011 г., после начала так называемой «арабской весны» – серии антиправительственных протестов, восстаний и вооруженных мятежей, охвативших большую часть арабского мира. В результате этноконфессиональный конфликт, в который были вовлечены в т.ч. и основные мировые геополитические игроки, продолжается уже более десяти лет. Более того, сегодня идет реализация идеи создания нового халифата на территории Афганистана и сопредельных стран Центральной Азии [2, с. 140], что еще больше обострит ситуацию на Ближнем Востоке.

Сепаратистские движения могут иметь затяжной характер, перерастать в гражданские войны, что в результате приводит, как правило, к гуманитарным катастрофам. В большинстве случаев сепаратизм как этнический феномен – достаточно сложное и многоаспектное явление. С учетом особенностей сепаратистских конфликтов сегодня, к сожалению, нет единого решения для каждого случая, а в условиях перестроения современного мира в многополярную систему международных отношений сепаратистские конфликты будут возникать чаще и степень таких конфликтов становится все более серьезной, являясь прямой угрозой современной цивилизации.

Литература

1. Излученко Т.В., Гергилев Д.Н. Сепаратизм как разновидность экстремизма: социально-философский анализ // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 30-37.
2. Моисеев С.В. «Вилаят хорасан» – территория «Исламского государства» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы 20-й междунар. науч.-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. Ч. 1. С. 139-140.
3. Рыбаков А.В., Квон Д.А. Сепаратизм: современные особенности и тенденции развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Вып. 1. С. 212-217.
4. Сербина А.А. Проблема определения статуса непризнанных государств // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. № 4. М., 2010. С. 86-92.
5. Сквозников А.Н. Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2 (10). С. 3-12.

Раджабова Мавжуда Абдуллаевна

Доктор юридических наук,
профессор Академии МВД Республики Узбекистан

Rajabova Mavjuda

Doctor of Law,

Professor of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan

ЭКСТРЕМИЗМ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

EXTREMISM AND CRIMINAL LIABILITY

Статья 1 Конституции Республики Узбекистан гласит: «Узбекистан – суверенная демократическая республика» [1, с. 4]. В статье 17 Основного закона определено, что «Республика Узбекистан является полноправным субъектом международных отношений. Его внешняя политика основана на суверенном равенстве государств, неприменении силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирном урегулировании споров, невмешательстве во внутренние дела других государств и других общепризнанных правилах и нормах международного права» [1, с. 8].

Примечательно, что государство Узбекистан определило приоритетные направления своей внешней и внутренней политики, которые регулируются законами и иными нормативно-правовыми актами на основе принципов правового демократического государства, т.е. социальной справедливости и верховенства закона.

Следует отметить, что борьба с преступностью является важным аспектом внешней и внутренней политики нашего государства, основанной на приоритете прав и свобод личности в отношениях «человек, общество и государство».

Исходя из темы сегодняшнего мероприятия, следует отметить, что в нашей стране в предупреждении преступлений или в борьбе с ними эффективно используются не только усилия правоохранительных органов, но и возможности населения и особенно каждой махалли (более 10 тысяч махаллей). Согласно статистике, в прошлом году в 2639 (28,3%) махаллях не было совершено ни одного преступления. Причина в том, что в течение года инспекторами профилактики во взаимодействии с

соответствующими структурами был проведен ряд мероприятий по профилактике правонарушений, и это дало положительные результаты. На наш взгляд, изучение опыта Узбекистана в этой сфере, несомненно, поможет российским ученым открыть для себя новые аспекты борьбы с преступностью.

Не секрет, что политика каждого государства в борьбе с преступностью очень многогранна, а ее реализация предполагает сложный практический процесс. В частности, транснациональная преступность (терроризм, торговля людьми, наркобизнес, незаконный оборот оружия, экстремистская деятельность и др.) требует одновременной мобилизации возможностей и сил несколькими государствами. В этой связи полагаем, что ведя борьбу со всеми формами и видами транснациональной преступности, в т.ч. с экстремизмом, Республика Узбекистан заинтересована в эффективном использовании современных, новых методов и приемов в сотрудничестве с дальними и ближними стратегическими партнерами или государствами-партнерами. Также считаем, что наша совместная с российскими криминалистами работа по разработке и внедрению научных достижений в области борьбы с преступностью, в т.ч. методических указаний по более эффективному использованию современных научно-технических средств, станет для нас залогом успеха.

Согласно нашим исследованиям и анализу научно-теоретических источников, занятие экстремистской деятельностью имеет давние исторические корни и является проблемой не прошлого века или настоящего времени.

В энциклопедической литературе утверждается, что «экстремизм означает

«оправдание крайних мер, приверженность к крайним взглядам и мерам»» [3, б. 651; 5, с. 787; 7, с. 781; 9, б. 442]. Согласно юридическим источникам, в основе любых действий экстремистских групп или преступных сообществ лежат преступные деяния против общественной безопасности с целью захвата власти, связанные с созданием конфликта в обществе, насильственным свержением власти. В Узбекистане, например, на протяжении последних двух десятилетий экстремистские силы под прикрытием религии стремились «создать халифат», утверждая, что мусульманские общины в стране утратили свой исламский характер и во многих случаях подражали Западу. Неустанно убеждают людей, в т.ч. молодежь, о необходимости полного установления в стране исламских правил [2, с. 7-34; 6, б. 394], активного применения любых преступных действий и «силы» для прихода к власти настоящих мусульман. Поэтому такие преступления по своему характеру признаются экстремистскими.

Не следует забывать, что религиозный экстремизм имеет широкое значение. Из исторических источников известно, что экстремисты присутствуют во всех религиях, таких как буддизм, христианство и других религиозных сектах, течениях.

Отдельно хотелось бы остановиться на правовом определении понятия экстремизм. В Законе Республики Узбекистан «О противодействии экстремизму» установлено, что «экстремизмом является выражение крайних форм действий, направленное на дестабилизацию общественно-политической обстановки, насильственное изменение конституционного строя Республики Узбекистан, насильственный захват власти и присвоение ее полномочий, возбуждение национальной, расовой, этнической или религиозной вражды».

Следует особо подчеркнуть термин «насилие» в законе. В целом, насилие составляет основу термина «экстремизм». Важное значение имеет принятие закона, выражающего волю народа о недопущении насилия, пропагандируемого экстремистами, особенно в предотвращении «джихада» под прикрытием религии, обеспечении того, чтобы светское государство боролось с различными радикальными силами для выполнения своей важнейшей задачи по сохранению общественной безопасности и мира.

Именно здесь мы можем внести ясность в вопрос, процитировав еще одну статью (ст. 7) Конституции Республики Узбекистан, в которой указано, что «присвоение полномочий государственной власти, приостановление или

прекращение деятельности органов власти в не предусмотренном Конституцией порядке, создание новых и параллельных структур власти являются антиконституционными и влекут ответственность по закону» [1, с. 6].

Эта статья Конституции как раз и является правовой основой для пресечения экстремистской деятельности. Закон «О противодействии экстремизму» [4] строго запрещает не только экстремистскую деятельность, но и финансирование экстремизма, изготовление, подготовку, хранение, распространение и демонстрацию экстремистских материалов в Узбекистане, а также создание экстремистских групп или организаций.

Когда речь идет о проблемах противодействия экстремизму, мы видим, что законы являются опорой и краеугольным камнем демократического правового государства. Отмечая широкий комплекс принимаемых и осуществляемых в Узбекистане мер по данному актуальному вопросу, в первую очередь, хотелось бы подчеркнуть, что имеется прочная правовая база и правовые механизмы по предупреждению экстремистской деятельности и привлечению к ответственности лиц, совершивших этот вид преступлений, в т.ч. и к уголовной ответственности.

Отрадно, что за последние пять лет реформы, связанные с реализацией уголовной политики Узбекистана, наполнились новым содержанием и поднялись на качественно новый уровень. Подтверждением этому является принятый в 2018 г. Закон Республики Узбекистан «О противодействии экстремизму» (далее – Закон), касающийся темы нынешнего обсуждения.

Этот закон структурно состоит из 5 глав и 24 статей.

Согласно закону, государственная политика в сфере борьбы с экстремизмом в Узбекистане проводится по трем направлениям:

первое направление – необходимость «реализации мер по предупреждению экстремизма, в том числе повышение правового сознания и правовой культуры населения, формирование в обществе нетерпимого отношения к экстремизму, а также устранение причин и условий, способствующих его проявлениям»;

второе направление – «своевременное выявление и пресечение правонарушений в области экстремизма, устранение их последствий, а также обеспечение принципа неотвратимости ответственности»;

третье направление – «международное сотрудничество в области противодействия экстремизму».

Этим законом запрещаются все виды экстремистской деятельности в Узбекистане. Признание организации экстремистской осуществляется по решению Верховного суда Республики Узбекистан. Решение доводится до общественности посредством объявления на официальных сайтах Министерства юстиции и Верховного суда (ст. 14). В 2019-2021 гг. постановлениями Верховного суда установлено, что количество террористических или экстремистских организаций, а также профилей, каналов, страниц и других ресурсов в социальных сетях, запрещенных в Узбекистане, составляет более пятидесяти видов.

Примечательно, что отдельная глава закона посвящена мерам по противодействию экстремизму. Ими являются: повышение правового сознания и правовой культуры населения; формирование в обществе нетерпимого отношения к экстремизму; вынесение официального предупреждения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности юридическим лицом; запрещение финансирования экстремизма; приостановление или признание организации экстремистской и прекращение деятельности юридического лица. Еще одна особенность закона в том, что в нем четко обозначены субъекты борьбы с экстремизмом. Служба государственной безопасности, Генеральная прокуратура, Министерство внутренних дел, Министерство юстиции и Государственный таможенный комитет выполняют государственные функции в борьбе с экстремизмом. Координация деятельности государственных структур в этой сфере возложена на Службу государственной безопасности.

В Законе также определено привлечение к ответственности физических и юридических лиц, занимающихся экстремистской деятельностью. Прежде всего, на каждое физическое лицо, т.е. на граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, распространяется принцип неотвратимости ответственности. Они подлежат всем видам юридической ответственности, в частности уголовной, в зависимости от характера совершаемых ими деяний (ст. 17 Закона, ст. 244¹-244³ Уголовного кодекса РУз).

Если говорить об ответственности юридических лиц, то они прекращаются на основании решения Верховного суда, поскольку они причастны к осуществлению экстремистской деятельности и признаны запрещенной организацией (ст. 18 Закона). Решение принимается на основании Гражданско-процессуального кодекса. Кстати, в настоящее время в Узбекистане к уголовной ответственности за экстремистскую деятельность

или совершение террористического акта привлекаются только физические лица. По вопросу об уголовной ответственности юридических лиц ведутся различные споры между учеными и практиками. Как говорится, правда рождается в спорах, и мы за то, чтобы в будущем найти юридическое решение вопроса. К сожалению, в настоящее время Уголовный кодекс Республики Узбекистан не содержит нормы об уголовной ответственности юридического лица.

Вкратце остановимся на содержании норм Уголовного кодекса Республики Узбекистан, касающихся уголовной ответственности физических лиц за экстремистскую деятельность.

Три вида «преступлений против общественной безопасности и общественного порядка» [8] в Особенной части Уголовного кодекса Республики Узбекистан предусматривают прямую уголовную ответственность за экстремистскую деятельность. В частности:

1) изготовление, хранение, распространение или демонстрация материалов, содержащих угрозу общественной безопасности и общественному порядку (ст. 244-1 УК РУз);

2) создание, руководство, участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях (ст. 244-2 УК РУз);

3) незаконное изготовление, хранение, ввоз или распространение материалов религиозного содержания (ст. 244-3 УК РУз).

Анализ санкций этих норм показывает, что каждая из них отличается по характеру и степени общественной опасности. Например, изготовление, хранение, распространение или демонстрация материалов, (ст. 244-1 УК) состоит из трех частей и относится к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности (ч. 1), менее тяжких (ч. 2) и тяжких (ч. 3); а создание, руководство, участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях (ст. 244-2 УК) относится к категории тяжких и особо тяжких преступлений. Наконец, незаконное изготовление, хранение, ввоз или распространение материалов религиозного содержания (ст. 244-3 УК) – преступления, не представляющие большой общественной опасности.

С точки зрения оснований уголовной ответственности, т.е. оценки с учетом объективных признаков состава преступления, родовым или специальным объектом этих преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и порядок, а непосредственным

объектом выступает свобода совести и вероисповедания (в отношениях, связанных с религиозным экстремизмом), состоящие из различных общественных отношений, связанных с их реализацией.

С объективной стороны, различные преступные деяния совершаются путем совершения ряда действий активного характера, таких как подготовка, хранение, распространение или демонстрация материалов. Совершение каждого действия, например, установление факта изготовления или хранения материалов, означает окончание преступления (ст. 244-1 и 244-3 УК) и признается преступлением с формальным составом.

С субъективной стороны, данные преступления совершаются умышленно, в большинстве случаев с прямым умыслом. То есть человек осознает, что его экстремистское деяние является общественно опасным, предвидит его последствия и желает их наступления. Для преступлений, предусмотренных ст. 244-1 и 244-3 УК, ещё одним обязательным признаком состава преступления является цель. Субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления 16-летнего возраста.

Создание, руководство, участие в запрещенных организациях (ст. 244-2 УК) с объективной стороны характеризуются тремя преступными деяниями: а) создание запрещенной организации; б) руководство ими; в) участие в них. Совершение любого одного из перечисленных преступных деяний, например, создание преступной организации, само по себе признается окончанным преступлением. Наступление каких-либо последствий не обязательно. Для более глубокого понимания этих уголовных правонарушений нам необходимо вспомнить институт соучастия в преступлении в Общей части Уголовного кодекса. Согласно статье 28 УК, соучастниками преступлений являются организаторы, подстрекатели и пособники, а формой соучастия является объединение в преступное сообщество для занятия экстремистской деятельностью. Из следственной практики известно, что экстремистские преступные сообщества представляют собой единую цепь, некоторые звенья которой действуют в Узбекистане. Примером тому является запрещенная в Узбекистане преступная организация «Хизб ут-тахрир». В то же время мы считаем, что подобные преступные сообщества многочисленны. В связи с этим возникает вопрос, может ли одно и то же лицо быть одновременно и организатором и руководителем запрещенной организации, а также исполнителем

преступления. Мы можем ответить на этот вопрос положительно. Исходя из обстоятельств уголовного дела, в зависимости от роли лица в совершении преступления можно привлечь его к уголовной ответственности как в качестве организатора, так и в качестве руководителя или исполнителя. Кстати, часть 3 ст. 28 Общей части Уголовного кодекса Республики Узбекистан гласит, что «организатором признается лицо, руководившее подготовкой или совершением преступления». Это означает, что организатор – это руководитель, а руководитель – это организатор.

В свою очередь, необходимо уяснить, что в данном контексте означает понятие «экстремистская деятельность». Анализ статьи 3 (основные понятия) Закона показывает, что к экстремистской деятельности относятся преступные деяния по нескольким статьям Особенной части Уголовного кодекса. В частности, посягательства на конституционный строй Республики Узбекистан (ст. 159 УК); возбуждение национальной, расовой, этнической или религиозной вражды (ст. 156 УК); создание преступного сообщества (ст. 242 УК); терроризм (ст. 155 УК); изготовление, хранение, распространение или демонстрация материалов, содержащих угрозу общественной безопасности и общественному порядку (ст. 244-1 УК); массовые беспорядки (ст. 244 УК) и др. На наш взгляд, согласно этому требованию закона преступные деяния, связанные с экстремистской деятельностью, требуют привлечения к уголовной ответственности по совокупности преступлений, содержащих признаки перечисленных статей, в зависимости от обстоятельств каждого дела. Таким образом, из судебной практики нам известно, что любое физическое лицо, участвующее в экстремистской организации, подлежит уголовной ответственности не только по ст. 244-1 УК, но также за совершение одного из вышеуказанных преступлений. Как известно, незнание законов никого не освобождает от ответственности.

Следует отметить, что часть 3 ст. 244-2 УК содержит поощрительную норму, согласно которой «лицо освобождается от ответственности за преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, если оно добровольно сообщило о существовании запрещенных организаций (на наш взгляд, имеется в виду добровольное обращение в правоохранительные органы) и способствовало раскрытию преступления».

Подводя итог, следует отметить, что анализ статей вышеназванного Закона и Уголовного кодекса указывает на необходимость восполнения законодательных пробелов,

связанных с противодействием экстремистской деятельности и с привлечением экстремиста к уголовной ответственности, а также целесообразность проведения ряда исследований,

обобщающих взгляды и выводы ученых. Особенно важно устранить недостатки международного сотрудничества в этой области.

Литература

1. Конституция Республики Узбекистан. Ташкент: Узбекистан, 2019.
2. Коровников А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Наука, 1990.
3. Маънавият – асосий тушунчалар изоҳли луғати. Ғафур Ғулом номидаги нашриёт, 2009.
4. О противодействии экстремизму: закон Республики Узбекистан // Национальная база данных законодательства. 31.07.2018, № 03/18/489/1593.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.
6. Ражабова М. Диний экстремизм ва терроризмга қарши кураш муаммолари. Ташкент: Ўзбекистон, 2003.
7. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык медиа, 2004.
8. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Ташкент: Yuridik adabiyotlar publish, 2021.
9. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Т. 1. Москва рус тили, 1981.

Сапрыкина Татьяна Павловна
Следователь следственного отдела
Алтайского ЛУ МВД России

Saprykina Tatiana

Investigation Department

Altai Linear Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia

УЯЗВИМОСТЬ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

TRANSPORT SECURITY VULNERABILITY ON THE EXAMPLE OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

Сегодня наша жизнь настолько динамична, что транспорт для большинства людей стал неотъемлемой частью. А для удачной поездки важен не только комфорт в салоне транспорта, но, в первую очередь, обеспечение транспортной безопасности.

Для понимания сущности понятия «транспортная безопасность» обратимся к его легализованному определению, закреплённое в ст. 1 Федерального закона РФ «О транспортной безопасности». Так, под транспортной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищённости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства [1]. Из данного определения следует, что целью транспортной безопасно-

сти является предупреждение и пресечение противоправных покушений на объекты транспорта. Указанная цель транспортной безопасности достигается путем решения следующих задач: постоянное совершенствование знаний и навыков сотрудников транспортной безопасности, использование результатов научно-технического прогресса (разработка нового оборудования, используемого для своевременного выявления противоправных покушений), совершенствование тактической и психологической подготовки сотрудников транспортной безопасности. Данные задачи помогут не только достигнуть указанной цели, но и постоянно повышать уровень безопасности объектов транспорта, а также в целом обеспечивать национальную безопасность.

Роль транспортного комплекса на современном этапе развития общества в целом безмерно высока. Являясь чуть ли не стержневым компонентом, транспорт активно влияет на состояние экономической, политической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. От обеспечения транспортной безопасности существенным образом зависит национальная безопасность Российской Федерации, и в ходе технического прогресса эта зависимость возрастает.

Стоит обратить внимание, что транспортная безопасность обеспечивается непосредственным взаимодействием сразу нескольких субъектов: в первую очередь, это сотрудники транспортной безопасности конкретного объекта транспорта (сотрудники АО «РЖД», сотрудники авиабезопасности того или иного аэропорта), сотрудники структурных подразделений полиции на транспорте, сотрудники ФСБ России, МЧС России. Именно при таком слаженном взаимодействии возможно недопущение противоправных покушений на объекты транспорта и своевременное предупреждение противоправных либо реализации намерений совершить подобные действия. При таком механизме обеспечения безопасности на объектах транспорта указанными субъектами возможно недопущение угроз транспортной безопасности. Стоит обратить внимание на то, что механизм транспортной безопасности направлен также на угрозы природного и техногенного характера.

Характеризуя угрозы обеспечения безопасности объектов транспорта, обратимся к примерам, с которыми столкнулись объекты транспорта Сибирского федерального округа:

1) террористические и диверсионные акции. Так, 25 ноября 2021 г. в помещении мужского туалета железнодорожного вокзала г. Барнаула были обнаружены и изъяты четыре гранаты: РГД-5, РГН, Ф-1 и массагбрит гранаты Ф-1. Все гранаты были без запала. В результате все граждане, находящиеся в здании железнодорожного вокзала г. Барнаула, были эвакуированы, пострадавших нет. Стоит обратить внимание, что на входе в железнодорожный вокзал имеется 2 контрольно-пропускных пункта, оснащенных рамками металлоискателей и интроскопами, также сотрудники транспортной безопасности железнодорожного вокзала оснащены ручными металлоискателями, в здании железнодорожного вокзала дежурят сотрудники полиции, которые могут производить досмотр граждан, заподозренных сотрудниками транспортной безопасности в противоправных намерениях. Однако до сих пор нет ответа на вопрос, как при таком оснащении техническими средствами досмотра произошел пронос гранат

на территорию железнодорожного вокзала г. Барнаула [2];

2) иные случаи незаконного вмешательства в функционирование транспорта:

– наложение посторонних предметов на рельсы – такие случаи бывают довольно часто. Так, железнодорожные пути хоть и охраняются сотрудниками ВОХР, однако на всю протяженность железной дороги их не хватит, в связи с чем при проходе отдаленных участков железной дороги железнодорожный транспорт может встретить на своем пути различные предметы, начиная от фрагментов шпал до бесхозных рюкзаков и сумок. В лучшем случае происходит экстренное торможение железнодорожного транспорта, а в худшем – состав сходит с рельсов.

– также распространён телефонный «терроризм». Так, например, в ноябре 2020 г. гражданин Н., проживающий в г. Котельнич Кировской области, находясь в состоянии алкогольного опьянения, позвонил в дежурную часть отдела полиции по Центральному району УМВД России по г. Барнаулу и сообщил, что вокзал заминирован. Однако данный гражданин не уточнил, какой именно вокзал заминирован, в связи с чем все вокзалы Алтайского края были обследованы на предмет обнаружения взрывных устройств.

Анализируя случаи телефонного «терроризма», стоит обратить внимание на то, что с февраля 2022 г. они участились. Так, 27 февраля на электронную почту аэропорта г. Омска поступило сообщение следующего содержания: «Забыли сумку, стоит у вас под носом, может бахнуть». Сотрудники авиабезопасности аэропорта г. Омска сообщили о данном факте в Омское ЛУ МВД России, после чего была организована эвакуация всех находящихся в аэропорту г. Омска и проведено обследование здания аэропорта.

28 февраля 2022 г. в кол-центр аэропорта г. Абакан поступил телефонный звонок от неустановленного лица, которое сообщило, что все аэропорты в России заминированы. В результате чего органами внутренних дел на транспорте, расположенными в аэропортах России, было организовано экстренная эвакуация и обследование зданий аэропортов. На сегодняшний день возбуждено уголовное дело, проводятся мероприятия по установлению лица, совершившего данное деяние.

Также к числу угроз можно отнести и негативные последствия недостаточной разработанности нормативной правовой базы, регулирующей отношения в транспортной сфере, а также изъяны в правоприменительной практике. Так, 28 сентября 2021 г. сотрудник АО «РЖД» К. при-

был в служебную командировку в Тальменский район Алтайского края. Около 22 часов того же дня К., находясь в состоянии алкогольного опьянения, прошел в помещение дежурной по ст. Зональный, являющееся объектом транспорта, грубо нарушив общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, совершил хулиганские действия с применением предмета, используемого в качестве оружия, – пневматического автомата модели EL, внешне конструктивно схожего с АКС-74, а именно, передернув затвор, направил указанный автомат в сторону находящейся в данном помещении С., а последующем в сторону начальника станции Р. Когда С. и Р., опасаясь за свои жизнь и здоровье, выбежали из

помещения дежурной по ст. Зональный, К. продолжил совершение хулиганских действий на перроне ст. Зональный, преследуя их с пневматическим автоматом.

Исходя из вышеуказанного можно сделать вывод, что основополагающий элемент транспортной безопасности – это комплексность, а именно транспортная безопасность – это система недопущения и профилактики преступлений и иных правонарушений, чрезвычайных происшествий природного и техногенного характера. Также обратим внимание, что системный характер понятия транспортной безопасности определяет необходимость именно комплексного решения проблем, имеющихся в этой сфере.

Литература

1. О транспортной безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. URL: <https://www.alt.kp.ru/daily/28362.5/4509606/> (дата обращения: 29.11.2021).

Сочивко Ольга Ивановна

Преподаватель кафедры пенитенциарной психологии
и пенитенциарной педагогики,
кандидат психологических наук
Кузбасский институт ФСИН России

Sochivko Olga

Candidate of Psychological Sciences
Kuzbass Institute of FPS of Russia

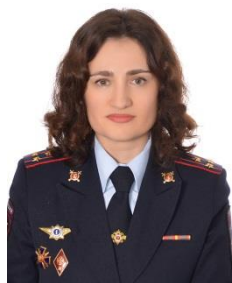

Плоткин Дмитрий Матвеевич

Следователь по особо важным делам в отставке,
кандидат юридических наук,
почетный работник прокуратуры РФ,
член Союза писателей России

Plotkin Dmitry

Investigator for Especially Important Decience
Candidate of Law Sciences, Honorary Worker of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation,
Member of the Union of Writers of Russia

Мисник Ирина Владиславовна

Начальник кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский институт МВД России

Misnik Irina

Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ПРОБЛЕМА АУТОАГРЕССИИ И САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

THE PROBLEM OF AUTOAGGRESSION AND SELF-PREVAILING BEHAVIOR

В современных психологических исследованиях тема аутоагрессии и самоповреждающего поведения занимает центральное место. Анализируя положение дел в этой сфере, исследователи обращали внимание, прежде всего, на особенности личности тех, у кого были замечены проявления данных негативных состояний. Среди наиболее характерных черт, приводящих к реализации намерений совершить суицид, можно назвать низкий порог терпимости по отношению к эмо-

циональным нагрузкам, слабые навыки коммуникации, сниженную самооценку, особенности интеллектуального развития и др. [2]. Позже в данный список были внесены такие характеристики, как недостаточное число копинг-стратегий и недоразвитие защитных механизмов. Корни личностных факторов, противодействующих зарождению суицидальных наклонностей, находятся, в первую очередь, в сфере духовных, культурных, семейных и иных ценностей человека. Другими

авторами указываются примерно такие же личностные структуры, препятствующие возникновению намерений совершить суицид [1, 5, 7].

Д.А. Леонтьев при анализе экзистенциального смысла суицида также приходит к выводу о том, что на выбор смерти влияет наличие или отсутствие антисуицидальных регуляторов, поддерживающих выбор жизни не в меньшей степени, чем наличие и интенсивность суицидальных импульсов на суицидальное решение. Сопоставляя факты, способствующие и противодействующие суицидальным намерениям, можно составить обобщенный механизм поведения человека, способного и готового совершить самоубийство. Составляющие этого механизма, их действие и взаимовлияние могут подсказать, какие профилактические меры будут эффективными для ослабления негативных и усиления позитивных факторов [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Для их точного установления необходима диагностика, причем ее результаты важны не только для конкретного лица, имеющего суицидальные наклонности, но и в целом для общества, а именно опасности этой личности для социума, что должна подтвердить (или опровергнуть) последующая всесторонняя судебная психолого-психиатрическая экспертиза.

У детей и подростков аутоагрессия имеет индивидуальный механизм формирования. Ее истоки лежат в раннем детском возрасте и взаимосвязаны с так называемыми семейными факторами. Если у ребенка уже с первых лет жизни заметны возбудимость, поведенческие отклонения, импульсивность, то стоит задуматься о возможном формировании у него впоследствии неэффективных копинг-стратегий поведения в условиях, характеризующихся повышенным напряжением и различными жизненными трудностями. В период взросления к этому добавляется влияние таких факторов, как условия нахождения в семье, отношение родителей и сверстников, тяжелая жизненная ситуация, неблагоприятная среда общения. Все это способно сформировать у подростка с неокрепшей психикой предрасположенность к суициду, особенно в том случае, если он остается со своими проблемами один на один.

Отягощающим фактором является социально-психологическая дезадаптация. Искаженное и незрелое представление о смерти является пусковым механизмом завершеного суицида. Нередко убежденность ребенка в том, что он может лишить себя жизни, рожденная проблемами в семье, школе, отчаянием от невозможности изменить ситуацию, приводит его к мысли, что самоубийство может стать выходом и даже принесет определенную выгоду – родители простят за проступки, учителя пожалеют и исправят оценку, а товарищи будут больше уважать за его решимость. Он думает, что такой шаг будет каким-то времен-

ным, ненастоящим. Очень часто такие мысли и намерения становятся следствием того, что ребенок недополучает любви окружающих и пытается обратить на себя их внимание. Есть еще одна причина подобного поведения детей – завышенные ожидания взрослых, которым маленький человек стремится соответствовать, но у него не получается, и он пытается припугнуть тех, кто рядом, надеясь, что они не дадут ему уйти просто так, они его любят и спасут. Но решающий шаг во многих случаях становится последним, ибо чаще всего дети и подростки не могут спрогнозировать, что ничего больше в их жизни не будет, как и самой жизни.

Лицам, работающим и просто общающимся с детьми, прежде всего психологам, необходимо обращать особое внимание на мнения и отдельные высказывания их о смерти и обо всем, что с ней связано. Возраст не позволяет детям осознать ее смысл и значение, но их рассуждения должны быть приняты к сведению взрослыми. При наличии подобных рассуждений у детей и подростков, даже в ситуации, когда их родители считают, что это просто игра и им «нечего делать», нужно разобраться в причинах появления в их речи данной темы. Если оставить без внимания этот вопрос, то могут возникнуть крайне негативные последствия. Дети и подростки, помимо прочего, общаясь в Интернете, нередко становятся мишенью для интернет-террористов, которые в силу разных причин могут склонять их к совершению суицида или даже террористического акта.

Аутоагрессия характерна для детей и подростков, находившихся в трудной жизненной ситуации. Тем не менее нередкими становятся случаи самоубийств молодых людей, подростков из абсолютно благополучных, обеспеченных семей, причины которых не поддаются осознанию. Казалось бы, беспричинные суициды могут случиться, что называется, на пустом месте, но при последующем разбирательстве обнаруживается, что ребенок попал под негативное влияние каких-либо групп, подвергался травле в соцсетях, не мог найти понимания в собственной семье. Необходимо отметить, что дети и подростки, не получая нужного им внимания, искренней любви и моральной защиты от близких им людей, и в первую очередь родителей, начинают искать опору и поддержку у других лиц, часто через онлайн-каналы, и не факт, что под маской «добрых и участливых» людей им не встретятся в Интернете кураторы «групп смерти».

Впервые проблему пропаганды совершения суицидов в Интернете поднял сотрудник Рязанской областной прокуратуры, старший советник юстиции, кандидат юридических наук Дмитрий Плоткин, который в 2016 г. опубликовал статью о группах в рязанском выпуске «Новой газеты»

«Не зовите, я ненавижу вас всех», которые подталкивают подростков к самоубийству. Затем Галина Шальмиевна Мурсалиева – журналист, заведующая кафедрой психологии и обозреватель «Новой газеты» опубликовала книгу «Дети в сети», в которой поблагодарила Д.М. Плоткина и отметила, что без его помощи и участия книга не вышла бы в свет. Позже опубликована научная статья «Детский суицид: недетские проблемы квалификации и профилактики» в научном журнале «Библиотека криминалиста» Д.М. Плоткиным в соавторстве с доктором юридических наук, профессором Е.П. Ищенко и федеральным судьей А.В. Батмановым [1].

Журналист Дмитрий Муратов после известия о присуждении ему Нобелевской премии мира 2021 г. «за усилие по защите свободы выражения мнений, которая является предпосылкой демократии и прочного мира» поблагодарил Дмитрия Плоткина за ошеломляющее участие в подготовке главного текста статьи о подростковом суициде.

Д. Плоткин обнаружил схему системной и планомерной работы с подрастающим поколением для склонения их к суициду. Установлено, что учащаяся 7-го класса общеобразовательной школы г. Рязани, направившись на учебу, на занятиях не появилась. Педагог подумала, что девочка опаздывает, но потом оказалось, что она выбросилась с верхнего этажа высотки. Родители и общие знакомые не находили слов – семья благополучная, ни в чем не нуждалась, девочка училась хорошо, родители с высшим образованием – папа служил в МВД России, мама – педагог-психолог. Возбуждено дело по ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации «Доведение до самоубийства». Виновный не установлен. Через месяц аналогичный случай произошел с ученицей другой рязанской школы, возбуждено еще одно уголовное дело, и снова виновных не найдено.

По всей России таких случаев десятки. Чаще всего обработка юных, неокрепших умов происходит в социальной сети «ВКонтакте». Страница одной из девочек стала наглядным примером, как происходит оболванивание детей и склонение их к самоубийству.

В целом анализ данных фактов свидетельствует о том, что «группы смерти», как открытые, так и закрытые для «чужих», объединяют людей, совсем юных, только начавших жить, но уже задумывающихся о том, как из этой жизни уйти. Скорее всего, администраторы групп имеют психические отклонения, подталкивая их к суициду, однако умеют завладеть сознанием участников, призывая их идти до конца, до конечной цели – самоубийства.

Дети и подростки в группах узнают, как можно убить себя – порезать вены, с какого этажа лучше прыгнуть, знакомятся с поэтическими тво-

рениями, склоняющими к самоубийству, рассматривают соответствующие картинки. Понемногу попавших в эти сети склоняют, например, к тому, чтобы делать на своих руках или теле порезы. По их мнению, раны на теле говорят о ранах в душе. Все это представляется как игра, в которой красной нитью проходит утверждение о том, что смерть – это совсем не страшно: «Это абсурд, вранье: череп, скелет, коса. Смерть придет. У нее будут твои глаза».

У них, идущих по дороге смерти, есть и свой «дресс-код», например, шарф, закрывающий поллица. Они узнают друг друга по такому атрибуту. Девушка из города Уссурийска нашла свою смерть под колесами грузового железнодорожного состава, а за день до случившегося разместила в соцсетях фото на фоне поезда – лицо до половины было закрыто шарфом, а также подпись «Ня, пока», словно мякнула кошка. Нежность, умиление, радость – вот что ассоциируют эти люди с суицидом. Как они верят, «там» их ждет настоящий мир, где царят любовь и понимание.

Кто и зачем создает «группы смерти», остается неясным, найти организаторов очень трудно, но тем не менее работа в этом направлении ведется, и тайное становится явным. К сожалению, сроки за руководство «группами смерти» невелики – 3,5 года лишения свободы получил администратор такой группы в Липецке. Он придумал игру, участники которой наносили себе телесные повреждения, а финиш игры подразумевал смерть. Однако срок за доведение до самоубийства – примерно 15 лет лишения свободы. О чем думают администраторы таких групп, сами недавние подростки, трудно сказать. Но наказывать их нужно очень строго, а выявлять активнее.

Стоит обратить внимание на то, что причиной участия детей и подростков в «группах смерти» все же становится непонимание и отчужденность в своей семье. «Ненужность» своим родным, одиночество среди толпы, непонимание и различные виды травли, получившие широкое распространение в среде несовершеннолетних, – об этом надо подумать всему обществу – родителям, учителям, сотрудникам спецслужб, работающим с подростками. Нужно организовать воспитательную и психологическую работу педагогу-психологу, социальному педагогу или психологу с обучающимися в учебных заведениях. Детей должны защитить, в первую очередь, правоохранительные органы, семья и школа, а решение проблемы надо контролировать совместными усилиями.

Приведенные факты были обсуждены в 2017 г. в Институте психологии Российской академии наук в рамках научно-практического семинара «Куда уходит детство: проблемы суицидального поведения в молодежной среде». До-

кладчиками выступили кандидат юридических наук Дмитрий Матвеевич Плоткин и организатор данного семинара главный редактор журнала «Прикладная юридическая психология», профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России доктор психологических наук, профессор Дмитрий Владиславович Сочивко. На проблему обратили внимание, и Президент РФ В.В. Путин дал поручение правительству усовершенствовать систему профилактики подросткового суицида.

Подводя итоги, можно указать, что детерминирующий суицидальную направленность личности фактор – это, прежде всего, наличие депрессивного расстройства, причины которого в детском и подростковом возрасте нетипичны: от феноменологических до субкультурных. Усиливающим влиянием обладает конформное поведение, его подражательный компонент, усугубленный импульсивностью подростка.

Литература

1. Ищенко Е.П., Плоткин Д.М., Батманов А.В. Детский суицид: недетские проблемы квалификации и профилактики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 5 (28). С. 9-20.
2. Сочивко О.И. К вопросу о профилактике суицидов у несовершеннолетних в следственном изоляторе // Прикладная юридическая психология. 2018. № 1 (42). С. 112-116.
3. Сочивко О.И. О проведении профилактики суицида среди осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 11 (210). С. 50-54.
4. Сочивко О.И. Проблема аутоагрессии человека // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 11 (189). С. 648-651.
5. Сочивко О.И., Сафуанов Ф.С. Психологическая оценка суицидального риска: соотношение про- и антисуицидальных личностных факторов // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 211-224.
6. Сочивко О.И., Сафуанов Ф.С. Теория и практика проведения психокоррекционной работы с осужденными женского пола с расстройствами личности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 3 (202). С. 35-40.
7. Сочивко О.И., Токарева Г.М. К вопросу о психических расстройствах осужденных // Прикладная юридическая психология. 2019. № 2 (47). С. 66-71.

Starodubtseva Maria
Altai State University

Стародубцева Мария Александровна
Преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии юридического института
Алтайский государственный университет

СЕТЬ ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

THE INTERNET AS A MEAN OF TERRORIST IDEOLOGY DISTRIBUTION

Современную информационную революцию связывают с появлением новых информационно-коммуникационных технологий, основанных на объединении традиционных средств массовой информации (СМИ) и компьютерных систем пе-

редачи массовой информации по телекоммуникационным сетям¹.

¹ Исследование выполнено в рамках реализации Программы поддержки научно-педагогических работников ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», проект «Организационно-правовые меры профилактики идеологии терроризма, экстремизма и иных деструктивных идеологий в сфере образования».

Сегодня огромное количество людей из разных стран мира в результате развития информационных технологий получили доступ к глобальной информационной сети Интернет, что явилось мощным фактором перехода к цифровому терроризму [1, с. 129].

Можно выделить как минимум девять основных способов использования сети Интернет террористическими группировками.

Во-первых, такой сегмент информационно-телекоммуникационных технологий, как социальные сети, позволяет террористическим группировкам поставлять свой контент напрямую подписчикам сетевого сообщества, без необходимости даже виртуального общения. Вербовщик как субъект сегодня может отсутствовать в принципе. Физический контакт между вербовщиком и его целью, как это было раньше, когда к человеку подходили на стройке или в мечети и беседовали с ним – уже экзотика.

Сейчас вербовка идет через социальные сети или любые средства интернет-связи либо происходит самовербовка. Это значит, что человек, которого «зацепили» эти идеи, сам себя накручивает, мобилизует и подталкивает к противоправным действиям, прислушиваясь к указаниям из мессенджеров или на полузакрытых тематических площадках [2, с. 5].

Во-вторых, социальные сети предоставляют террористическим организациям эффективный способ общения и потенциальной вербовки без учета географии. Процесс регистрации в любой социальной сети занимает несколько минут, а для обеспечения конфиденциальности достаточно подтвердить свой номер телефона или электронной почты. И с момента регистрации террорист получает неограниченный доступ к контенту и подписчикам в киберпространстве сети.

В-третьих, социальные сети «повышают доступность» террористической пропаганды. Один пользователь может создать любое количество учетных записей и фейковых профилей в нескольких социальных сетях сразу, синхронизировать пароли для удобства доступа и вести одновременный диалог с неограниченным количеством собеседников. Такое общение практически невозможно остановить, ведь в любой социальной сети в целях безопасности у каждого профиля свой IP-адрес. И вследствие этого крайне сложно отследить, что все профили были созданы с одного компьютера.

В-четвертых, публикации в сети Интернет не считаются как таковые источниками новостей, и, следовательно, террористы могут осуществлять информационные вбросы без какого-либо надзора и регулирования. Глобальность «всемирной паутины» лишает пользователей возможности эффективно отслеживать читаемый контент, и

модераторов – выверять контент публикуемый. Трансляция сообщений происходит мгновенно, и любое из них может послужить инициатором паники, как пример. На отслеживание IP-адреса гаджета, с которого сделали информационный вброс, в любом случае уйдет некоторое время, за которое сообщение прочтут сотни тысяч пользователей, причем не только подписчики, но и те, кто увидит репост записи подписчиком.

В-пятых, террористы могут использовать анонимность в Интернете в своих интересах. Относительно способов сохранения анонимности для пользователей в социальных сетях мы уже делали краткий анализ выше. Проблема в том, что все эти способы известны членам террористической организации. И столь тщательно защищаемая интернет-конфиденциальность превращается в палку о двух концах: потенциального террориста так же сложно отследить, как взломать профиль пользователя, защищенный, например, двухфакторной идентификацией с помощью электронной почты и номера телефона (например, подобный способ защиты использует социальная сеть «ВКонтакте»).

Кроме этого, анонимность можно использовать и другим способом – воздействуя на сознание своей аудитории. Давнее правило – «в Интернете можно быть кем угодно» – более чем активно применяется пользователями сети. Подобная анонимность порождает проблему обезличенности общения между людьми.

В-шестых, террористы могут получить информацию о социальных сетях, чтобы исказить распространенность и ранжирование их сообщений в результатах поиска.

Фактически социальная сеть, используя примитивные маркетинговые приемы, сама предлагает продвижение потенциально террористического контента. ИГИЛ и Аль-Каида, как сообщается, используют «ботов», которые представляют собой управляемые компьютером учетные записи Twitter, которые автоматически рассылают контент в аналогичной живому террористу манере.

В-седьмых, Интернет позволяет осуществлять разнонаправленную связь между террористами и их потенциальными рекрутами [3, с. 15]. Индивидуальное общение позволяет террористам разрабатывать пропаганду, специально предназначенную для определенных категорий людей. Кроме того, интерактивное участие может способствовать развитию чувства сплоченности и создавать своего рода виртуальное сообщество террористов и потенциальных новобранцев, тем самым создавая чувство единства [4, с. 9].

В-восьмых, террористические группы могут использовать социальные сети для поиска и нацеливания на лиц, которые могут быть особенно уязвимы перед их идеологией. Например, ИГИЛ

использует популярные среди подростков платформы социальных сетей для привлечения и вербовки молодых людей, более восприимчивых к ее пропаганде. Террористы могут создавать свою пропаганду для обращения к определенным уязвимым группам населения, изображая свою организацию как средство решения индивидуальных проблем. Кроме того, террористы могут отсеивать менее уязвимые группы населения, блокируя связь с очевидными неверующими.

В-девятых, шифрование позволяет террористам поддерживать частные сети без надзора со стороны правоохранительных органов. Зашифрованные коммуникации не могут быть легкодоступными для правоохранительных органов, и усилия по набору персонала и другая террористическая деятельность могут осуществляться в условиях относительной секретности.

Данные последних исследований террористической активности в сети Интернет показывают закономерность: информационные агентства террористических объединений все чаще отходят от практики работы в глобальных социальных сетях или на крупных сайтах, предпочитая малоизвестные интернет-платформы с высоким уровнем шифрования данных.

Вторая тенденция – перемещение террористической активности в так называемые децентрализованные мессенджеры (ДМ) и социальные сети (ДСС).

Итак, проанализировав способы использования террористическими организациями возможности сети Интернет, мы можем ясно увидеть, что цифровой терроризм как форма «информационного оружия» может применяться в трех плоскостях:

- информационно-телекоммуникационные сети;
- искусственный интеллект и нейросети;
- сотрудничество государственных органов и негосударственных структур.

Применение методов цифрового терроризма в первом случае означает прямое общение террористов друг с другом и с вербуемым контингентом в открытом интернет-пространстве, в социальных сетях и возможность использования сетевых платформ для пропаганды и дезинформации, что представляет собой форму «информационной войны».

Второй вариант предполагает использование технологий искусственного интеллекта для проведения различных киберопераций. Преимущественно речь идет об использовании автоматизированных программ-ботов, например, для публикации призывов к осуществлению террористической деятельности на сетевых платформах. Сюда же можно отнести использование нейросети для вирусного распространения среди пользователей террористического контента.

Третий вид действий «цифровых террористов» характерен для высококонфиденциальных децентрализованных социальных сетей, в закрытых чатах и каналах которых могут общаться представители террористических ячеек и их спонсоры и манипуляторы из внешней среды.

Отсюда, сетевые платформы, в частности социальные сети, манипулирование контентом и использование ИИ и применение методов социальной инженерии для психологического манипулирования поведением людей в виртуальном пространстве являются главными компонентами цифрового терроризма.

Литература

1. Латов Ю.В. «Технологический терроризм» как наукоемкий и массовый терроризм // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2 (34). С. 129-132.
2. Путь в Большой Террор: Как ИГИЛ отравляет сердца людей? URL: <https://regnum.ru/news/polit/2834021.html> (дата обращения: 22.02.2022).
3. Simon Cotte. Why it's so Hard to Stop ISIS Propaganda URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/03/why-its-so-hard-to-stop-isis-propaganda/386216/> (дата обращения: 23.02.2022).
4. Will Oremus. Obama Wants Tech Companies to Install Backdoors for Government Spying. URL: http://www.slate.com/blogs/future_tense/2015/01/19/obama_wants_backdoors_in_encrypted_messaging_to_allow_government_spying.html (дата обращения: 23.02.2022).

Сюй Ли

Доцент кафедры исследований, магистр права,
направление исследований – предупреждение преступности
Синьцзянская полицейская академия КНР
Урумчи, Синьцзян

Xu Li

Associate Professor, Department of Investigations,
Master of Laws, Research Area Crime Prevention
Xinjiang Police Academy of the People's Republic of China,
Urumqi, Xinjiang

КОНТРОМЕРЫ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРОНИКНОВЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО МЫШЛЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЫ СИНЬЦЗЯНА

COUNTERMEASURES TO PREVENT AND COUNTER THE PENETRATION OF EXTREMIST THINKING TO UNIVERSITIES OF XINJIANG

В последние годы борьба с терроризмом в нашей стране достигла значимых результатов. Исчезновение из идеологических основ насильственной террористической деятельности, т.е. религиозного экстремизма, является фундаментальным достижением для закрепления с трудом достигнутых результатов противодействия. Синьцзян как полиэтнический, разнорелигиозный и поликультурный регион достаточно давно находится на переднем крае борьбы с сепаратизмом и инфильтрацией. Борьба в идеологическом поле остается острой и сложной. Являясь одной из важных позиций в идеологическом поле Синьцзяна, колледжи и университеты всегда были центром проникновения «трех злых сил» как внутри страны, так и из-за рубежа.

В настоящее время и в будущем синьцзянские колледжи и университеты должны продолжать работу по предотвращению проникновения религиозного экстремизма и противодействию ему, а предотвращение проникновения религиозной идеологии и борьбу с ней следует рассматривать как долгосрочную стратегическую цель и первоочередную политическую задачу колледжей и вузов. Для этого необходимо проведение идейно-воспитательной работы по разным методикам, ведение адресной деятельности по отдельным задачам в Синьцзяне в особый период.

В последние годы наша страна добилась значительных успехов в борьбе с терроризмом. Благодаря совместным усилиям различных ведомств комплексного управления в Синьцзяне в течение

пяти лет не происходило насильственных террористических актов. Однако сложная ситуация, связанная с борьбой с терроризмом и поддержанием стабильности в Синьцзяне, не претерпела принципиальных изменений. Синьцзян по-прежнему является линией фронта нашей страны и главным полем битвы против экстремизма и терроризма.

Сфера образования является «местом предварительного формирования» идеологии, культуры и мировоззрения государства, а также «местом выращивания» будущего поколения страны с утвержденными ценностями, сфера образования должна быть командной высотой для различных идеологий. Колледжи и университеты являются первоосновами, ключевыми узлами для постепенного физического и психологического становления молодых людей и тех высот, которых они должны достигнуть.

Проникновение религиозной экстремистской идеологии в университеты Синьцзяна никогда не прекращалось, но на различных исторических этапах радикалы использовали разные средства проникновения, характеристики и направления. При этом всегда наносился серьезный вред религиозно-экстремистского характера обучающимся колледжей и университетов Синьцзяна.

Религиозно-экстремистская идеология, проникающая в колледжи и университеты Синьцзяна, имеет долгую историю. Она характеризуется переплетением различных факторов из прошлого и действительности, отечественного и

зарубежного происхождения, прямых и опосредованных. За последние несколько лет под влиянием «трех злых сил» (традиционный китайский: 文個勢力; «три силы влияния» – политический лозунг Китайской Народной Республики, определяемый как терроризм, сепаратизм (или «раскол») и религиозный экстремизм – прим. ред.) атмосфера в некоторых колледжах и университетах Синьцзяна значительно изменилась, стало заметным религиозное влияние.

«Три злые силы» сознательно используют различные средства, прежде всего религию, для привития студентам колледжей религиозного экстремизма через площадки Интернета и социальные сети, формируют неверные взгляды на мир, страну и культуру. В некоторых колледжах и университетах Синьцзяна последовательно подавлялись террористические банды и экстремистские религиозные группировки, конфисковывались связанные с ними аудио- и видеоматериалы.

При этом стало известно, что часть преподавателей в колледжах и университетах Синьцзяна находятся под влиянием религиозно-экстремистской идеологии. Их вербуют этнические сепаратисты. Некоторые международные неправительственные организации и фонды проникают в школы под предлогом субсидирования академических исследований учителей в колледжах и университетах Синьцзяна. Они представляют так называемые исследовательские фонды и предоставляют возможности для преподавателей выезжать за границу для проверки или академического обмена, используя их для сбора информации из различных университетов Синьцзяна.

В то же время в выступлениях на так называемых академических конференциях или в ходе дискуссий звучали критические оценки этнической и религиозной политики нашего государства, искажалась стратегия центрального правительства в отношении Синьцзяна. В некоторых колледжах и университетах Синьцзяна ряд преподавателей позволяли себе неуместные высказывания или даже вели пропаганду религиозной экстремистской идеологии, а некоторые даже покрывали террористов, непосредственно организовывавших теракты.

Также было установлено, что в колледжах и университетах Синьцзяна часть преподавателей на самом деле являлись религиозными проповедниками и использовали преподавательскую деятельность для распространения религиозной экстремистской идеологии и пропаганды этнического сепаратизма в попытке расколоть страну и подорвать государственную власть.

Синьцзянские колледжи и университеты расположены в особой социальной и культурной среде, географически граничат с прилегающими территориями многих стран Центральной Азии. На севере Синьцзяна есть большие общины лю-

дей, живущих вместе в небольших поселениях. В южном районе Синьцзяна проживают этнические меньшинства. Многие люди, живущие в этих районах, исповедуют ислам. Из-за их географического расположения соседние страны Центральной Азии и регионы легко могут использовать их в качестве основного пути для проникновения иностранных религиозно-экстремистских сил.

В последние годы, с наступлением кибервека, религиозно-экстремистские идеологические методы и подходы проникновения стали более разнообразными, а различные инфильтрационные действия дерзкими, но скрытыми, которые труднее обнаружить и которые оказывают большое влияние на университеты Синьцзяна. Имеются факты о том, что некоторые преподаватели и студенты оказались под влиянием религиозно-экстремистской идеологии. В результате возникла необходимость в использовании наиболее эффективного оружия против религиозно-экстремистской идеологии в виде комплексных контрмер.

Университетский кампус всегда считался «райским уголочком», главная цель которого – взрастить будущее родины, сформировать идеалы, ответственность преемников в новую эпоху. «Три силы» также осознают важность положения студенческой среды в университетском городке, и их деструктивная деятельность, направленная на конкурентную борьбу с нами за обучающихся и за идеологическое поле, никогда не прекращалась.

Международные враждебные структуры и «три силы» внутри страны и за рубежом распространяют религиозную экстремистскую идеологию в университетах Синьцзяна. Это стратегия долгосрочная, и она не будет изменяться, если в Синьцзяне не будут устранены крайности, а общество будет нестабильным и ситуация в университетах будет беспокойной.

Несмотря на первоначальный успех усилий государства по дерадикализации Синьцзяна, на протяжении многих лет сектор образования не может позволить себе ослабить бдительность, обрести оптимизм и спокойствие. Колледжи и университеты всегда были в центре внимания проникновения «трех злых сил» внутри страны и за рубежом. Постоянная пропаганда и обучение политическим основам государства с помощью различных средств и методов является долгосрочной стратегией обеспечения национальной безопасности и безопасности кампуса.

Столкнувшись с проблемой, что в системе образования Синьцзяна, особенно колледжах и университетах, в последние несколько лет не уделялось должного внимания идеологической тематике и произошло некоторое отставание, то теперь стоит задача восполнения недостатков предыдущего периода, исправления погрешно-

стей образования в наибольшей степени путем проведения централизованного обучения в рамках предотвращения и противодействия религиозному экстремизму.

Предотвращение проникновения экстремистской религиозной идеологии – это победа в «войне без пороха» в идеологическом поле и поддержание стабильности Синьцзяна и безопасности страны в целом. Нам необходимо проводить всестороннюю и масштабную пропаганду и просвещение на всех уровнях, чтобы восполнить недостатки и укрепить свои «мышцы и кости», проводить более масштабную и серьезную информационно-просветительскую работу с преподавателями и студентами колледжей и университетов.

Острая форма борьбы с терроризмом в Синьцзяне требует, чтобы преподаватели синьцзянских колледжей разбирались не только в своих специальностях, но и в политической ситуации, изучали историю Синьцзяна в различные периоды, понимали суть исторических событий автономного района и осознавали долгосрочность, остроту и сложный характер антисепаратистской борьбы в Синьцзяне.

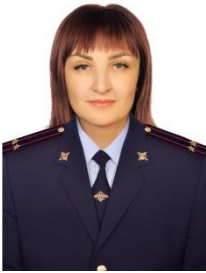
Конкуренция за влияние на следующее поколение стала центром нынешней и будущей антисепаратистской борьбы. Мы должны полностью понимать, что хорошее образование студентов связано с успехом или неудачей антисепаратистской борьбы. Мы должны принять практические и эффективные меры для увеличения интенсивности инвестиций в идеологическое воспитание в школах.

Исходя из высокой любознательности, социальной пластичности и заинтересованности студентов колледжей необходимо определить для них авторитетных деятелей в сфере борьбы с терроризмом и специалистов различных дисциплин новой эпохи, рассказать их истории, прочесть их биографии, предоставить возможность воспринять свою историю, понять великих людей и стать примером для подражания. Идеино-политическая работа должна объясняться простыми словами на протяжении всего воспитательно-педагогического процесса, чтобы идеино-политические курсы в общих дисциплинах эффективно реализовывались, а идеино-политическое воспитание рассматривалось как опора и основа общих курсов. «Взгляд» (исторический взгляд, культурный взгляд, религиозный взгляд), укрепление «пяти идентичностей» (отождествление с великой родиной, отождествление с китайской нацией, отождествление с китайской культурой, отождествление с Коммунистической партией Китая, отождествление с социализмом с китайской спецификой), искренняя

поддержка руководства Компартии Китая, любовь к Родине, понимание социализма.

Идеологическая безопасность является составной частью системы национальной безопасности и основным содержанием культурной безопасности. Для сохранения надлежащего уровня безопасности требуется общая ценностная концепция и ориентация, а также ясное понимание закона и порядка. Для современных студентов мы должны особенно укреплять национальное образование, направлять все этнические группы на развитие в положительном направлении, энергично развивать экономику Синьцзяна, стремиться к повышению качества образования каждой этнической группы, отказываться от узкого националистического сознания и выступать за то, чтобы китайский народ мог интегрироваться в международное общество и обогащаться чувством собственного достоинства и уверенности в Родине в целом. Только так многонациональный китайский народ может стать более сплоченным и более процветающим.

Таким образом необходимо продолжать проводить углубленные мероприятия «трех входов, двух связей и одной дружбы» среди преподавателей колледжей и студентов колледжей (т.е. вход в классы, вход в общежития, столовые, установление контактов со студентами, контакт с родителями и дружба со студентами). Разнообразные мероприятия позволяют преподавателям и учащимся иметь возможность контактировать друг с другом, проявлять понимание и уважение. Так, кампусы колледжей и университетов Синьцзяна проводят такие мероприятия, как еженедельные церемонии поднятия национального флага и тематические собрания классов, чтобы продолжать проводить углубленные мероприятия, посвященные «голосу и мечу». Необходимо научиться говорить и показывать свои «мечи», а также иметь возможность четко критиковать неправильные мнения. Благодаря такому обучению и собственному мышлению мы будем разоблачать и критиковать природу различных проявлений религиозного экстремизма мыслей «трех злых сил» и проводить целенаправленные дискуссии для обсуждения острых социальных проблем, чтобы улучшить способность студентов колледжей всесторонне анализировать и решать вопросы, построить брандмауэр для преподавателей и студентов, чтобы противостоять проникновению религиозных экстремистских идей в колледжи и университеты и способствовать реализации общей цели достижения социальной стабильности на долгосрочную перспективу в Синьцзяне твердыми идеями и конкретными действиями.

Федорова Лариса Алексеевна

Адъюнкт

Барнаульский юридический институт МВД России

Fedorova Larisa

Adjunct Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

INVESTIGATION OF EXTREMISM CRIMES AT THE PRESENT STAGE

Слово «экстремизм» происходит от латинского слова «экстремус», что означает крайний. Экстремизм все более грозно заявляет о себе, посягая на конституционные права граждан, в наши дни он становится важнейшей проблемой современного мира, одним из основных источников угроз общественной безопасности в Российской Федерации, что вызывает особые опасения в век высоких технологий.

Официально первый факт экстремизма был зарегистрирован в 2004 г., тогда в России было зарегистрировано 130 преступлений данной группы, а уже через десять лет, в 2014 г., было зафиксировано почти в 8 раз больше – 1034. Государство в данном случае не могло остаться в стороне, поэтому на разных уровнях были приняты нормативно-правовые акты, которые были призваны реализовать механизм противодействия экстремизму.

Расследование преступлений экстремистской направленности связано с обеспечением безопасности государства, основ его конституционного строя, является приоритетным направлением деятельности Следственного комитета Российской Федерации, который, как и органы власти, осуществляет борьбу с экстремизмом и терроризмом и их проявлениями. В связи с этим указанная категория дел относится к подследственности следователей Следственного комитета (далее – СК РФ). На сегодняшний день расследование уголовных дел, как их категоризируют, экстремистской направленности идет систематизированно, планомерно, большое внимание уделяется аналитике.

Обратившись к статистическим данным, мы видим, что уже в 2015 г. на территории края зарегистрировано 23 преступления экстремистской направленности, из которых 18 выявлено сотрудниками органов внутренних дел края, 4 – УФСБ России по Алтайскому краю, 1 – прокуратуры.

Следует отметить, что в последнее время введены были новые положения в Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. [4]. В указанном документе к внутренним экстремистским угрозам впервые отнесены распространение идеологии насилия и вовлечение российских граждан и находящихся на территории страны иностранных граждан в деятельность экстремистских сообществ, а также привлечение в ряды экстремистских организаций несовершеннолетних лиц, поскольку они не только легче поддаются идеологическому и психологическому воздействию, но и при определенных обстоятельствах не подлежат уголовной ответственности.

Общей тенденцией преступности в последние годы стал рост преступлений, совершаемый с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации. Наиболее острой проблемой последнего времени стало размещение в сети Интернет материалов, отнесенных законодательством к экстремистским. Почему именно сеть Интернет? На этот вопрос следует достаточно простой ответ. Во-первых, это легкий доступ к населению, во-вторых, обеспечивается высокая скорость передачи информации, в-третьих – дешево, в-четвертых, при воздействии используются как дезинформация, так и запугивание. Все это позволяет манипулировать общественным сознанием, подменять понятия и факты. Сеть Интернет воздействует на сознание людей более эффективно, чем публичные выступления. Кроме того, с помощью Интернета более доступна вербовка лиц в ряды экстремистки настроенных групп, а в дальнейшем активное их вовлечение в противоправную деятельность.

В 2020 г. тема экстремизма становится очень актуальной. На период объявления локдауна тысячи людей были вырваны из отлаженной системы социальных связей и взаимоотношений. Зна-

чительное количество населения потеряло работу либо вынуждено были перейти на «удаленку». Напряжение, которое возникло в социальных кругах в связи со вспышкой коронавирусной инфекции, перешло на новый уровень. Вырванная из активной жизни большая часть населения перешла к основному средству общения и взаимодействия – сети Интернет. В этот момент стал заметен резкий всплеск экстремистских настроений в обществе, в основном среди молодежи.

Как свидетельствует статистика, за первый квартал 2020 г. уровень зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в России вырос по сравнению с 2019 г. на 40,9%. За первые шесть месяцев 2020 г. по так называемым «экстремистским составам» в России было осуждено 210 человек против 432 осужденных за весь 2019 г.

В соответствии с нормативно-правовыми актами, действующими на территории России, информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу.

Копия вступившего в законную силу судебного решения о признании информационных материалов экстремистскими направляется в федеральный орган государственной регистрации – Министерство юстиции РФ.

Законодательством Российской Федерации установлена ответственность за массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает отдельные виды преступлений, имеющих экстремистский характер независимо от наличия квалифицирующих признаков и отягчающих обстоятельств, такие как: ст. 280 – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, ст. 282 – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, ст. 282.1 – организация экстремистского сообщества, ст. 282.2 – организация деятельности экстремистской организации, ст. 357 – геноцид и др. Перечисленные преступления наказываются штрафами, арестами, обязательными работами и лишением свободы вплоть до двадцати лет, а также пожизненным лишением свободы.

В следственной практике имеются примеры, когда действия правонарушителей-экстремистов содержат признаки нескольких преступлений, предусмотренных разными статьями уголовного

закона. Например, Ленинским районным судом г. Барнаула было рассмотрено по существу уголовное дело в отношении учащейся барнаульского техникума. Несовершеннолетняя обвинялась в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ (действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признакам расы, национальности, совершенные публично) и ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в т.ч. сети Интернет). По данным следствия, в октябре 2015 г. обвиняемая посредством выхода в Интернет на одной из общедоступных страниц в социальной сети разместила графические изображения, сопровождающиеся текстами, содержащими признаки унижения группы лиц по признакам расы и национальности, а также призывы к совершению враждебных действий в отношении указанных лиц. Девушка понимала, что высказывания станут доступны для восприятия широкому кругу пользователей сети Интернет и могут возбудить у них ненависть и вражду к лицам определенной национальности. В ходе следствия обвиняемая вину признала и раскаялась в содеянном. Учитывая совокупность совершенных преступлений, судом установлена степень вины подсудимой и определено наказание. Данный пример свидетельствует о том, что лица, стоящие на стороне радикальных идей вступают в конфликт не только с обществом, но и законом.

Следует заметить, что существует тенденция на рост преступлений экстремистской направленности, и не только в России, но и в Алтайском крае. В 2020 г. на территории края выявлено 7 преступлений террористической и 2 преступления экстремистской направленности. В 2021 г. выявлено 9 преступлений экстремистской направленности, из которых направлено в суд с обвинительным заключением 5 уголовных дел (по России – 38 уголовных дел). За истекший период этого года в Алтайском крае выявлено 1 преступление указанной категории.

Значительные усилия правоохранительных органов региона были направлены на пресечение противоправной деятельности в среде молодежных группировок и фанатских групп, культивирующих националистическую и леворадикальную идеологию. На основании решения Центрального районного суда г. Барнаула молодежное неформальное объединение националистической направленности W.H.C. (англ. «хулиганы правят миром») признано экстремистским и его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Однако статистические данные относительно такого вида преступлений противоречивы: с одной стороны, значительно увеличилось количе-

ство возбужденных уголовных дел, а также дел, завершившихся вынесением обвинительного приговора; с другой стороны – количество преступлений неизменно возрастает. В таких условиях формирование эффективной правовой основы уголовного преследования экстремистских проявлений становится не только фактором их предупреждения и пресечения, но и фактором недопущения необоснованного привлечения граждан к ответственности. Несмотря на многочисленные изменения отечественного уголовного закона, имеют место как трудности при квалификации преступлений экстремистской направленности, так и в дальнейшем при расследовании.

Определенную сложность составляют расследования преступлений указанной категории в силу объективных и субъективных обстоятельств, а именно несовершенства действующего законодательства и правового нигилизма, проявляющихся в высокой латентности исследуемых групп преступлений, а также в недостаточном исследовании норм об ответственности за преступления экстремистской направленности и терроризма. Кроме того, в ходе расследования данной категории преступлений сотрудники сталкиваются с противодействием раскрытию и расследованию.

М.В. Песчаный указывает на необходимость специальных знаний в области лингвистики, психологии, этнологии, религиоведения [2, с. 87]. Следует отметить, что для доказывания экстремистской направленности используемой символики и других наглядных материалов могут понадобиться знания и в области истории. Известен случай успешного использования заключения специалиста-историка, сделанного им по портретам лидеров коллаборационистского движения (государственных изменников), которые были выставлены в офисе организации. Несмотря на попытку стороны защиты в ходе судебного заседания опровергнуть его доводы с помощью другого специалиста, данное заключение, подкреп-

ленное показаниями в суде, было принято во внимание при вынесении обвинительного заключения [6, с. 159].

Изучая экспертную практику, а также методическую литературу по данному вопросу, приходим к выводу, что в ходе расследования, проводимого по делам, связанным с экстремизмом, следователям приходится назначать десятки экспертиз, которые включают в себя различные теоретические знания, а также различные подходы при исследовании. В связи с этим весьма важной задачей видится выстроенное взаимодействие следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также учет мнений специалистов и проведение необходимых экспертиз.

Отметим, что для успешного выявления и расследования экстремистских преступлений и преодоления противодействия их расследованию необходимы также меры по улучшению подготовки работников правоохранительных органов по овладению новейшими знаниями в области компьютерных технологий, более широкое привлечение специалистов и экспертов при расследовании уголовных дел, налаживание сотрудничества с провайдерами в целях своевременного обнаружения экстремистских преступлений.

На основании изложенного приходим к выводу, что используя достижения юридической науки, которые прошли апробацию практикой, а также развивая и внедряя значительный потенциал экспертных исследований со стороны следственных и оперативных сотрудников, возможно увеличить качественные показатели в расследовании преступлений экстремистской направленности. Складывающаяся следственная и судебная практика в России позволяет сделать вывод о возможности вынесения обвинительных приговоров по этим деяниям, которые в многонациональной России способны поставить под угрозу существование самого государства.

Литература

1. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Песчаный М.В. Проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности // Закон и право. 2009. № 6. С. 87-89.
3. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: crimstat.ru/analytics (дата обращения: 20.03.2022).
4. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Шавич А.А., Старичков М.В., Грушихина В.А. Актуальные проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с пропагандой экстремизма // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2015. С. 156-165.

Хайдарзода Мурод Пирмахмад

Доцент кафедры административного права
и административной деятельности факультета № 2,
кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Таджикистан

Khaidarzoda Murod

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CRIMINAL LEGAL ANALYSIS OF EXTREMISM CRIMES ACCORDING TO THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION

Противоречивые взгляды по поводу понятий «экстремизм» [2, с. 101; 16, с. 114; 7, с. 65-71], «преступления экстремистского характера», «преступления экстремистской направленности», «экстремистская деятельность» и других схожих с ними терминов с начала 2000-х гг. и по настоящее время являются предметом значительных научных дебатов, что в конечном счете приводит к несовершенству антиэкстремистского законодательства государств-участников СНГ и ошибкам в судебно-следственной практике.

В связи с тем, что исследователи предлагают противоречивые научные критерии для классификации «преступлений экстремистской направленности» [14, с. 20-34; 23, с. 59; 8, с. 12-15] и «преступлений, связанных с экстремистской деятельностью» [4, с. 128; 1, с. 22; 8, с. 12-15], использование этих терминов в следственно-судебной практике привело к затруднениям в регистрации преступлений экстремистской направленности и их квалификации.

Социологический опрос, проведенный среди 250 сотрудников правоохранительных органов, также доказал наличие вышеотмеченных трудностей, т.к. 58% опрошенных подтвердили значительные проблемы, возникающие при квалификации на практике.

Поэтому мы являемся сторонниками практики законодательства Российской Федерации¹ и

тех авторов [6, с. 11], которые в качестве основных критериев определения этих преступлений признают разжигание ненависти против определенных социальных групп по политическим, идеологическим, расовым, национальным признакам.

В связи с этим А.Г. Хлебушкин совершенно справедливо отмечает, что «в теории уголовного права понятие и система преступлений экстремистского характера до сих пор изучаются поверхностно и подвергаются жесткой критике со стороны большинства исследователей» [25, с. 67].

С.Н. Фридинский выступает противником четкого определения экстремистских преступлений в Законе «О борьбе с экстремизмом», который не является уголовно-правовой нормой. По его мнению, целью этих законов является не криминализация преступлений экстремистского характера, а организация профилактики таковых деяний и запрет деятельности экстремистских организаций другими отраслями права. Задачей же правоохранительных органов является выявление конкретных положений Уголовного кодекса за опасные деяния экстремистской направленности [23, с. 58].

Несмотря на трудности научной разработки этих понятий, на практике для сотрудников правоохранительных органов используются только юридические термины, закрепленные в уголовном законодательстве, т.к. одной из гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина является соблюдение принципа законности, согласно положению которого признание деяния преступлением, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом (ст. 4 УК РФ).

¹ См.: Пункт 2 примечания ст. 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В связи с этим Л.К. Сыдыкова подчеркивает, что «любые составы преступления, в том числе экстремистского характера, должны быть точно прописаны в Уголовном кодексе» [19, с. 85].

На сегодняшний день в УК РТ самостоятельной статьи под названием «экстремизм» не существует, и в ст. 307¹, 307², 307³ УК РТ для выявления преступной природы экстремистских действий законодатель использует понятия «преступления экстремистской направленности», «экстремистская деятельность», «экстремистское объединение» и «экстремистская организация». Однако отличительные черты этих понятий в УК РТ также отражены не в полной мере.

Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 г. № 1655 определяет термины «экстремизм», «экстремистская деятельность» и другие, схожие с ними термины, но эти понятия также не включают в себя перечень всех конкретных действий, присущих преступлениям экстремистского характера.

Из содержания диспозиции ст. 307² УК РТ (Организация экстремистского сообщества) вытекает, что преступлениями экстремистской направленности признаются деяния, предусмотренные ст. 157 (Воспрепятствование деятельности религиозной организации), 158 (Воспрепятствование деятельности политических партий и общественных объединений), 160 (Нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, пикетирований и уличных шествий), 185 (Организация незаконного вооруженного формирования), 189 (Разжигание социальной, расовой, национальной, региональной, религиозной (конфессиональной) вражды или розни), 237 (Хулиганство), 237¹ (Вандализм), 242 (Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры), 243 (Надругательство над телами умерших и местами их захоронения).

То есть за организацию экстремистского сообщества человека можно привлечь к уголовной ответственности по ст. 307² УК РТ лишь в том случае, если целью организации такого сообщества будет являться совершение деяний, предусмотренных в вышеперечисленных статьях. Однако если виновное лицо будет привлечено к ответственности за совершение или покушение на совершение преступлений, предусмотренных, например, ст. 307, 307¹, 307³, 307⁴ УК, то по статье 307² оно привлекаться не будет, т.к. перечень преступлений экстремистской направленности этой статьи в силу своей неоднозначности и несовершенства в ходе применения норм уголовного закона будет рассматриваться в пользу обвиняемого (подсудимого, осужденного) (ч. 1 ст. 11¹ УК РТ). Частью 2 этой статьи предусмотрено, что термины и (или)

понятия, используемые в кодексе, имеют такое же значение, какое они имеют в соответствующих законах, если иное не предусмотрено Уголовным кодексом.

Также в соответствии с требованиями п. 13 Концепции уголовно-правовой политики Республики Таджикистан от 2 ноября 2013 г. № 492 «Уголовный кодекс Республики Таджикистан должен содержать исчерпывающий, минимально необходимый и достаточный перечень деяний, признаваемых преступлениями, противодействие которым не может быть эффективно осуществлено средствами законодательства иной отраслевой принадлежности» [10]. Однако в УК РТ признаки «экстремистской деятельности», «преступлений экстремистской направленности», «экстремистские сообщества» отражены не в полной мере, а в Законе РТ «О борьбе с экстремизмом» упомянутые понятия толкуются достаточно широко.

Например, в действующем законодательстве ст. 185 УК РТ признает деяние в качестве преступления террористического характера [13], в диспозиции же ст. 307² УК РТ (Организация экстремистского сообщества) данное деяние признано преступлением экстремистской направленности, однако оно не может носить одновременно как террористический, так и экстремистский характер, т.к. в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 11¹ УК РТ придание в рамках уголовного законодательства разных значений одинаковым формулировкам запрещено. Социологический опрос, проведенный нами среди 250 практических сотрудников правоохранительных органов, показал, что 52,4% опрошенных считают деяние, предусмотренное ст. 185 УК РТ, преступлением террористического характера, 31,6% респондентов уверены в экстремистской направленности данного деяния, остальные же 16% уверены в его экстремистско-террористической природе.

С.В. Борисов справедливо указывает, что в понятие «экстремистская деятельность» не следует включать действия, связанные с террористической деятельностью, т.к. эффективное противодействие таким социально-правовым явлениям на законодательном уровне требует уточнения и дифференциации. Это связано с тем, что правовые меры выявления и предотвращения этих деяний различны [6, с. 16]. Аналогичного мнения придерживаются и некоторые другие ученые [17, с. 110-119]. Например, М.В. Ульянов пишет, что в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114 термины «экстремистская деятельность» и «экстремизм» являются синонимами, а действия в отношении них влекут за собой как уголовную, так и административную ответственность. При этом одной из целей экстремистской деятельно-

сти является осуществление террористической деятельности, поэтому в законодательстве правовое различие этих деяний должно быть четким [22, с. 41].

С.В. Борисов под термином «экстремистская деятельность» признает виды противоправной деятельности, отрицающие основы конституционного строя и включающие в себя совершение преступных действий, таких как насильственное изменение конституционного строя, захват власти, возбуждение в обществе ненависти или вражды по расовым, национальным или религиозным признакам. Также ученый отмечает, что в понятие «преступления экстремистского характера» следует включать преступные действия, совершающиеся по мотивам ненависти, т.е. в целях возбуждения неприязни или вражды по признаку расы, национальности, религии. Однако конкретный перечень таких преступлений должен быть установлен на законодательном уровне [6, с. 16].

Следует отметить, что в понятие «экстремистская деятельность», представленное в предыдущем Законе РТ «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г. № 69 [14], содержание ст. 157 (Воспрепятствование деятельности религиозной организации), 158 (Воспрепятствование деятельности политических партий и общественных объединений), 160 (Нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, пикетирований и уличных шествий), 242 (Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры), 243 (Надругательство над телами умерших и местами их захоронения), признанных в диспозиции ст. 307² УК РТ в качестве преступлений экстремистской направленности, включены не были.

Новый Закон РТ «О противодействии экстремизму» частично устраняет это несоответствие, включив в ст. 3 содержание ст. 157, 158 УК РТ, признавая деяния экстремистскими проявлениями, при этом содержание ст. 150, 309 и 328 УК РТ причислили к преступлениям экстремистской направленности, хотя некоторые из них (ст. 309 УК РТ) таковыми не являются. Однако ст. 160, 237, 237¹, 242, 243 УК РТ, по сути, являющиеся чисто экстремистскими явлениями, в данном законе оными не признаны, при том, что в ст. 307² УК РТ действия, предусмотренные этими нормами, признаны преступлениями экстремистской направленности.

Как отмечает С.В. Борисов, «соответствие нравственных и уголовно-правовых норм в сфере борьбы с преступлениями экстремистской направленности может быть достигнуто только в том случае, если «...в законе составы таких преступлений будут определены четко, точно и лаконично» [6, с. 98].

В связи с неполным перечнем преступлений экстремистского характера, с учетом научно обоснованного мнения исследователей [9; 15, с. 214-215; 5, с. 11] законодатель Российской Федерации в пункте 2 примечания статьи 282¹ УК РФ закрепил понятие «преступления экстремистской направленности», в соответствии с которым под такими преступлениями понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части кодекса и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ [21] (соответствующей п. «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ).

В этой связи следует отметить, что любое преступление, совершенное по экстремистским мотивам, может носить экстремистский характер. Однако при назначении уголовного наказания преступные деяния, в диспозициях которых экстремистские мотивы установлены как обязательные, требования пункта «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (соответствующий п. «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ) учитываться не должны. Это связано с тем, что человек за свое преступление может быть привлечен к уголовной ответственности лишь единожды. Решение этой проблемы нашло свое отражение в ч. 3 ст. 62 УК РТ, которая гласит, что «если обстоятельство, указанное в ч. 1 настоящей статьи, предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса в качестве признака преступления, суд не может повторно учитывать его как обстоятельство, отягчающее наказание».

Такое законодательное утверждение совпадает с мнением исследователей советского периода М.Д. Шаргородского и Н.Б. Алиева, которые считали, что отягчающие ответственность обстоятельства, установленные Общей частью Уголовного кодекса, не должны учитываться при применении уголовных наказаний к преступным деяниям с отягчающими обстоятельствами, предусмотренными Особенной частью УК [26, с. 39; 3, с. 43].

С.В. Борисов и А.В. Жеребченко отмечают, что с учетом требований прим. 2 ст. 282¹ и ч. 1 ст. 63 УК РФ (соответствующих п. «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ) в качестве преступлений экстремистской направленности следует рассматривать любые преступления, совершенные по экстремистским мотивам [5, с. 11].

С учетом вышеуказанных требований к преступлениям экстремистской направленности ученые причислили преступления, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ (соответствующий п. «м» ч. 2 ст. 104 УК РТ), п. «е» ч. 2 ст. 111 УК

РФ (соответствующий п. «м» ч. 2 ст. 110 УК РТ), п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ (соответствующий п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РТ), п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ (соответствующий ст. 112 УК РТ, в которой экстремистские мотивы не установлены), п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ (соответствующий ст. 116 УК РТ экстремистские мотивы не установлены), п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РТ (соответствующий п. «ж» ч. 2 ст. 117 УК РТ), ч. 2 ст. 119 УК РФ (соответствующая ст. 120 УК РТ, экстремистские мотивы не установлены), п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ (соответствующий ст. 237 УК РТ, экстремистские мотивы не установлены), ч. 2 ст. 214 УК РФ (соответствующая ст. 237¹ УК РТ, экстремистские мотивы не установлены), ст. 243 УК РФ (соответствующая ст. 242 УК РТ), п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РТ (соответствующий п. «б» ч. 2 ст. 243 УК РТ), ст. 280 УК РФ (соответствующая ст. 307¹ УК РТ), ст. 282 УК РФ (соответствующая ст. 189 УК РТ), ст. 282¹ УК РФ (соответствующая ст. 307² УК РТ), ст. 282² УК РФ (соответствующая ст. 307³ УК РТ).

По мнению Д.И. Леньшина, в группу преступлений экстремистской направленности желательным является включение ст. 136 УК РФ, т.е. нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (соответствующая ст. 143 УК РТ) [11, с. 50]. Другие исследователи – Х.С. Сафарзода и Е.П. Сергун – считают, что заслуживает внимания также вопрос о включении в перечень преступлений экстремистской направленности преступления геноцид – ст. 398 УК РФ (соответствующая ст. 357 УК РТ), т.к. данное преступление совершается именно по экстремистским мотивам [17, с. 114-119; 18, с. 52]. Также в эту группу, в силу особенностей действующего уголовного законодательства Республики Таджикистан, возможно включение ст. 307 и 307⁴ УК РТ.

По нашему мнению, несмотря на то, что законодатель в качестве обязательных элементов в ряде преступлений экстремистской направленности не определил экстремистских мотивов, однако при назначении уголовных наказаний за такие деяния (если они совершены по экстремистским мотивам), необходимо применять требования пункта «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в ч. 1 ст. 307² УК РТ деяния, предусмотренные некоторыми нормами, их частями или пунктами, которые совершаются по национальным, расовым, религиозным мотивам и мотивам мести (например, п. «м» ч. 2 ст. 104, п. «м» ч. 2 ст. 110, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 117, ч. 1 ст. 143 и ст. 307, 307¹, 307³, 307⁴, 398 УК), в качестве деяний экстремистской направленности не признаны, при том что другие нормы, в кото-

рых экстремистский мотив не является обязательным признаком (например, ст. 160, 185, 188, 237, 237¹ и 242 УК РТ), в диспозиции ст. 307² УК РТ предусмотрены как деяния экстремистской направленности [24, с. 211].

Отсутствие экстремистских мотивов в диспозиции этих статей как отягчающего обстоятельства уголовного наказания означает, что любое деяние, совершенное по этим статьям, должно быть признано преступлением экстремистского характера. Однако если эти действия совершены только из хулиганских побуждений, зависти или корыстолюбия, то признание их преступными деяниями экстремистского характера нецелесообразно.

С учетом вышесказанного, на наш взгляд, в настоящее время в Уголовном кодексе Республики Таджикистан представлено 20 составов преступлений экстремистской направленности (п. «м» ч. 2 ст. 104, п. «м» ч. 2 ст. 110, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 117, ст. 143, 157, 158, 160, 188, 189, 237, 237¹, 242, 243, 307, 307¹, 307², 307³, 307⁴ и 398 УК РТ).

При этом следует отметить, что любые преступления против личности могут совершаться по экстремистским мотивам, однако мы не являемся сторонниками расширения этого перечня, т.к. судебная практика показывает, что в большей степени преступления экстремистского характера, которые связаны с распространением идеологии и насильственными действиями, имея организованный характер, выражаются в распространении экстремистской идеологии и публичных призывах к разжиганию религиозной, национальной, расовой и политической ненависти. В основном, экстремисты хотят увеличить число своих сторонников путем публичных и тайных призывов. При благоприятных условиях по экстремистским мотивам совершаются убийства, террористические акты, умышленное причинение телесных повреждений и т.п., которые квалифицируются в соответствии с их прямым объектом по соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан, при этом экстремистский мотив этих деяний признается отягчающим обстоятельством уголовной ответственности.

Напомним, что в соответствии со ст. 11 УК РТ, «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Республики Таджикистан». Поэтому применение норм уголовного закона только тогда считается правомерным, если состав преступления, предусмотренного статьями Особенной части УК РТ, полностью соответствует составу фактического деяния, совершенного лицом.

Литература

1. Абдухамитов В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: уголовно-правовые, криминологические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 2016.
2. Авдулов Н.С. Составление геополитического атласа Северного Кавказа: методологические проблемы // *Философия права*. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2002. № 2.
3. Алиев Н.Б. Повторность и рецидив преступлений по советскому уголовному праву: учебное пособие. Махачкала: Изд-во Даг. гос. ун-та, 1978.
4. Бешукова З.М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.
5. Борисов С.В., Жеребченко А.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие / отв. ред. и предисл. засл. деят. науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Ветерова. М.: Волтерс Клувер, 2011.
6. Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
7. Воронцов С.А. Понятие экстремизма и его существенные признаки // *Философия права*. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2007. № 4.
8. Долгова А.И. Подходы к пониманию экстремизма и его отражение в российском законодательстве // *Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор*. М.: «РКА», 2009.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М., 2008.
10. Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан от 2 ноября 2013 г. № 492 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.
11. Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
12. Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
13. О борьбе с терроризмом: закон Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г. № 845 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1999. № 11. Ст. 275; 2005. № 3. Ст. 116; 2007. № 5. Ст. 355; 2008. № 10. Ст. 802; 2012. № 8. Ст. 816; 2013. № 6. Ст. 407; 2014. № 11. Ст. 647; Ст. 648; 2015. № 12. Ч. 1. Ст. 1112.
14. О борьбе с экстремизмом: закон Республики Таджикистан от 8 декабря 2003 г. № 69 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2003. № 12. Ст. 697; 2007. № 3. Ст. 158 (утратил силу).
15. Павлинов А.В. Антигосударственный экстремизм и псевдоэкстремизм: с чем следует бороться // *Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью*. Первые Кудрявцевские чтения (10 апреля 2008 г.): сб. науч. тр. / науч. ред. С.В. Максимов. М.: ИГП РАН, 2009.
16. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4.
17. Сафаров Х.С. Соотношение определений «террористическая деятельность» и «экстремистская деятельность» в законодательстве Республики Таджикистан // *Труды Академии*. Душанбе: «Эр-Граф», 2011. № 1 (15).
18. Сергун Е.П. Экстремизм в Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учебное пособие / под. ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005.
19. Сыдыкова Л.Ч. Борьба с экстремизмом в Кыргызстане: проблемы законодательного регулирования // *Вестник КРСУ*. 2016. Т. 16. № 6.
20. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 // Ахбори Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998. № 9. Ст. 68, Ст. 69; № 22 Ст. 306 (Закон РТ от 20.04.2021 № 1776).
21. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Ульянов М.В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
23. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

24. Хайдарзода М.П. Понятие преступлений экстремистской направленности в уголовном законодательстве Республики Таджикистан и Российской Федерации (на тадж. яз. – Мафҳуми ҷиноятҳои ҳусусияти экстремистидошта дар қонунгузори ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Россия // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. Душанбе: Типография Таджикского национального университета, 2017. № 2 (5). Ч. 2.

25. Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. Саратов: Изд-во Саратовского юрид. ин-та МВД России, 2007.

26. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву: монография. М.: «Госюриздат», 1958.

Христова Наталья Алексеевна

Помощник начальника института
(по международному сотрудничеству),
кандидат филологических наук
Барнаульский юридический институт МВД России

Khristova Natalia

Candidate of Philological Sciences,
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

USING OF THE RESULTS OF LINGUISTIC EXAMINATIONS IN THE QUALIFICATION OF PUBLIC CALLS TO CARRY OUT EXTREMIST ACTIVITIES

Квалификация составов преступлений экстремистской направленности с использованием результатов лингвистических экспертиз проводится по ряду составов. В данной статье мы остановимся на публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности. Согласно статье 280 УК РФ запрещены призывы к какому-либо действию, подпадающему под определение экстремизма и указанному в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3].

Исходя из положений вышеуказанной нормы Закона, экстремистская деятельность предполагает совершение активных действий, целью которых является возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, подрыв безопасности Российской Федерации и другие цели.

Согласно пункту 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о пре-

ступлениях экстремистской направленности» под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности [4].

В этом же постановлении Пленума Верховного Суда РФ четко указано: «При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности,

направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды» [4].

Задачей лингвистической экспертизы является исследование устных и письменных текстов для решения задач смыслового понимания текстов и определения в них криминалистически значимой информации, выраженной в речевой форме. Целью судебной лингвистической экспертизы ни в коем случае не может быть квалификация преступления. Таким образом, при производстве лингвистической экспертизы не дается филологическая оценка деяния в целом, а анализируются лишь языковые составляющие текста.

Одним из главных проблемных моментов в данном процессе является соотнесение юридического и лингвистического понятийного аппаратов. Важно учитывать, что от точности формулировки вопроса будет зависеть качество и результативность экспертного исследования и дальнейшая эффективность его применения при расследовании преступления.

Типовые вопросы, которые ставятся перед экспертом в связи с этим при назначении экспертизы или исследования по делам о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности:

1. Имеются ли в представленных материалах признаки побуждения, в т.ч. в форме призыва, к осуществлению враждебных (связанных или не связанных с насилием) действий в отношении группы лиц, объединенных по национальному, религиозному или иному признаку?

2. Имеются ли в представленных материалах высказывания, содержащие признаки побуждения к насильственному захвату власти в Российской Федерации?

3. Имеется ли в представленных материалах побуждение к ограничению участия лиц в зависимости от их национальной, религиозной, расовой принадлежности в замещении должностей в органах власти?

4. Содержатся ли в представленных материалах лингвистические и психологические признаки побуждения (в т.ч. в форме призыва) к каким-либо действиям (в т.ч. насильственным, дискриминационным) против какой-либо группы, выделенной по национальному, религиозному и другим признакам, или ее представителей?

5. Содержатся ли в представленных материалах лингвистические и психологические признаки побуждения (в т.ч. в форме призыва) к каким-либо разрушительным действиям?

6. Содержатся ли в представленных материалах лингвистические и психологические признаки угрозы применения насилия [5, с. 18]?

Очень важным моментом в методике проведения лингвистической экспертизы является направление анализа «от текста», т.е.

только через информацию, выраженную средствами языка. Эксперт не должен обосновывать свои выводы анализом информации, полученной из законов и других нормативных документов, своего жизненного опыта, объяснений участников, обстоятельств дела и т.п.

Так, эксперт-лингвист выявляет высказывания, в которых содержатся призывы к враждебным (насильственным) действиям по отношению к каким-либо лицам на основании их принадлежности к какой-нибудь расе, национальности, религии или к какой-нибудь другой группе.

В юридической литературе указывается, что призыв – это обращение к другим лицам, воздействующее на сознание и волю людей с целью побудить их к осуществлению деятельности [2].

Слово «призыв» в современном русском языке является многозначным. Если проанализировать ряд словарных дефиниций, то можно увидеть, что в состав каждой входят несколько интегральных и дифференциальных компонентов. Наличие интегральных компонентов определяется присутствием в составе дефиниций следующих элементов:

1) обращение, требование, просьба, лозунг, мольба, приглашение;

2) набор в армию;

3) молодые люди, которых набирают для срочной службы в армию в данное время.

Для нас интересна первая группа компонентов. Кроме того, для юридической практики представляется важным обратить внимание на дефиниции, представленные в Толковом словаре Д.В. Дмитриева: «Короткое обращение к людям (устное или на письменное) с политическими требованиями или лозунгами, требованиями»; и в Толковом словаре С.И. Ожегова: «Политический лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую политическую идею, требование».

Нельзя считать призывами обращения к заведомо узкому кругу лиц. Это могут быть призывы, например, к членам семьи, к друзьям и другому узкому кругу слушателей, когда общественная опасность таких призывов резко снижается [1]. Призывы должны иметь публичное выражение.

Преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, признается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет.

Вопрос о публичности призывов должен решаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к

группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п.).

Все это показывает, что существует ряд проблем теоретического и практического характера, связанных с затруднениями в работе инициаторов

лингвистических исследований (следователей, дознавателей и др.) с лингвистической терминологией, ее оценкой с точки зрения юриспруденции, в толковании результатов судебной лингвистической экспертизы, определении совокупности юридически значимых признаков по результатам экспертных исследований.

Литература

1. Быков В.М. Постановление Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: научный комментарий // Право и политика. 2011. № 9.
2. Галахова А.В. Оценочные признаки в Уголовном кодексе РФ. М., 2014.
3. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Российская газета. 2011. 4 июля. № 142.
5. Судебная экспертиза по делам об экстремизме: справочник для судей, следователей, прокуроров, дознавателей, оперуполномоченных, адвокатов, правозащитников / авт.-сост.: О.Н. Матвеева, Н.В. Вязигина, М.М. Градусова, А.А. Королев, Р.Ю. Ракитин, И.В. Хухра, Я.Ю. Шашкова; под общ. ред. к.ф.н. О.Н. Матвеевой. Барнаул: Новый формат, 2016.

Цао Фей

Юридический факультет
Синьцзянская полицейская академия КНР
Урумчи, Синьцзян

Cao Fei

Faculty of Law

Xinjiang Police Academy of of the People's Republic of China,
Urumqi, Xinjiang

О БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ABOUT COMBATING TERRORISM AND ADMINISTRATIVE LEGISLATION

В антитеррористическом законодательстве административное право должно занимать центральное место как с точки зрения превентивной функции борьбы с терроризмом, так и с точки зрения определения целей, средств и правовых отношений, которые оно регулирует. Специальные правовые формы борьбы с терроризмом в целях повышения эффективности предупреждения терроризма и борьбы с ним могут привести к чрезмерному расширению полномочий государственной власти. Поэтому для обеспечения ос-

новных прав человека деятельность по борьбе с терроризмом должна осуществляться в соответствии с установленными законом нормами, такими как принципы цели, пропорциональность и т.д., а также с необходимыми ограничениями в отношении целей, методов, процедур и т.д.

Терроризм, который характеризуется кровавой и насильственной деятельностью, является бедствием, которое поражает человеческое общество, сеет хаос и нестабильность во всем мире. Террористы преследуют определенные политиче-

ские цели, направленные на то, чтобы внушить страх общественности. Террористические акты приводят к значительным человеческим жертвам и материальному ущербу.

В международном сообществе сложился общий консенсус в отношении того, что терроризм и экстремизм под влиянием новых научно-технических и социальных идей XXI в. превратились в одну из главных угроз развитию мира, а также для безопасности жизни и имущества народов. Решительная борьба с терроризмом и противодействие экстремизму – это общая ответственность международного сообщества, необходимая для обеспечения прав человека.

Являясь одним из ответственных членов международного сообщества, китайское правительство активно поддерживает ведущую и координирующую роль Организации Объединенных Наций в международном сотрудничестве в борьбе с терроризмом, твердо придерживается принципов Устава Организации Объединенных Наций и других норм международного права, поддерживает ряд резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом и решительно выступает за полное осуществление Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций.

Китай присоединился к большинству международных контртеррористических соглашений, таких как Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма и Международная конвенция о борьбе с захватом заложников.

В рамках Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС) Китай подписал Шанхайскую Конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, договор о сотрудничестве государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Конвенцию Шанхайской организации сотрудничества о борьбе с терроризмом, Конвенцию Шанхайской организации сотрудничества о борьбе с экстремизмом и программу сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2019-2021 гг. Договоры государств – членов Шанхайской организации сотрудничества и плана действий Исламской Республики Афганистан по борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью. В рамках двусторонних и многосторонних механизмов борьбы с терроризмом проводятся совместные антитеррористические учения, пограничные операции, борьба с киберпреступностью «трех сил зла», обеспечивается безопасность

крупных международных операций, производится обмен информацией, сотрудничество судебных органов и т.д.

Закон Китайской Народной Республики о борьбе с терроризмом (далее именуемый Законом о борьбе с терроризмом) был принят 27 декабря 2015 г. Постоянным комитетом 12-го всекитайского собрания народных представителей на его восемнадцатом совещании. Председатель КНР Си Цзиньпин подписал указ председателя КНР № 36, опубликованный 1 января 2016 г., утвердивший закон. Данный закон является первым всеобъемлющим и систематизированным правовым документом, регулирующим контртеррористическую деятельность в нашей стране, и основным законом о борьбе с терроризмом.

В настоящее время Закон о борьбе с терроризмом и Уголовный кодекс Китайской Народной Республики, Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики, Закон Китайской Народной Республики о борьбе с чрезвычайными ситуациями, Закон Китайской Народной Республики о борьбе с отмыванием денег, Закон Китайской Народной Республики о народной полиции и другие законы и административные акты образуют правовую систему борьбы с терроризмом.

На местном уровне на основе практики борьбы с терроризмом в ряде провинций и районов в соответствии с конституцией была начата разработка мер по созданию законодательства о борьбе с терроризмом, в частности в Синьцзяне, Чжэцзяне и Хунане. Вышеупомянутая правовая система свидетельствует о том, что в нашей стране формируется комплексная антитеррористическая правовая структура, сочетающая в себе централизованную связь, заблаговременное предупреждение и последующее преследование, включающие в себя целый ряд элементов исполнительной власти и построенные на основе Закона о борьбе с терроризмом.

Функция обычно означает позитивную роль, эффективность предмета или метода. Функция административного права означает роль и эффективность, связанные с регулированием административно-правовых отношений. Функция административного права может быть проанализирована как на социальном, так и на нормативном уровнях. Что касается анализа функционального уровня общества, то влияние и роль административного права в регулировании административно-правовых отношений, которые меняются и развиваются по мере развития общества, являются значительными. Нормативные функции административного права при этом являются статичными в том, что касается анализа нормативных аспектов.

Терроризм и экстремизм бросают вызов справедливости и достоинству человека, подры-

вают мир и безопасность и создают серьезную угрозу правам человека и устойчивому развитию. Борьба с терроризмом и его искоренение являются как глобальными, так и региональными проблемами. На протяжении многих лет страны или регионы активно изучают конкретные пути и средства борьбы с терроризмом и экстремизмом и их предотвращения в сочетании с собственной практикой.

Опираясь на опыт борьбы с терроризмом, накопленный международным сообществом, Китай активно выполняет резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций (60/288) и привержен делу «ликвидации условий распространения терроризма, его предотвращения и борьбы с ним». Синьцзян, опираясь на практику региона, углубленно развертывает борьбу с терроризмом и экстремизмом, продвигает идею о том, чтобы «бороться одной рукой, а другой – предотвращать». В соответствии с Законом необходимо строго пресекать насильственные террористические преступления, придавать большое значение ликвидации их источников. В силу специфики этого явления Закон о борьбе с терроризмом наделяет правоохранительные органы более широкими административными полномочиями по борьбе с терроризмом и экстремизмом, в то же время в процессе разработки и осуществления мер по борьбе с терроризмом в полной мере претворяет в жизнь дух контроля, закрепленный в современном административном праве, с тем чтобы лучше реализовать социальную функцию обеспечения прав человека.

Борьба с терроризмом связана с целым рядом социальных коммуникаций и трудно реально бороться с терроризмом только одним способом. Для эффективного реагирования на террористические атаки государства используют в полной мере административные, судебные, дипломатические и военные средства. Борьба Китая с терроризмом и экстремизмом всегда велась на основе верховенства права. Комплексный подход к правовой корректировке может способствовать разделению обязанностей, взаимодействию и взаимопомощи между соответствующими органами, занимающимися борьбой с терроризмом.

В этой связи следует отметить, что в настоящее время в национальном законодательстве Китая по борьбе с терроризмом не содержится какого-либо одного секторального закона, а основное внимание уделяется одному или нескольким секторальным законам, таким как Уголовный и Административный кодексы, с акцентированием особого внимания на их стыковке, и согласованию с другими секторальными законами в це-

лях обеспечения эффективного управления противодействия терроризму.

В связи с катастрофическими последствиями террористических актов главная задача борьбы с терроризмом заключается в том, чтобы предотвратить их до возникновения. Превентивные антитеррористические и антиэкстремистские меры, принимаемые Китаем в Синьцзяне, являются важным вкладом государства в дело борьбы с терроризмом во всем мире и пользуются поддержкой все большего числа членов международного сообщества.

С теоретической точки зрения в современном уголовном праве общепризнано, что наказание за совершение преступления носит ограниченный характер и что в центре антитеррористического законодательства не должно находиться уголовное право. Как говорил Филли, «наказание не является просто средством наказания за совершение преступлений, а ограничивает его сдерживающее воздействие, как это было задумано обществом, которое основывалось на идеях классических криминалистов и законодателей».

В Законе о борьбе с терроризмом уголовное право не должно занимать центральное место, а должно быть последней линией обороны от него. Как утверждают ученые, если сравнить систему контроля за террористической деятельностью с пирамидой, то внизу башни должно быть административное право. Некоторые отечественные специалисты, изучая этот вопрос, пришли к выводу о том, что главное содержание Закона о борьбе с терроризмом должно быть связано с административным правом со стороны сферы охвата субъектов власти и средств корректировки.

Основная цель национальной борьбы с терроризмом заключается в обеспечении основных прав человека и гражданина.

В Венской декларации и Программе действий, принятых в 1993 г. на Всемирной конференции по правам человека в Вене, где впервые был четко сформулирован вопрос о терроризме и правах человека, говорится, что акты, методы и практика терроризма во всех его формах и проявлениях направлены на уничтожение прав человека и основных свобод и что международное сообщество должно принять необходимые меры для укрепления сотрудничества в деле предотвращения терроризма и борьбы с ним.

Впоследствии, начиная с 1994 г., Комиссия Организации Объединенных Наций по правам человека ежегодно принимала резолюции по вопросам о правах человека и терроризме, в которых провозглашалось, что терроризм во всех его формах и проявлениях, независимо от его мотивов, где бы и кем бы он ни совершался, направлен на уничтожение прав человека и является неза-

конным при любых обстоятельствах, даже как средство поощрения и защиты прав человека.

Аварийная административная власть. Слово «аварийный» словарь современного китайского языка интерпретирует как «удовлетворение неотложных потребностей». Исполнительная власть – это деятельность, которая осуществляет управленческие полномочия. Чрезвычайное Управление может быть истолковано как административное управление общественным порядком в условиях чрезвычайного положения. Так называемые чрезвычайные административные полномочия, т.е. полномочия исполнительной власти принимать чрезвычайные меры для быстрого восстановления нормального политического, экономического и социального порядка в случае возможного возникновения или реального возникновения чрезвычайных ситуаций, которые серьезно затрагивают национальные, социальные, коллективные или гражданские интересы страны или региона.

В настоящее время в отношении нормативной базы Чрезвычайных административных полномочий мнения представительных властей, в частности, сводятся к определению суверенной стабильности, доктрине невмешательства, доктрине экстренной самообороны, рациональности государства и т.д.

В 2016 г. в нашей стране был принят Закон о борьбе с терроризмом, в котором четко обозначены цели борьбы с терроризмом «в целях обеспечения национальной безопасности, общественной безопасности и безопасности людей и их имущества».

Национальная безопасность и охрана общественной безопасности являются основополагающими условиями пользования и осуществления прав и свобод людей. Национальная Контртеррористическая политика и меры разрабатываются в соответствии с требованиями активной административной деятельности и гарантий прав в социальной сфере современного административного права.

Террористические преступления имеют более сложный социальный контекст, чем уголовные. Они тесно связаны с политической историей, социальной культурой, национальной религией и т.д. С учетом особого характера отношения международного сообщества к данной проблеме в целом признается, что для эффективного укрепления потенциала в области борьбы с терроризмом необходимо проводить особую политику и принимать специальные меры, но при этом следует соблюдать основные принципы административного права в процессе их практического осуществления.

Принцип законности. Борьба с терроризмом должна вестись в соответствии с принципа-

ми законности, а контртеррористическое законодательство должно быть нацелено на обеспечение его соответствия Конституции и не должно ограничиваться лишь борьбой с терроризмом без учета гарантий в области прав человека, а его положения – предусматривать сохранение баланса и ограничений между ними. Для того чтобы строго соблюдать принцип неиспользования «неправомерных действий, противоречащих закону», меры по борьбе с терроризмом, выходящие за правовые рамки, должны быть запрещены, контртеррористическая деятельность должна быть интегрирована в верховенство права, а требования по обеспечению главенства права в борьбе с терроризмом должны соблюдаться. В Законе о борьбе с терроризмом в ст. 1 и 6 четко обозначена основополагающая связь между борьбой с терроризмом и гарантиями прав человека в нашей стране, определяется направление защиты прав человека в рамках борьбы с терроризмом, а также закреплена основополагающая дух гарантий прав человека в целом. Так, например, в ст. 15 Закона о борьбе с терроризмом говорится, что организации и лица, занимающиеся террористической деятельностью, имеют право ходатайствовать о пересмотре решения о признании их виновными. В статье 48 говорится о том, что руководящие органы, соответствующие департаменты и подразделения, а также отдельные лица, занимающиеся борьбой с терроризмом, должны сохранять конфиденциальность информации о государственной тайне, коммерческой тайне и личной жизни, которая становится им известна в ходе выполнения своих обязанностей и обязанностей по борьбе с терроризмом. Лица, нарушающие требования о неразглашении государственной, коммерческой и личной тайны, несут ответственность по закону. В статье 78 предусматривается, что компенсация должна предоставляться в соответствии с законом за ущерб, причиненный интересам соответствующих организаций и лиц в результате осуществления контртеррористических мероприятий. В статье 96 предусматривается, что соответствующие органы и лица могут обжаловать административные санкции и административные принудительные меры в соответствии с законом и т.д.

Принцип пропорциональности. Принцип пропорциональности является важным принципом административного права, который означает, что административные действия, осуществляемые административным субъектом, должны обеспечивать баланс между достижением целей и защитой прав и интересов контрагентов, а если достижение административных целей может иметь негативные последствия для прав и интересов контрагентов, такие негативные последствия должны быть ограничены по возможности мини-

мальными рамками и быть пропорциональными. Принцип пропорциональности, основанный на балансе правовых интересов и направленный на сохранение и развитие в конечном счете гражданских прав, является важным принципом административного права, регулирующим осуществление дискреционных полномочий.

Борьба с терроризмом должна также осуществляться в соответствии с принципом пропорциональности, и меры по борьбе с терроризмом должны способствовать достижению целей борьбы с терроризмом, которые необходимы для осуществления контртеррористических мер, а ограничения или ущерб гражданским правам должны быть сведены к минимуму и не должны приводить к нанесению более значительного

ущерба, чем те, которые имеются в распоряжении общества. Требования принципа пропорциональности закреплены во многих положениях Закона о борьбе с терроризмом, например, в п. 4 ст. 53 Закона о борьбе с терроризмом, предусматривающем, что меры, которые не требуют дальнейшего принятия, должны быть отменены своевременно. В главе «Меры реагирования» в ст. 60 говорится, что ряд положений, таких как «меры реагирования на террористические акты, приоритетное внимание должно уделяться защите лиц, непосредственно подвергающихся угрозе террористической деятельности и угрожающих их физической безопасности», представляют собой конкретное воплощение и применение принципа пропорциональности.

Шидемов Азамат Гарифулаевич

Старший научный сотрудник

Научно-исследовательский центр

Алматинской академии МВД Республики Казахстан

имени Макана Есбулатова

Shidemov Azamat

Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs

of the Republic of Kazakhstan named after Makan Yesbulatov

ЭКСТРЕМИЗМ: СОСТОЯНИЕ БОРЬБЫ С НИМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

EXTREMISM: THE STATE OF THE FIGHT AGAINST IT IN THE MODERN WORLD

В странах Западной Европы и Америки за почти полувековую историю существования антиэкстремистской государственной политики общество уже пришло к определенному согласию по вопросу участия государства в процессе противодействия экстремизму. Юридическим оформлением этого согласия является существующая в зарубежных странах антиэкстремистская законодательная база.

Анализ зарубежного уголовного законодательства показал, что в национальном законодательстве установлены уголовно-правовые запреты на экстремистскую деятельность, которые содержат достаточно серьезное наказание за совершение соответствующих противоправных деяний. В ряде зарубежных стран соответствующие нормы имеют конституционный статус.

Так, в ст. 104 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики за организацию, планирование и практическое участие в вооруженном мятеже или вооруженном бунте, осуществленные зачинщиками или лицами, совершившими тяжкие преступления, установлено бессрочное лишение свободы или лишение свободы на срок свыше 10 лет [5, с. 25].

Уголовный кодекс Японии в гл. 2 «Преступления, относящиеся к внутреннему восстанию» устанавливает ответственность лиц, совершивших мятежные действия с целью свержения правительства или отторжения японской территории и иного посягательства на Конституцию Японии (ст. 77), осуществивших приготовление или заговор для совершения внутреннего восстания (ст. 78). Главари наказываются смертной казнью или бессрочным тюремным заключением, а лица,

участвующие в совещании о восстании или руководившие толпой, – бессрочным тюремным заключением или тюремным заключением на срок не ниже трех лет [8, с. 66-68].

По сравнению с общеуголовными деяниями репрессивностью отличаются нормы Уголовного кодекса Франции об уголовной ответственности за участие в восстании, под которым понимается «любое коллективное насилие, способное поставить в опасность республиканские институты государственной власти или причинить вред целостности национальной территории» (ст. 412-3 УК) [1, с. 111-112].

Санкции норм Уголовного кодекса Польши, предусматривающие ответственность лиц, которые, имея своей целью лишение независимости, отделение части территории или насильственное изменение конституционного строя Республики Польша, предпринимают в сговоре с другими лицами деятельность, непосредственно направленную на осуществление этой цели, предусматривают лишение свободы на срок не менее 10 лет, на срок 25 лет либо пожизненное заключение [6, с. 114-115].

Весьма подробно регламентирована ответственность за проявления экстремистской деятельности в уголовном законодательстве Турции. Уголовно-правовые последствия предусмотрены за действия, направленные «на передачу всей территории государства либо ее части под власть иностранного государства, или на ограничение суверенитета, или нарушение целостности государства, или на отделение его территории от государственного управления» (ст. 125); применение «против государства оружия» (ст. 126); «сговор с иностранцем в целях... осуществления враждебных актов против Турции» (ст. 127); повреждение дорог, сооружений, переданных «на нужды вооруженных сил государства, даже если их строительство не завершено» (ст. 131); раскрытие сведений, «опубликование или разглашение которых запрещены уполномоченными органами» (ст. 137); «оскорбления и ругательства» в адрес президента Турции (ст. 158). В данном контексте интерес представляет положение, предусмотренное ст. 126 УК Турции, согласно которому «политические группы, считающиеся воюющими сторонами, если даже они не признаны государствами со стороны Турции, рассматриваются как государства, находящиеся в состоянии войны с Турцией» [2, с. 46].

Научный и практический интерес представляет законотворческий опыт Германии, согласно уголовному законодательству которой наказанию в виде лишения свободы до трех лет и крупному штрафу подлежат лица, оскорбляющие религиозные чувства верующих, а также лица, препятствующие отправлению религиозных обрядов,

культов, если такие действия вызывают нарушение общественного порядка [7, с. 124]. Аналогичные положения содержат уголовно-правовые нормы Израиля. Например, статья 173 предусматривает уголовные санкции за распространение материала, который наносит грубое оскорбление религиозным чувствам других людей либо грубо оскорбляет их веру. Сходное содержание имеет норма ст. 170 рассматриваемого Закона, которая определяет преступными действия, совершенные «с намерением посрамить веру» [3, с. 221].

В законодательстве ряда государств акцент сделан на пресечение и предупреждение деятельности различных организаций экстремистского толка. Так, во Франции в 2001 г. был принят закон «Абу-Пикар» – нормативный акт о противодействии сектам, ущемляющим права человека. Специфика данного закона в том, что он не устанавливал какие-либо запреты на существование сект, но конкретизировал уголовные последствия для преступного поведения физических лиц и организаций. При условии выдвижения в отношении последних уголовных обвинений рассматриваемый Закон установил возможность ликвидации соответствующего объединения.

Данный Закон криминализировал новые преступные деяния, одновременно ужесточив санкции в уже существующих составах преступлений, в частности: покушение умышленное или неумышленное на жизнь, физическую или психическую целостность человека; деяния, подвергающие опасности человека, покушение на его свободы, достоинство; деяния, подвергающие опасности несовершеннолетних и покушение на собственность; нелегальная медицинская или фармацевтическая практика; распространение каким бы то ни было способом посланий, предназначенных для молодежи, и реклама в какой бы то ни было форме юридического лица, целями и деятельностью которого являются создание, поддержка или использование психологической или физической зависимости лиц, участвующих в этом.

В целом специальные нормативно-правовые акты антиэкстремистского характера зарубежных государств, как и уголовное законодательство в рассматриваемой сфере, характеризуются тенденцией к ужесточению ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности.

Так, согласно Закону Италии «О срочных мерах по охране демократического порядка и общественной безопасности» 1980 г. акты терроризма являют собой государственные преступления, за которые назначаются максимальные санкции. Положения указанного акта применяются наряду с нормами уголовного закона Италии, но если будет доказана террористическая составля-

ющая преступления, то санкция за него увеличивается в два раза по сравнению с общеуголовным общественно опасным деянием. Аналогичным образом срок увеличивается на треть, если деяние направлено против лиц, выполняющих законодательные, судебные или иные служебные обязанности.

В течение последних 30-40 лет нормотворческая деятельность представительных органов США также характеризуется перманентным совершенствованием правовой базы в области противодействия экстремистским проявлениям, имеющим тенденцию к ужесточению санкций за совершение соответствующих деяний. Одним из важнейших этапов в этой деятельности явилось подписание Президентом Соединенных Штатов в апреле 1984 г. директивы Совета национальной безопасности США по борьбе с международным терроризмом № 138. Главной чертой этого документа явилось то, что он устанавливал запрет на любое содействие государствам, причисленным Соединенными Штатами к «террористическим», и преступлений экстремистской направленности, к которым, как отмечено выше, отнесены и иные преступления, содержащие в своих диспозициях такой квалифицирующий признак, как «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

В настоящее время рассматриваемые нами деяния, охватываемые понятием hate speech (буквально «речи ненависти»), или hatred crime («преступления ненависти»), криминализированы во всех странах СНГ и Балтии, Австрии, Албании, Афганистане, Бельгии, Болгарии, Бурунди, Великобритании, Вьетнаме, Германии, Дании, Замбии, Израиле, Индии, Индонезии, Ирландии, Канаде, КНР, Лихтенштейне, Люксембурге, Македонии, Монголии, Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии, Польше, Румынии, Словакии, Словении, Судане, Турции, Уругвае, Финляндии, Франции, Хорватии. В целом следует отметить сходство в практике применения норм, устанавливающих различные виды ответственности за hate speech, в различных государствах (Нидерланды, Франция, Германия, Дания, Канада). Обращает на себя внимание и тот факт, что в законодательстве некоторых стран (Франция, Германия, Дания, Нидерланды) предусмотрена возможность привлечения к ответственности за hate speech даже при отсутствии умысла на осуществление данного деяния. Кроме того, в Швеции и Норвегии к руководству средств массовой информации могут быть применены санкции за публикацию hate speech, даже если оно не разделяет соответствующие взгляды.

Исследуя проблему санкций за совершение «преступлений ненависти», мы отмечаем ужесточение наказания за преступления, совершенные по указанным мотивам. Так, статья 23 Уголовного кодекса Испании признает отягчающим обстоятельством совершение преступления по мотивам расизма, антисемитизма или другим, касающимся этнического или национального происхождения, принадлежности к меньшинствам сексуальной ориентации, идеологии, религии или убеждений потерпевшего [4, с. 18-19]. Аналогично п. 5 гл. 33 УК Австрии предусматривает в качестве особо отягчающего обстоятельства то, что лицо, совершившее деяние, действовало, руководствуясь расистскими, националистическими или другими особо предосудительными мотивами. Также в числе отягчающих обстоятельств, которые должны особо учитываться при назначении наказания, п. 7 гл. 29 УК Швеции признает: «...было ли преступление совершено с целью причинения вреда лицу, этнической группе или другой подобной группе лиц по мотиву расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, религиозных убеждений или других подобных обстоятельств».

Изучение зарубежного законодательства о борьбе с экстремизмом позволяет отметить, что наряду с тенденцией большинства зарубежных стран к ужесточению ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности широко используются нормы, направленные на стимулирование позитивного посткриминального поведения. Так, статья 24 Закона Италии от 1982 г. № 304 «О мерах в защиту конституционного строя» предусматривает возможность смягчения наказания террористам в случае их деятельного раскаяния (выдача сообщников и т.д.). Уголовный кодекс Франции допускает освобождение от наказания лица, пытавшегося совершить террористический акт, если оно, предупредив административные и судебные органы, способствовало предотвращению преступного деяния, а также установлению других виновных (ст. 422-1 УК Франции). На этих же условиях освобождается от наказания и лицо, принявшее участие в заговоре, направленном на совершение преступного посяательства.

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать ряд выводов.

Зарубежный опыт показывает, что во многих государствах уже выработан набор законодательных и иных мер противодействия такому опасному социально-политическому явлению, как экстремизм, и различным формам его проявления. Особый упор при этом делается на формирование законодательной базы, позволяющей обеспечить соблюдение основных прав граждан в условиях внутригосударственных кризисных ситуаций.

Более того, тот же зарубежный опыт подтверждает, что только силовыми методами и одноразовыми акциями проблему преодоления экстремизма не решить. Ведь во многом корни экстремизма скрыты в тех социально-экономических условиях, которые не позволяют человеку обеспечить самые естественные права на труд, отдых, образование, медицинское обслуживание и т.п. От невозможности реализовать эти права определенная часть граждан и идет на различные экстремистские меры или поддерживает экстремистские

проявления, что используют организаторы и активные члены экстремистской деятельности.

Вышеперечисленные обстоятельства вызывают насущную потребность в разработке общегосударственной комплексной программы и системы мер борьбы с экстремизмом, которая предполагает необходимость уяснения его содержания и причин, факторов, способствующих росту числа его проявлений, системы признаков экстремистских действий, а также учета отечественного и зарубежного опыта борьбы с этим явлением.

Литература

1. Крылова Н.Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М., 1996.
2. Сафарова Н., Аджара Х. Уголовный кодекс Турции. М.: Юридический центр Пресс, 2003.
3. Уголовный кодекс государства Израиль. М.: Юридический Центр Пресс, 2003.
4. Уголовный кодекс Испании. М.: Зерцало, 1998.
5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. СПб., 2001.
6. Уголовный кодекс Польши. СПб., 2001.
7. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. М.: Юридический Центр Пресс, 2003.
8. Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002.

Ширшов Алексей Геннадьевич

Преподаватель кафедры управления повседневной деятельностью
Новосибирский военный ордена Жукова институт
имени генерала армии И.К. Яковлева войск
национальной армии Российской Федерации

Shirshov Alexey

Novosibirsk military Institute
named after general of the Army I.K. Yakovlev
of National Guard Troops of the Russian Federation

Живаев Дмитрий Дмитриевич

Курсант
Новосибирский военный ордена Жукова институт
имени генерала армии И.К. Яковлева войск
национальной армии Российской Федерации

Zhivaev Dmitry

Novosibirsk military Institute
named after general of the Army I.K. Yakovlev
of National Guard Troops of the Russian Federation

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РОСГВАРДИИ СОВРЕМЕННЫМ ФОРМАМ И МЕТОДАМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

COUNTERACTION OF THE ROSGUARDIA TO MODERN FORMS AND METHODS OF TERRORISM AND EXTREMIST ACTIVITIES

Значительные изменения в политической, идеологической, военной, социальной, религиозной, экологической и других сферах жизни общества сопровождаются возникновением и развитием возможных конфликтов, которые выступают в качестве фактора, существенно влияющего на состояние комплексной безопасности любого государства. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации одним из источников современных угроз государственной и общественной безопасности называет деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозную экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленную на

нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных интересов [1].

Анализ открытых источников информации свидетельствует о трансформации методов террористической деятельности под влиянием развития в оперативной сирийско-иракской зоне. На фоне военного поражения в Сирии и Ираке лидеры международных террористических организаций (далее – МТО) стремятся перенести террористический потенциал в Афганистан, Ливию, Йемен, Украину и Южную Азию, а также в отдельные страны Африки и Латинской Америки. В качестве

подходящего района ими рассматривается и Центральная Азия.

Основными объектами террористических нападений продолжают оставаться военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, частных охранных фирм, а также представители миротворческих сил Организации Объединенных Наций.

В целом акты терроризма на указанных выше различных объектах ориентируются на дестабилизацию деятельности органов государственной власти, распространение паники среди мирного населения, а также дезорганизацию работы объектов экономики и промышленности с целью склонения официальной власти к принятию выгодных для террористов решений. Относительно новой тенденцией в стремлениях МТО отмечается их активизация по совершению терактов в местах религиозного культа, на объектах туристической отрасли, транспорта и образования. При этом, по мнению российских экспертов, новой формой терроризма становятся попытки нападения на объекты береговой инфраструктуры с применением пловцов-диверсантов, способных минировать порты и захватывать суда, прежде всего, танкеры и газозавозы. В качестве средств совершения актов терроризма используются:

- огнестрельное и холодное оружие, а также взрывные устройства;
- заминированные транспортные средства.

Продолжает наблюдаться тенденция использования в террористических атаках маневренного транспорта (мотоциклов и велосипедов) для быстрой доставки средств террора в труднодоступные точки мест массового скопления людей. Наибольший резонанс получил теракт с заминированным автомобилем в Пакистане (14 февраля 2019 г.), подрыв которого на пути движения военнизированной колонны унёс жизни 45 военнослужащих. Продолжается тенденция использования несовершеннолетних детей в качестве смертников. Так, 17 июня 2019 г. в г. Кондуга (Нигерия) при серии взрывов, осуществлённых тремя несовершеннолетними террористами-смертниками, погибли 30 человек, ранены 39 человек. Теракт произошёл во время группового просмотра футбольного матча в кинотеатре [2].

В Сирии неоднократно фиксировались факты использования боевиками несовершеннолетних в наступательных операциях, диверсионной деятельности и шпионаже.

Беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА). Так, 10 января 2019 г. в Йемене БПЛА с прикрепленными взрывными устройствами атаковал авиабазу «Аль-Анад». Погибли 6 военнослужащих, были ранены 12 человек. 23 мая 2019 г. посредством БПЛА террористы сбросили 5 бомб на электростанцию «Зара» г. Хама (Си-

рия). В марте 2019 г. на турецко-сирийской границе предотвращено 12 попыток применения дронов для ударов по частям турецкой армии. 23 апреля 2019 г. Федеральной службой безопасности России предотвращён теракт на подразделения правоохранительных органов Северного Кавказа с использованием БПЛА с взрывным устройством.

Последние тенденции развития обстановки продолжают свидетельствовать о росте угрозы использования МТО в террористических актах химических отравляющих веществ. Так, 9 июня 2019 г. в г. Дюссельдорфе задержана семейная пара, готовившая теракты с применением ядовитого вещества «рицин». 21 мая 2019 г. директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации А. Бортников на открытии заседания в г. Душанбе заявил о том, что у международных террористов выявлены реальные возможности для производства химического оружия и биологических токсинов. Заместитель секретаря Совета Безопасности России Ю. Коков, выступая 19 июня 2019 г. в г. Уфе на X международной встрече высоких представителей, сообщил о случаях использования террористами 3D-принтеров, позволяющих в домашних условиях изготавливать из полимерных материалов холодное и огнестрельное оружие, которое невозможно обнаружить металлодетектором. При осуществлении терактов боевики МТО использовали следующие методы:

- внезапное вооружённое нападение на объект. В странах Африки (Нигерия, Нигер, Чад, Камерун, Сомали, Кения) отмечается тактика МТО «Боко-Харам» и «Аль-Шабаб» по организации внезапных вооружённых нападений на мелкие населённые пункты, проникновения в жилища граждан и расстрела мирного населения. Ранее подобная тактика отмечалась только в Мали и Сирии: заблаговременное минирование участка местности и транспортных средств (автомобилей, мотоциклов, велосипедов), установка самодельного взрывного устройства, физическое нападение или проникновение на место совершения теракта боевика-смертника, осуществление поджогов. 10 января 2019 г. в г. Ханакин (Ирак) боевиками совершены нападение и поджог фабрики по производству серы. 14 января 2019 г. в Нигерии сторонниками МТО «Боко-Харам» осуществлён поджог нескольких объектов экономики в г. Ранн. 1 января 2019 г. в г. Токио (Япония) сторонником экстремистской организации с использованием легкового автомобиля осуществлён наезд на пешеходов, ранены 9 человек.

В перспективе в качестве развития методов совершения терактов рассматривается возможность использования боевиками систем газоснабжения жилых многоквартирных домов. Име-

ются сведения о планировании главарями МТО на территории стран Африки и России насильственных акций с использованием бытового газа в специально арендуемых на короткий срок жилых помещениях. Для этого в сети Интернет распространяется видеоинструкция по технике инициирования взрыва газовоздушной смеси в закрытом пространстве в целях максимального разрушения жилых домов и убийства мирных жителей.

Принимая во внимание трансформацию форм и методов террористической деятельности, не исключается возможность их применения для организации терактов на территории стран Содружества независимых государств (далее – СНГ). В этой связи требуется дальнейшая консолидация усилий специальных и правоохранительных органов государств-участников СНГ по разработке единых мер и подходов, направленных на нейтрализацию угроз с учётом обозначенных форм и методов террористической деятельности.

Накал борьбы с экстремизмом и наиболее опасной его разновидностью – терроризмом не только не снизился, но даже многократно возрос в связи с активизацией радикальной деятельности националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленной на нарушение единства и территориальной целостности России, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. Объясняется это наличием факторов, непосредственно влияющих на состояние законности в сфере противодействия экстремизму и терроризму в современных условиях, которые можно подразделить на внешние и внутренние.

К внешним факторам мы относим:

- деструктивную деятельность иностранных государственных органов и неправительственных организаций по поддержке экстремистских проявлений в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в Российской Федерации;
- деятельность международных экстремистских и террористических организаций, приверженных идеологии экстремизма.

К внутренним – экстремистскую деятельность радикальных общественных, религиозных, неформальных объединений, некоммерческих организаций и отдельных лиц.

Анализ механизмов «цветных революций» в развитых странах свидетельствует, что основным инструментом радикализации общества становится вовлечение под любыми предлогами определённых групп населения в протестные акции, которые целенаправленно трансформируются в массовые беспорядки и даже попытки смены власти.

В связи с этим усилия войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – ВНГ РФ)

сосредоточены на вопросах недопущения проведения несогласованных массовых (публичных) мероприятий, а также использования деструктивными силами протестной активности населения для достижения своих политических целей.

Ключевой особенностью выполнения войсками национальной гвардии Российской Федерации задач по противодействию экстремизму является совместная организованная работа с сотрудниками Министерства внутренних дел России.

При этом подразделения ВНГ РФ привлекаются как силовая составляющая при проведении комплексных оперативно-профилактических операций.

Особенностью выполнения войсками национальной гвардии Российской Федерации задач по противодействию экстремизму является мониторинг политических, социально-экономических и иных процессов, оказывающих влияние на ситуацию в регионе.

К объектам мониторинга политических, социально-экономических и иных процессов можно отнести следующие сведения:

1. Угрожающие факторы возможного обострения оперативной обстановки:

- сведения о количестве членов бандгрупп, находящихся в розыске, проведённых контртеррористических операций, обнаруженных схронов и тайников с оружием, салафитских религиозных объектов с примерной численностью прихожан, детей ликвидированных членов незаконных вооружённых формирований;
- сведения о количестве лиц, выехавших за рубеж для участия в боевых действиях;
- сведения о количестве лиц, объявленных в международный розыск;
- сведения о количестве лиц, поставленных на учёт в Министерстве внутренних дел России по категории «религиозный экстремист»;
- сведения о количестве изъятого оружия, преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия;
- уровень преступности (количество преступлений общеуголовной направленности, в т.ч. совершенных несовершеннолетними);
- сведения о количестве лиц, прибывших в места лишения свободы, осуждённых по преступлениям террористической направленности, лиц, освобождённых из мест лишения свободы, осуждённых по преступлениям террористической направленности, осуждённых лиц, исповедующих радикальные течения ислама, осуждённых по преступлениям террористической направленности лиц, состоящих на учёте уголовно-исполнительных инспекций;
- количество интернет-ресурсов (доменных имён, указателей страниц сайтов в сети Интернет

и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет) экстремистской и террористической направленности, доступ к которым ограничен в порядке, предусмотренном ст. 15.1 и 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;

– количество безработных граждан, трудоустроенных граждан, вернувшихся из мест лишения свободы;

2. Состояние социально-экономической обстановки:

– уровень доходов населения;

– факты задержки выплаты заработной платы (указываются предприятия без субъектов малого предпринимательства);

– просроченная задолженность по выплате средств на заработную плату;

– факты возникновения коллективных трудовых споров (указываются предприятия без субъектов малого предпринимательства);

– коэффициент миграционного прироста (на 1000 человек среднегодового населения);

– уровень занятости населения по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (%; повысился или понизился);

– уровень безработицы (отношение численности зарегистрированных безработных к численности экономически активного населения);

3. Оценка отношения населения к органам государственной власти, степень его протестной активности:

– количество публичных мероприятий, проведенных общественными объединениями;

– количество проведенных протестных акций, митингов, шествий;

– количество опубликованных материалов, имеющих негативный характер, о деятельности органов государственной власти с делением на правоохранные, законодательные, судебные, исполнительные, надзорные органы.

4. Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений:

– наличие религиозных групп и организаций деструктивной направленности, степень их вовлеченности в террористическую деятельность;

– сведения о количестве салафитских религиозных объектов с примерной численностью прихожан;

– факты пропаганды национальной, расовой и религиозной розни;

– количество преступлений или конфликтов на межнациональной, расовой и религиозной почве (с указанием статей Уголовного кодекса Российской Федерации);

– факты проявления национального или религиозного экстремизма (осквернение могил, культовых зданий и иные действия, направленные

на разжигание национальной и религиозной розни, и иное с указанием причин и организаторов);

5. Динамика численности населения региона за счет внутренней и внешней миграции:

– основные группы мигрантов, их численность в процентном соотношении к постоянно проживающему населению;

– количество прибывших иностранных граждан (с указанием стран);

– количество прибывших граждан из Северо-Кавказского региона Российской Федерации (с указанием субъекта);

– места сосредоточения мигрантов, ориентировочная численность.

6. Количество публикаций негативного характера об антитеррористической деятельности в регионе в печатных и электронных средствах массовой информации.

Таким образом, мониторинг политических, социально-экономических и иных процессов, оказывающих влияние на ситуацию в регионе, военнослужащими (сотрудниками) ВНГ РФ является немаловажным фактором в деятельности по противодействию экстремизму.

Немаловажной особенностью выполнения ВНГ РФ задач по противодействию экстремизму и терроризму является совместная организованная работа с представителями органов государственной власти.

Так, представителями ВНГ РФ в регионах под руководством глав субъектов Российской Федерации разрабатываются совместные комплексные планы противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на территории региона (сроком на 4 года). Настоящий план разрабатывается в соответствии с планом работы Антитеррористической комиссии региона, утвержденного председателем Антитеррористической комиссии региона, губернатором и председателем правительства региона с учетом Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации, утвержденного Президентом Российской Федерации.

Целью реализации мероприятий настоящего плана является защита населения региона от пропагандистского (идеологического) воздействия международных террористических организаций, сообществ и отдельных лиц.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о своевременности постановки перед ВНГ РФ задач о противодействии экстремистской деятельности и терроризму. Об этом говорит тот факт, что в период политических трансформаций накал борьбы с экстремизмом и наиболее опасной его разновидностью – терроризмом заметно возрос в связи с активизацией экстремистской деятельности националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур,

направленной на нарушение единства и территориальной целостности России, дестабилизацию внутри политической и социальной ситуации в стране. Необходимо отметить, что при выполнении задач ВНГ РФ по участию в борьбе по противодействию экстремизму и терроризму необходима непрерывная организация взаимодействия и

осуществления обмена значимой информацией с федеральными органами исполнительной власти, взаимодействующими силовыми структурами России, а также осуществления ежедневного мониторинга обстановки в зоне ответственности подразделений.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. URL: http://agprf.org///journal/2016/vestnik_3_2016.pdf#4 (дата обращения: 27.01.2022).

Югай Людмила Юрьевна

Докторант Факультета послевузовского образования,
доктор философии (PhD) по юридическим наукам
Академия МВД Республики Узбекистан

Yugay Lyudmila

Doctor of Philosophy (PhD) in Juridical Sciences

Academy the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

BIOMETRIC TECHNOLOGIES AS A TOOL IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM AND EXTREMISM

Во всем мире в условиях динамичных социально-экономических и геополитических изменений, обострения региональных и вооруженных конфликтов, роста киберпреступности, возрастания миграционных процессов, увеличения трансграничной преступности и религиозного экстремизма особое значение приобретает необходимость надежных средств идентификации лиц, совершивших преступление, установления и задержания лиц, находящихся в розыске, а также лиц, причастных к совершению террористических актов.

Кроме того, Глобальный индекс терроризма (Global Terrorism Index) измеряет уровень террористической активности в странах мира и показывает, какие из государств и в каких масштабах сталкиваются с террористической угрозой. В соответствии с данным индексом, наихудшие показатели за 2020 г. имеют Афганистан (индекс – 9,952), Ирак (индекс – 8,682), Нигерия (индекс –

8,314), Сирия (индекс – 7,778) и Сомали (индекс – 7,645) [8]. Тенденция постоянного расширения географии террористических угроз и рисков в мире требует принятия на вооружение правоохранительными органами научно обоснованных достижений современной науки, которые позволяют использовать средства и методы биометрической идентификации в целях противодействия современной преступности.

В Республике Узбекистан осуществляются широкомасштабные реформы по использованию биометрических систем идентификации личности, внедрены биометрические документы, ведётся работа по внедрению Единой биометрической системы, повсеместно установлены системы видеонаблюдения в рамках реализации аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», с 2023 г. внедряется геномная регистрация. Анализ правоприменительной практики показывает, что за 2021 г. наблюдается рост проведенных прове-

рок: по дактоучётам – на 18%, по видеоматериалам – на 392,1%, по фотоизображениям – 295,1%, по фотороботу – 16,4% [11].

Вышеуказанное свидетельствует о том, что использование биометрических баз данных однозначно повышает эффективность раскрываемости преступлений экстремистско-террористической направленности. В органах внутренних дел ведутся специализированные криминалистические учёт с использованием автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем (АДИС), а также автоматизированной системы идентификации лиц (АСИЛ) с биометрическими данными подучётного контингента.

Кроме того, по мнению М.С. Бекмурзина и Т.М. Бекмурзина, биометрические технологии имеют широкие перспективы использования в целях выявления и поиска лиц, причастных к террористической деятельности [1, с. 20-23].

Исторически сложилось, что Республика Узбекистан является центром мировой исламской культуры в Центральной Азии, при этом занимая особое стратегическое положение в регионе. В Узбекистане свыше 93% населения составляют мусульмане (в основном сунниты ханафитского мазхаба, численность шиитов не превышает 1%) [9].

Религиозный экстремизм и терроризм видят в качестве серьёзной проблемы 69% граждан Узбекистана. При этом в результате опроса было установлено, что 62,6% – знают или что-то слышали о существовании в странах региона сторонников религиозно-деструктивных течений [12].

В данном аспекте внедрение национальной биометрической паспортной системы в Республике Узбекистан направлено для максимального повышения уровня безопасности использования документов, удостоверяющих личность, и выявления террористов и экстремистов при помощи биометрических параметров.

Ряд стран не допускает въезда на их территорию террористов, личность которых устанавливается на пограничном контроле путем биометрической проверки. В Интерполе биометрическая база 41000 террористов является важным элементом её контртеррористической стратегии [2].

Р.С. Джинджолия, М.М. Хачидогова подчеркивают, что современный терроризм представляет собой органическую составляющую межгосударственных, межэтнических, религиозных, политических и социально-экономических конфликтов. Террористические организации к началу XXI в. все чаще стали направлять свои усилия не просто на дестабилизацию обстановки в обществе, мире или решение каких-либо краткосрочных задач, а на достижение более крупных, масштабных целей, нежели до этого. Определяющими среди них стали захват или передел власти,

аннексия территорий суверенных государств с вытеснением с них местного населения для создания на данных территориях собственного государства [3, с. 25-26].

При этом М.С. Бекмурзин и Т.М. Бекмурзин отмечают важность объединения усилий правоохранительных структур и контртеррористических организаций и предлагают создать единую базу биометрических характеристик лиц, причастных к террористической деятельности [1, с. 20-23].

Недопущение и противодействие терроризму и религиозному экстремизму требует комплексного подхода, в частности, особую значимость приобретает укрепление механизмов сотрудничества и координации между правоохранительными органами разных стран со стороны международных организаций.

В своей Резолюции 2322 (2016) Совет Безопасности ООН призывает государства обмениваться биометрической информацией. Исполнительный директор Исполнительного директората Контртеррористического комитета (ИДКТК) активно принимает участие в повышении информированности и знаний в области биометрии в деятельности ООН, а также соответствующих международных организаций в этом направлении, по содействию сбору, регистрации и совместному использованию биометрической информации. ИДКТК также содействует использованию соответствующих баз данных Интерпола, включая базу данных с изображениями лиц, поддерживает разработку и реализацию стратегии ИКАО по осуществлению Программы идентификации пассажиров, в которой рассматриваются вопросы биометрической проверки и использования биометрических проездных документов на границе [6].

В соответствии с Резолюцией 2396 (2017), принятой Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) на 8148-м заседании 21 декабря 2017 г. [7], установлено положение об обязательном использовании биометрии государствами-членами. В соответствии с данной Резолюцией государства-члены должны разрабатывать и внедрять системы сбора биометрических данных, которые могут включать отпечатки пальцев, фотографии, данные распознавания лиц и другие соответствующие идентификационные биометрические данные для ответственного и надлежащего выявления террористов, включая иностранных боевиков-террористов, в соответствии с национальным законодательством и нормами международного права в области прав человека.

Необходимо отметить, что в рамках деятельности Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС) сформирована единая инфор-

мационная база, которая содержит сведения о более чем 4500 лицах, участвовавших в военных действиях на стороне международных террористических группировок [4]. Одной из основных форм сотрудничества является обмен оперативно-розыскной, справочной, криминалистической информацией, в т.ч. сведениями о готовящихся и совершенных актах терроризма, сепаратизма и экстремизма, причастных к ним лицах и организациях, создание специализированных банков данных и систем связи, в т.ч. закрытой [5].

Считаем целесообразным на базе РАТС ШОС создание базы биометрических данных лиц, причастных к террористической деятельности, которая будет включать дактилоскопические, габитоскопические и геномные данные указанной категории лиц. Зачастую среди данной категории лиц имеются радикально настроенные экстремисты и террористы. После осуществления теракта идентификация исполнителя затруднена, как правило, в связи с обезображиванием лица и повреждением кожного покрова. В данном аспекте имеет актуальность использование баз ДНК.

Эффективный обмен биометрическими данными крайне важен для расследования

транснациональных преступлений и идентификации террористов. При проведении расследований по делам, связанным с терроризмом, биометрические технологии и другие методы судебной экспертизы могут быть крайне полезны для следователей и обвинителей, помогая им, помимо прочего, установить связь какого-либо лица с конкретным деянием, событием, местом, материалом или с другим лицом [10].

Использование биометрических технологий помогает решать вопросы обеспечения общественной безопасности, противодействия международному терроризму, организованной преступности экстремистско-террористической направленности и нелегальным миграционным процессам. Совершенствование комплекса правовых, организационных, технических и методических мер по использованию биометрических технологий в раскрытии и расследовании преступлений, а также межгосударственного взаимодействия в обмене биометрическими данными лиц, причастных к совершению террористических и экстремистских актов, несомненно, позволит многократно усилить эффективность деятельности по противодействию данным видам преступлений.

Литература

1. Бекмурзин М.С., Бекмурзин Т.М. Некоторые вопросы использования биометрических технологий в борьбе с терроризмом // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 20-23.
2. Биометрия – невероятно мощный инструмент борьбы с терроризмом. URL: https://www.biotime.ru/company_biotime/otraslevie_novosti/biometriya_neveroyatno_moshchnyy_instrument_borby_s_terrorizmom/ (дата обращения: 20.02.2022).
3. Джинджолия Р.С., Хачидогова М.М. О некоторых вопросах определения терроризма и информационного терроризма // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 25-28.
4. Единая база данных ШОС по боевикам насчитывает более 4,5 тысячи радикалов. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20190315/baza-dannyh-shos-boeviki-bolee-4-5-tysyach-radikalov-1028482267.html> (дата обращения: 20.02.2022).
5. Концепция сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. URL: <https://ecrats.org/wp-content/uploads/2021/04/6.pdf>. (дата обращения: 20.02.2022).
6. Обзор инициатив региональных и международных организаций, направленных на введение в действие Совместного плана действий для реализации Глобальной Контртеррористической стратегии ООН в Центральной Азии. Совместная инициатива КТГУООН и РЦПДЦА ООН. Обзор инициатив (Матрица). URL: https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/final_updated_matrix_ru.pdf (дата обращения: 24.01.2021).
7. Резолюция 2396 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8148-м заседании 21 декабря 2017 г. URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2018/%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).
8. Рейтинг стран мира по уровню терроризма. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index> (дата обращения: 20.02.2021).
9. Религия. URL: <http://invest-in-uzbekistan.org/religiya> (дата обращения: 20.02.2022).
10. Сборник практических рекомендаций Организации Объединенных Наций по ответственному использованию биометрических данных и обмену ими в рамках борьбы с терроризмом. URL: https://www.unodc.org/pdf/terrorism/Compendium-Biometrics/_pdf (дата обращения: 20.02.2022).
11. Статистические показатели ГЭКЦ МВД Республики Узбекистан за 2021 г.
12. «Ижтимоий фикр»: 69% опрошенных считают экстремизм главной проблемой региона. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/02/13/extremism/> (дата обращения: 20.02.2022).